

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

90

ПАМЯТНИКИ
РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1962

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук Т. С. Пассек
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук Н. Н. Гурина

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь), П. А. Раппопорт,
Д. Б. Шелов, В. П. Шилов

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

РАБОТЫ ПО СЛАВЯНО-РУССКОЙ
АРХЕОЛОГИИ

Исследования по славяно-русской археологии связаны с рядом отдельных задач — состоянием этого раздела археологии, с общей исторической проблематикой. Сравнительная малочисленность отряда археологов-славистов не позволяет решать эти задачи во всем их объеме, но постоянны четыре основные категории археологических работ: исследование новых памятников путем раскопок, систематизация и изучение всех материалов, полученных за последнее столетие, исследование частных археологических вопросов и, наконец, исторический синтез в широких пределах больших проблем. Естественно, что не все эти виды работ развиваются всегда равномерно. Так, например, вопросы славянского этногенеза, которым археологи в прошлых десятилетиях уделяли так много внимания, в настоящее время отступили на второй план, перешли в разряд частных исследований, накопления материала и выработки новых взглядов на этническую природу ряда археологических культур.

После исправления ошибок Н. Я. Марра время для нового синтеза еще не наступило, но археологи-слависты должны к нему готовиться в содружестве с лингвистами, антропологами, этнографами и историками.

Большую работу в этом направлении ведет П. Н. Третьяков, подготавливающий обобщающее исследование о славянских, летто-литовских и финно-угорских племенах в Восточной Европе. Одной из важнейших очередных задач, связанных с этническим процессом, является окончательное установление этнической принадлежности черняховской культуры и близких ей культур. Установившийся взгляд на черняховскую культуру как на славянскую встречает иногда возражения, но, к сожалению, противники этого взгляда не обладают достаточной смелостью для того, чтобы выступить в печати с серьезным обоснованием своих сомнений. Обычно ограничиваются декларативными заявлениями о принадлежности этой культуры готам, фракийцам, кельтам и т. д. В этом вопросе необходимы широкое накопление новых материалов и переход к синтезу.

В первом направлении сделан важный шаг — опубликован сборник работ русских и украинских археологов 1899—1950-х годов «Черняховская культура» (МИА, № 82).

Подготовлен и сдан в печать такой же совместный сборник, посвященный одному из самых не разработанных периодов истории восточного славянства — V—VIII вв. н. э.

Археология Киевской Руси охватывает два крупных раздела, совершенно неравномерно разработанных нашей наукой — городские и сельские поселения. Городами и их монументальными памятниками успешно занимаются несколько исследователей на протяжении десятков лет¹.

По некоторым городам опубликованы сводные монографии (Киев, Гродно, Старая Рязань), или сборники отдельных исследований (Новгород). Накоплен материал для большой исторической работы о русском средневековом городе, которая должна заменить собой крайне несовершенные работы на эту тему, написанные историками почти без привлечения археологических материалов.

Сельские поселения были почти совершенно не изучены, и поэтому перед одним из сотрудников ИА АН СССР — В. В. Седовым — была поставлена задача исчерпывающего изучения одного из небольших районов древней Руси. Предложено исследовать территорию Смоленского княжества, которая в середине XII в. подробно описана в известной грамоте Ростислава Мстиславича.

Изучение городских и сельских поселений древней Руси поставило еще одну очень важную задачу — исследование русских феодальных замков и владельческих усадеб. Некоторые замки, развиваясь, превратились в большие города XI—XII вв. (как, напр., Любеч), другие остались небольшими укрепленными усадьбами; возможно, что нам удастся точно разделить замки на княжеские и боярские.

Очередная задача, до сих пор еще не решенная — это определение происхождения и времени возникновения городов и замков. Многие работы ведутся археологами на основе всего комплекса исторических источников — летописей, литературных и фольклорных материалов, эпиграфики и археологических данных (Н. Н. Воронин, Б. А. Рыбаков, М. К. Каргер).

В области археологического источниковедения велась работа по составлению «Свода археологических источников». Сданы в печать выпуски, посвященные Полесью (Ю. В. Кухаренко), и подготовлены два выпуска, посвященные древностям железного века в междуречьи Днестра и Десны (И. П. Русанова, Г. Ф. Соловьева и другие сотрудники).

---

¹ Б. А. Рыбаков. Место славяно-русской археологии в советской исторической науке. СА, 1957, № 4, стр. 55—56; е го же. Древнерусский город по археологическим данным. Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1950, т. VII, № 3, стр. 239—249; е го же. Проблемы истории древней Руси в свете новейших археологических исследований. Вестник АН СССР, 1960, № 8, стр. 27—32; Н. Н. Воронин. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 5—29; е го же. Работы советских археологов в области истории русского зодчества X—XIII вв. «Материалы научной конференции, посвященные 40-летию советского искусствознания», М., 1958, стр. 118—130.

Работы по славяно-русской археологии ведутся исследователями во многих городах (Москва, Ленинград, Киев, Львов, Смоленск, Минск и др.). Координирует исследования в этой области Институт археологии АН СССР; в Москве работает сектор славяно-русской археологии, а в Ленинградском отделении института — группа, возглавляемая М. К. Каргером.

Б. А. Рыбаков

СЕКТОР СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1960 г.

В секторе славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1960 г. работал 21 сотрудник. В соответствии с семилетним планом института разрабатывались проблемы, связанные с разделом «Генезис и развитие феодальных отношений на территории СССР»: 1) «Древние славяне в I тысячелетии н. э.», 2) «Русское государство и его культура», 3) «Город и деревня в древней Руси». Широко развернулась также работа над «Сводом археологических источников СССР», в которой занято большинство сотрудников сектора.

Широко велись полевые исследования. Особенность их в последние годы — стремление к полному монографическому исследованию памятников. Экспедиции 1960 г. дали очень интересные результаты, по-новому осветив многие важные вопросы истории Руси. Важную для правильного понимания генезиса русского феодализма эпоху — первую половину и середину I тысячелетия н. э. — изучал ряд исследователей: Э. А. Сымонович продолжал раскопки селища и могильника черняховской культуры в Журавке Черкасской области. И. П. Русанова вскрыла большую часть древнеславянского селища V—VII вв. в Корчаке на Житомирщине. Интересный могильник нижневислинского типа II—IV вв. обнаружил в Бресте Ю. В. Кухаренко. Из полевых работ по средневековой тематике особенно выделяются раскопки Любечской экспедиции (руководитель Б. А. Рыбаков), закончившей в 1960 г. полное взвешенное исследование замка XI—XII вв. в Любече; Прутско-Днестровской экспедиции (руководитель Г. Б. Федоров), выяснившей облик обширного ремесленного города Чернівца (IX—XII вв.) с расположенной в центре усадьбой; Новгородской (руководитель А. В. Арциховский); Московской Кремлевской экспедиции (руководитель Н. Н. Воронин), установившей распространение домонгольского культурного слоя в Московском Кремле до донда Троицких ворот. Интересные результаты получены и другими экспедициями. Краткие информации были сообщены на заседаниях сектора.

В 1960 г. сектором были заслушаны 22 доклада. Особое внимание уделялось насущным вопросам методики археологического исследования — вопросам типологии, которые стали особенно актуальными в связи с широко развернувшейся работой по составлению «Свода археологических источников СССР». Прочитаны и обсуждены доклады о принципах типологии древнерусской керамики (Р. Л. Розенфельдт) и восточнославянских металлических украшений (Л. П. Гуссаковский). Г. Ф. Соловьева сделала доклад «К вопросу о типологии погребальных обрядов восточных славян IX—XIV вв.».

В серии докладов (А. Е. Алиховой, Е. И. Горюновой, Ю. В. Кухаренко, О. Н. Мельниковской, С. А. Плетневой, Э. А. Сымоновича, Г. Б. Федорова) широко освещены погребальные обряды Восточной Европы с I тысячелетия до н. э. до средних веков. В итоге дискуссии была признана необходимость создания современной типологической классификации восточнославянских древностей. Осуществлению этой задачи будет способствовать широко развернувшаяся работа по составлению «Свода археологических источников СССР».

Много заседаний сектора было посвящено обсуждению отдельных вопросов: Э. А. Сымонович в докладе «Орнаментика керамики черняховской культуры» дал обширную сводку фактического материала. По его мнению, распространение одинаковых типов орнамента по всей территории черняховской культуры — это аргумент в пользу единства этой культуры. Э. А. Рикман (Кишинев) представил доклад «О больших домах на селищах черняховской культуры». На обильном материале Э. А. Рикман показал, что основным типом жилого дома на всей территории черняховской культуры были большие наземные постройки (примерно 8×12 м), разделенные обычно на две части: жилую и хозяйственную. Таких домов на этой территории не было ни до, ни после существования черняховской культуры. Наиболее близкие аналогии им — большие дома германских племен, хотя полного тождества нет. Однако это обстоятельство не определяет этнической принадлежности строителей таких домов, поскольку в Молдавии среди носителей черняховской культуры выявлены геты и сарматы.

Выступавшие нашли убедительным выделение больших домов и признали доклад серьезным вкладом в конкретное изучение черняховской культуры (Г. Б. Федоров, Л. В. Артишевская, А. К. Амброз). Б. А. Рыбаков в докладе «О древних календарях» дал интерпретацию изображений, награвированных по краям двух черняховских сосудов из Лепесовки. По мнению докладчика, эти изображения символизируют 12 месяцев земледельческого календаря, а сами сосуды были ритуальными и могли применяться при зимних гаданиях. В. В. Кропоткин прочитал рецензию на работы М. Ю. Брайчевского, посвященные находкам римских монет на территории УССР, подвергнув критике существенные недостатки.

Основная масса докладов была посвящена древнерусской археологии X—XIV вв. Ю. Л. Шапова (МГУ) в докладе «Стеклянные изделия древнего Новгорода» (некоторые вопросы стеклодела древней Руси) показала, что производство русского стекла началось по византийским образцам на рубеже X—XI вв. В XI—XII вв. оно достигло высокого уровня и во многом пошло самостоятельным путем. Татарское нашествие уничтожило киевский центр древнерусского стеклодела.

Работа, проводимая Ю. Л. Шаповой, важна и очень нужна археологам, поскольку они впервые получают объективные данные для определения и датировки древнерусского стекла. Докладчику рекомендовали продолжать работу, включив со временем в нее стекло всей Руси, Северного Причерноморья и Болгарии.

Т. В. Равдина в докладе «К вопросу о датировке витых металлических браслетов» пересмотрела их существующую датировку, удревнив ее. Истории древнерусской культуры были посвящены доклады Н. Н. Воронина, Г. К. Вагнера, Г. Н. Логвина, Н. В. Энговатова. Н. Н. Воронин проанализировал три выдающихся памятника письменности. В докладе «Сочинения Владимира Мономаха в русском летописании» Н. Н. Воронин пришел к выводу о включении сочинений Мономаха во Владимирский летописный свод в 1177 г. уже после смерти Андрея Боголюбского. Влияние этих сочинений Н. Н. Воронин видит в творчестве летописца времени Всеволода III и в «Слове о погибели Русской земли». Выступавшие (Б. А. Рыбаков и А. Л. Монгайт) согласились с основными положениями автора. В докладе о «Слове Даниила Заточника» Н. Н. Воронин высказал мнение, что «Слово» органически входит в круг владимирской литературы и искусства 60-х годов XII в., что оно не «личное моление», а облеченное в форму личного послания к князю литературное произведение типа поучения, адресованное не столько князю, сколько к «миру». Н. Н. Воронин считает, что автором был приближенный княжеский шут-скоморох. Эта социальная позиция автора «Слова» вне рамок феодальной иерархии обусловила тщетность попыток исследователей связать его с определенным

общественным слоем. Выступавшие поддержали тезис автора об органическом вхождении «Слова» в круг владимирской культуры (Г. К. Вагнер, Б. А. Рыбаков), причем лучше всего «Слово» связывается с искусством именно эпохи Андрея Боголюбского (Г. К. Вагнер). Точка зрения на Даниила как на скomoroxa еще непривычна, хотя может оказаться верной. Сейчас изучение Киевской Руси все более переходит к археологам. Постановка докладов, посвященных письменным источникам, необходима для успеха проводимых сектором исследований (Б. А. Рыбаков).

В докладе «Моление Даниила Заточника» Н. Н. Воронин, возражая против отнесения памятника к XIV в., подтвердил и расширил аргументацию в пользу того, что изучаемая редакция памятника происходит из Переслава-Залесского и датируется концом 20-х годов XIII в. Автора он считает княжеским дворянином-милостником. Анализ «Моления» позволяет яснее осветить картину социальных отношений во Владимирской земле. Г. К. Вагнер отметил, что идеи «Моления» очень близко совпадают с идеями, отраженными в резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском: тема князя как собирателя, реализм, обилие фольклорных мотивов, русские национальные черты. Оба памятника проводят прогрессивные для своего времени идеи. Они закономерны для Владимирской земли этого времени. Г. К. Вагнер согласился с Н. Н. Ворониным, что не было кажущегося разрыва между Владимирской и Московской эпохами. По мнению Б. А. Рыбакова, оба доклада Н. Н. Воронина — очень интересное объяснение идеологии низов феодальной иерархии в конце XII — начале XIII в., очень интересна связь письменных памятников и архитектуры. Живое обсуждение вызвал вопрос о личности автора. М. Г. Рабинович предположил, что автор был робичичем — побочным сыном князя от рабыни, Б. А. Рыбаков — что автор был не воином, а министериалом.

Оба своих доклада Г. К. Вагнер посвятил резному декору Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (начало XIII в.). В первом — «Реконструкция одной из фасадных композиций Георгиевского собора в Юрьеве-Польском» — автор реконструировал композицию «Семи спящих отроков эфесских», доказав ее бывшее расположение в южной закомаре западного фасада собора. Проведенное исследование позволило Г. К. Вагнеру выявить пропорции несохранившейся верхней части собора. Во втором докладе, посвященном скульптурам аркатурно-колончатого пояса собора, Г. К. Вагнер доказал, что в поясе на северном фасаде были помещены фигуры святых — патронов владимирской династии, а композиции в закомарах символизировали небесное покровительство владимирским самовластцам; в аркатурно-колончатом поясе западного притвора размещался 11-фигурный деисус. Г. К. Вагнер отметил органическую связь резьбы собора с культурой Владимирской земли этого времени. Выступавшие дали чрезвычайно высокую оценку работам, подчеркнув их большое значение для истории русской культуры.

Исследования Г. К. Вагнера — новый этап в изучении владимиросудальской архитектуры (Б. А. Рыбаков). После его исследований общая идея храма — главенство владимирских самовластцев в распадающейся Руси — уже не подлежит сомнению. Для Владимирской земли можно предполагать пропаганду идеи гражданского мира, затушевания классовых противоречий — может быть, с этим связана отраженная в резьбе храма идея всеобщего моления (Н. Н. Воронин). Н. Н. Воронин поддержал также тезис Г. К. Вагнера о наличии в эту эпоху культа Андрея — символа независимости русской церкви от византийской.

Г. Н. Ловгин сделал сообщение о раскопках храма XII в. в Василёве. Выступавшие отметили важность этого памятника для истории древнерусской архитектуры. При обсуждении его особенностей привлекался широкий круг аналогий. По мнению Н. Н. Воронина, материалы Василёвского

храма подтверждают мнение о существовании связей галицкой архитектуры с владимирской. Н. Н. Воронин говорит, что широкое подкупольное пространство заставляет предполагать наличие башнеобразного верха. М. А. Ильин высказал предположение о возможности оформления сводов в боковых нефях в виде аркбутанов, что вызвало возражения Б. А. Рыбакова. Г. К. Вагнер поддержал тезис М. А. Ильина о полоцких аналогиях. Большой интерес вызвала и найденная при раскопках храма плита с «вавилоном» и княжескими знаками. В. Л. Янин относит эти знаки к первой половине XII в. Б. А. Рыбаков высказал предположение о возможности принадлежности одного из знаков Андрею Владимировичу (брату Юрия Долгорукого), несколько лет княжившему на Волыни. Он указал также, что вавилон есть и на надгробной плите болгарского боярина Мостича. Размеры василёвского вавилона равны половине смоленско-полоцкого локтя. М. А. Ильин, А. В. Никитин, Н. Н. Воронин отметили неодновременность княжеских знаков на плите. Еще скрытые в земле остатки многочисленных храмов представляют неисчерпаемые возможности для изучения древнерусской архитектуры (Н. Н. Воронин).

Доклад Н. В. Энгватова «К вопросу о русском доглаголическом и докирилловском письме по данным нумизматических и сфрагистических памятников X—XII вв.» подвергся большой критике.

Проблеме неславянских народов, вошедших в состав древнерусской народности, был посвящен доклад Л. А. Голубевой «Археологические памятники веси на Белоозере». При обсуждении отмечена необходимость изучения еще очень малоизвестного археологически севера Северо-восточной Руси. Л. А. Голубевой убедительно обрисовано своеобразие лепной керамики Белоозера (Н. Н. Воронин). По мнению Е. И. Горюновой, показанные в докладе памятники веси очень близки мерянским. Из сообщения видно, что весь, как и другие восточные финно-угры, делилась на группы. Курганные погребения на территории веси принадлежали уже славянизированному населению. Как и на мерянской территории, здесь в XI в. должны были еще сохраняться отдельные группы веси среди славянского населения. Поэтому необходимо искать одновременные курганам грунтовые могильники.

Многие доклады были посвящены итогам полевых работ. И. Г. Хинку (Кишинев) рассказал о раскопках Лукашевского селища в 1959 г. Среди керамического материала XII—XIV вв. наблюдается появление посуды, изготовленной в романских традициях. С этого периода начинают выделяться основные формы посуды, характерные для молдавской культуры.

Г. А. Федоров-Давыдов сделал доклад «Болгарское городище-святилище X—XI вв.»¹ Н. Н. Воронин подчеркнул интерес поставленной в докладе проблемы смены святилища замком феодала. А. Ф. Медведев высказал мнение, что есть основания говорить о существовании памятника и в XII в. (типы стрел, «чеснок»).

А. Ф. Медведев рассказал о результатах наблюдений за земляными работами в Новгороде, которые дают очень ценные выводы.

Л. В. Алексеев в докладе «Раскопки древнего Друцка» сообщил о результатах исследования этого лучшего по сохранности древнерусского городища Белоруссии, на котором прекрасно сохранился детинец, посад, отчасти окольный город; рядом есть курганный могильник. Раскопки выяснили, что Друцк возник в конце XI в., а расцвет относится к концу XII—началу XIII в. Этим временем датируются несколько ярусов древних мостовых и постройки. Задача раскопок — полное изучение типичного небольшого древнерусского городка, упомянутого в летописи. Н. Н. Воронин и А. Л. Монайт указали, что раскопки Друцка должны привести к его полному монографическому исследованию. В докладе Л. В. Артишев-

¹ Г. А. Федоров-Давыдов. Болгарское городище-святилище X—XI вв. СА, 1960, № 4.

ской «Раскопки могильника V—VII вв. около дер. Макорзно, Брянской области» сообщены результаты исследования памятника одной из наименее изученных эпох в истории Поднепровья. Могильник состоит из грунтовых и подкурганых погребений с трупосожжениями. Л. В. Артишевская считает первые более ранними, подкурганные — более поздними, но в рамках V—VII вв. Часть выступавших (Б. А. Рыбаков, И. П. Русанова, А. К. Амброс) согласились с определением памятника как могильника, часть высказывала сомнения (Е. И. Горюнова).

Сектор славяно-русской археологии принял активное участие в конференциях. На объединенной сессии Отделения исторических и общественных наук АН СССР, пленуме Института археологии АН СССР и X конференции Института археологии АН УССР был заслушан и обсужден ряд проблемных докладов: Б. А. Рыбакова «Проблема феодальной раздробленности и археология древней Руси» и «Русский эпос в историческом освещении»; А. И. Тереножкина «Прародина славян и лужицкая культура»; В. В. Кропоткина «Экономические связи Римской империи и Византии с Восточной Европой в I тысячелетии н. э.»; В. В. Седова «Славяне и балты». На заседаниях сессии заслушаны сообщения об итогах полевых работ. Исследованию памятников черняховской культуры были посвящены ряд докладов: Е. В. Махно — о разведке поселений в зоне затопления Кременчугской ГЭС, Э. А. Рикмана — о раскопках поселений в Молдавии, Э. А. Сымоновича — о раскопках селища и могильника в Журавке (Черкасская область), М. А. Тихановой — об исследовании поселения в Лепесовке.

Памятники второй половины I тысячелетия н. э. были освещены в докладах П. И. Хавлюка о памятниках Южного Побужья, В. П. Петрова — о поселении в Стецовке (VII—VIII вв.), Д. Т. Березовца — о группе памятников у с. Пеньковка (VIII—IX вв.), Г. Г. Мезенцевой — о раскопках на Княжей горе. Об археологических памятниках древней Руси были сданы следующие доклады: В. И. Довженок, В. К. Гончаров и Р. А. Юра рассказали о четырехлетних раскопках г. Воин; М. К. Каргер — о трехлетних исследованиях Изяславского городища; Д. И. Блифельд — о Шестовицком могильнике; Г. М. Власова — о погребениях XI в. в с. Збуж (Волынской области); Л. В. Алексеев — о раскопках городов Браслав, Друцк и Мстиславль в 1955—1959 гг.; Г. Б. Федоров — о раскопках 1959 г. на Алчедарском поселении в Молдавии; Б. А. Тимощук — о раскопках храма в Василёве; В. А. Богусевич — о раскопках храма XII в. в Путивле; Ф. Д. Гуревич — о раскопках в Новогрудке.

По инициативе сектора 24 и 25 ноября 1960 г. было проведено в Москве совместное заседание Ученых советов ИА АН СССР и ИА АН УССР с постановкой и обсуждением докладов киевских археологов (А. И. Тереножкин «Прародина славян и лужицкая культура»; В. И. Довженок «Археологический комментарий к сообщениям литературных источников о смердах и закупах»; М. Ю. Смишко «Относительно концепции о германской принадлежности черняховской культуры»).

В 1960 г. сотрудниками сектора опубликованы 47 работ, среди которых монографии Г. Б. Федорова «Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.» и В. В. Седова «Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.)»; статьи Ю. В. Кухаренко «К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры», В. В. Седова «Кривичи» и др. Сдан в печать ряд статей. Завершена монография П. И. Засурцева «Постройки древнего Новгорода»; И. П. Русанова защитила кандидатскую диссертацию «Археологические памятники древлян» и И. Г. Хынку — «Сельское гончарное производство Молдавии в VI—XVII вв.». Работа Г. Б. Федорова была представлена к защите в качестве докторской диссертации.

А. К. Амброс

В 1960 г. сотрудники группы продолжали работать над двумя основными проблемами: древняя история славян (П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин, М. А. Тиханова) и история культуры древнерусского города (М. К. Каргер, Г. Ф. Корзухина, П. А. Раппопорт, Ф. Д. Гуревич, А. Н. Кирпичников, Ю. П. Спегальский).

П. Н. Третьяков продолжал работу по изучению древних городищ Смоленщины; кроме того, с 1960 г. он приступил к работе над новой темой: «Финно-угры, балты и славяне в Восточной Европе». И. И. Ляпушкин также в 1960 г. начал работу над новой темой: «Восточные славяне накануне образования древнерусского государства». М. А. Тиханова продолжала изучение памятников культуры полей погребений на территории южной Волыни и в первую очередь поселения у с. Лепесовка.

М. К. Каргер заканчивал работу над монографией «Древнерусский город Переяславль». Монография эта, основанная на итогах многолетних раскопок автора в г. Переяславе-Хмельницком, посвящена замечательной архитектуре XI—XII вв., памятникам своеобразной «школы» древнерусского зодчества эпохи феодальной раздробленности. Г. Ф. Корзухина работала над изучением вопроса о скандинавских элементах в художественном ремесле древней Руси. П. А. Раппопорт в 1960 г. приступил к работе над монографией «Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.». Ф. Д. Гуревич, закончив исследование о древностях Белорусского Полеманья, также перешла к новой теме — «Древний Новогрудок». А. Н. Кирпичников в 1960 г. выполнил раздел своей монографии «Русское оружие X—XIII вв.», посвященный изучению боевых топоров. Ю. П. Спегальский подготовил к печати монографию «Псковские каменные жилые здания XVII века».

Археологические экспедиции, руководимые сотрудниками группы, осуществляли в 1960 г. следующие работы:

Галицко-Волынская экспедиция (нач. М. К. Каргер) продолжала раскопки городища у с. Городище близ Шепетовки, где в 1960 г. была вскрыта площадь более 6000 м². Открыты остатки многочисленных жилищ и хозяйственных построек, найдено огромное количество предметов (сельскохозяйственные орудия, орудия ремесленного производства, вещи домашнего обихода, оружие и пр.). Была проведена также большая разведка на территории Галицко-Волынской земли.

Смоленским отрядом Верхнеднепровской экспедиции (нач. П. Н. Третьяков):

а) завершены раскопки на Мокрядинском городище середины и второй половины I тысячелетия до н. э.

б) исследована вся площадь городища VI—VII вв. н. э. у дер. Слобода Глушица.

в) обследованы некоторые болотные городища и городища в западной части Смоленской области.

Днепровская Левобережная экспедиция (нач. И. И. Ляпушкин) провела раскопки на двух славянских городищах близ с. Решетки (бывш. Старые Сенжары Новосенжарского района Полтавской области УССР). Кроме того, обследованы памятники в зоне затопления при Днепрогидростроительском ГЭС.

Днестровско-Волынская экспедиция (нач. М. А. Тиханова) продолжала раскопки на поселении культуры полей погребений у с. Лепесовка (Белогорский район Хмельницкой области УССР), а также провела разведку в окрестностях с. Загайцы (Великодержавского района Тернопольской области УССР). Отряд экспедиции (под руководством И. С. Винокура) обследовал древнее поселение III—IV вв. н. э. у с. Иваньково.

Торопецкий отряд (нач. Г. Ф. Корзухина) продолжил раскопки на Малом городище в Торопце, начатые в 1957—1958 гг. Я. В. Станкевич. Вскрыты остатки многочисленных деревянных жилых и хозяйственных сооружений, относящихся в основном к XIII в.

Отряд по изучению крепостей (нач. П. А. Раппопорт) обследовал древнерусские городища на территории северной части Волынской земли (современная Брестская область БССР, Волынская и Ровенская области УССР).

Славяно-Литовский отряд (нач. Ф. Д. Гуревич) продолжал раскопки на территории Окольного города в Новогрудке.

В 1960 г. вышел из печати сборник «Древности северо-западных областей РСФСР», в котором помещены две работы: 1) Я. В. Станкевич. «К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э.»; 2) Ф. Д. Гуревич. «Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. (по материалам Калининградской области)».

П. А. Раппопорт

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

В. В. СЕДОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ
СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ XII в.*(по материалам экспедиции 1960 г.)*¹

В изучении географии Смоленской земли XI—XIV вв. один из перво-степенных вопросов — это локализация поселений и волостей, известных по письменным источникам. К настоящему времени большая часть древнерусских географических названий картографирована историко-географами лишь на основе некоторого, порой весьма отдаленного сходства или созвучия с названиями современных местностей. В связи с этим местоположение многих древнерусских поселений и волостей спорно, а в ряде случаев неоправдано вовсе. В 1960 г. Верхне-Днепровский (Смоленский) отряд Черныговской экспедиции Института археологии АН СССР начал археологические поиски и обследование древнерусских поселений и волостей, известных по различным письменным источникам XI—XIV вв., а также изучение древних путей сообщения и волоков (рис. 1). Настоящая статья посвящена первым результатам, полученным в процессе археологического изучения географии Смоленской земли.

Крупнейшей волостью Смоленской земли XII в. была **Вержавляне Ведавке**². Местоположение ее и г. Вержавска (ее центра) до сих пор оставалось неопределенным. В середине XIX в. И. Д. Беляевым была высказана догадка об отождествлении Вержавска с г. Ржевом на **верхней Волге** (летописная Ржева-Ржевка)³, с чем согласился В. С. Борзаковский, А. И. Соболевский, М. В. Довнар-Запольский, И. М. Красноперов⁴. Однако уже Н. П. Барсов считал Вержавск и Ржеву различными поселения-

¹ Доклад на заседании секции славяно-русской археологии 10 апреля 1961 г. Пленум ИА АН СССР.

² Согласно уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1150 г. (ДАИ, т. 1, стр. 5—8), население этой волости платило ежегодно 1000 гривен дани.

³ И. Д. Беляев. О географических сведениях в древней Руси. ЗРГО, кн. 6, СПб., 1852, стр. 177.

⁴ В. С. Борзаковский. История Тверского княжества. СПб., 1876, стр. 41 и прим. 90; А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Киев, 1888, стр. 83; М. В. Довнар-Запольский. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891, стр. 33 и 38; И. М. Красноперов. Очерк промышленности и торговли Смоленского княжества с древнейших времен до XV века. «Историческое обозрение», т. 7, СПб., 1894, стр. 95 и 102; его же. Некоторые данные по географии Смоленского и Тверского края в XII веке. ЖМНП, ч. 335, СПб., 1901, стр. 355.

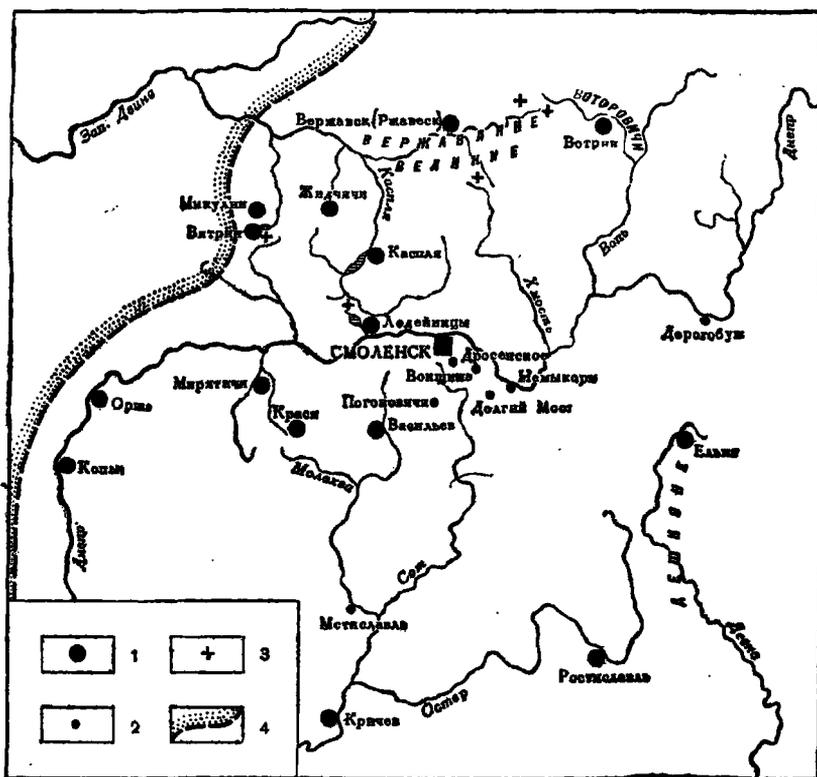

Рис. 1. Поселения и волости, обследованные в 1960 г.

1 — поселения, обследованные в 1960 г.; 2 — ранее обследованные поселения; 3 — места волостей, обследованные в 1960 г.; 4 — западная граница Смоленской земли около середины XII в. (по А. Н. Насову).

ми⁵. После работы М. К. Любавского и П. В. Голубовского⁶, показавших, что в документах XV—XVI вв. «Вержавский повет» и «Вержанский путь» за Днепром упоминаются в составе Смоленской земли, в то время как Ржева в XV—XVI вв. входила во владения Тверского княжества, стало очевидным, что отождествление Вержавска со Ржевом — ошибка.

Наибольшее признание получило предположение, высказанное впервые М. Ф. Владимирским-Будановым⁷, согласно которому древнерусский г. Вержавск находился на месте с. Вержи в бассейне р. Вержи — небольшого правого притока Днепра в его верхнем течении. Так как многие древние смоленские волости действительно получили названия по названиям рек, на которых они расположены, то это предположение кажется очень правдоподобным. С локализацией Вержавской волости в бассейне р. Вержи согласились М. К. Любавский, П. В. Голубовский и др. В бассейне этой реки помещают Вержавлян Великих и до сих пор⁸.

⁵ Н. П. Барсов. Географический словарь Русской земли (IX—XIV ст.). Вильна, 1865, стр. 28 и 172.

⁶ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление литовско-русского государства ко времени издания литовского статута. М., 1892, стр. 268, 273; П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, стр. 65.

⁷ М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. 1. Киев, 1876, стр. 221.

⁸ А. Н. Насов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 163, прим. 4; История культуры древней Руси, т. 1, М.—Л., 1951 (схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси, составленная Б. А. Рыбаковым); А. В. Успенская, М. В. Фехнер. Поселения древней Руси. Труды ГИМ, вып. 32, 1956, стр. 140.

Однако есть основания не согласиться с локализацией этой волости в верховьях Днепра. Вержавск упоминается не только в уставной грамоте середины XII в., но и значительно позднее, в донесениях 1609 г., посланных в Смоленск с северо-западного рубежа Московского государства⁹. В этих документах названо несколько деревень Поречской и Щучейской волостей, разоренных литовцами, что позволяет локализовать Вержавск в северо-западной части Смоленской области. По-видимому, основываясь на этих документах, смоленский историк и географ И. И. Орловский высказал предположение о местонахождении древнерусского г. Вержавска на месте с. Городище на оз. Ржавец, входящем в систему Западно-Двинского бассейна¹⁰.

С целью окончательного решения вопроса о местоположении древнерусского г. Вержавска и его волости археологическая разведка была произведена в окрестностях с. Вержи и в бассейне р. Вержи и также в северо-западных районах Смоленщины — в районе оз. Ржавец. В с. Верже и в его окрестностях не оказалось ни городища, ни какого-либо другого археологического памятника, который можно было бы считать Вержавском. Более того, разведка показала, что такого города не могло быть ни в бассейне р. Вержи, ни в ближайших к нему районах Верхнего Поднепровья. Бассейн р. Вержи, как и верховье Днепра, в древнерусское время были сравнительно слабо заселенными районами Смоленской земли и размещение здесь одной из наиболее платежеспособных волостей XII в., какой были Вержавляне Великие, явно ошибочно.

Совсем иным был в древнерусское время район бассейна р. Гобзы, где находится оз. Ржавец, связанное небольшим протоком с этой рекой. По густоте расположения древнерусских археологических памятников этот район Смоленской области уступает лишь ее центральной части. На берегу оз. Ржавец расположено большое городище, уже при первом осмотре которого становится очевидным, что в древнерусское время здесь находилось поселение городского типа. Городище занимает высокий, с трех сторон омываемый водами озера, останец. Овальная площадка его размерами около 110×70 м (площадь около 5000 м²) со всех сторон окружена почти отвесными склонами. На берегу озера, у подножья останца, располагался городской посад, на распаханной площади которого обнаруживается большое количество древнерусской керамики. Керамический материал, собранный здесь и на площадке городища, позволяет датировать памятник от IX—X до XVII столетия включительно. Начальную дату поселения определяют довольно многочисленные обломки лепной керамики, совершенно одинаковой с лепной глиняной посудой славянских круглых курганов IX—X вв. Основная же часть собранной здесь гончарной керамики относится к X—XIX вв.

Местоположение Вержавска (Ржавского городища документов начала XVII в.) на берегу оз. Ржавец бесспорно. Помимо сходства географических названий и соседства деревень, упомянутых в этих же документах, в пользу такого отождествления говорит и то, что жители дер. Городище, расположенной на берегу оз. Ржавец, до недавней поры считали престольным праздником день Ильи-пророка, а в одном из документов 1609 г. прямо сказано: «...приехали къ намъ у Вержавескъ къ Илье Пророку, на городище...». Археологическое же обследование городища позволяет вполне

⁹ «Акты исторические», т. 2, СПб., 1841, стр. 218. То же городище упоминается на стр. 420 и 421 (документ № 354). В сообщении Юрия Буланина (там же, стр. 230) это поселение названо Ржавским городищем.

¹⁰ И. И. Орловский. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1907, стр. 169. Исследователь не делает ссылки на источник, чем, может быть, отчасти и объясняется тот факт, что вопрос о местоположении Вержавска на оз. Ржавец в южной части нынешнего Слободского района Смоленской области не вышел за пределы смоленских краеведческих изданий.

определенно утверждать, что Вержавск грамоты Ростислава Мстиславича находился здесь же.

Бассейн р. Гобзы был исключительно удобным для древнего судоходства. На запад, в Полоцкую землю и Прибалтику, вел путь по Гобзе, Каспле и Западной Двине. В верховьях р. Гобзы находится много удобных для волоков участков, которые позволяли перевозить товары в северном, южном и восточном направлениях. По всей вероятности, упоминаемый в источниках начала XVI в. «Верьжанский путь» проходил по р. Гобзе и ее притокам.

Среди смоленских городов «Списка русских городов дальних и ближних», составленного, судя по исследованию М. Н. Тихомирова, в конце XIV в., назван Ржавеск¹¹, местоположение которого до сих пор оставалось неопределенным. Правда, М. Н. Тихомиров высказал догадку, что местоположение этого города «возможно, определяется селом Ржавец недалеко от станции Темкино к юго-востоку от Вязьмы»¹². Однако при разведывательном обследовании никакого городища ни в селе, ни в его окрестностях не оказалось. Сопоставление всех географических названий, сходных и созвучных с летописным Ржавеском, с археологическими материалами позволяет сделать вывод, что летописный Ржавеск находился на оз. Ржавец. Иными словами, Ржавеск «Списка русских городов» конца XIV в. — это то же самое поселение, что и Вержавск грамоты Ростислава Мстиславича — Вержавеск-Ржавское городище документов XVII в. Лингвистические исследования А. И. Соболевского свидетельствуют в пользу отождествления Вержавска с Ржавеском. Отмеченные этим исследователем случаи отпадения и выпадения согласных в географических названиях (Дебряиск — Брянск, Пльсков — Псков, Вържева — Ржева)¹³ должны быть распространены и на Вержавск — Ржавеск. Названия Вержавска и его волости, нужно полагать, производны от названия оз. Ржавец (древнее название Вержавец), расположенного в центре Вержавлян Великих.

По предложению П. В. Голубовского, волость Воторовичи, население которой, согласно уставной грамоте 1150 г., платило ежегодно 100 гривен дани, получила свое название по р. Вотре и располагалась на этой реке¹⁴. Археологические разведки в бассейне р. Вотри подтвердили это предположение. Установлено, что центром волости было укрепленное поселение, остатки которого открыты на территории дер. Городна в среднем течении р. Вотри. Это было небольшое мысовое городище площадью менее тысячи кв. м. В первой половине XIX в. оно было сnivelировано. Земляной вал, ограждавший площадку с напольной стороны, в настоящее время не поднимается выше 0,5 м. За валом слегка заметны следы засыпанного рва. Находки древнерусской гончарной керамики на площадке городища, а также за его валом позволяют датировать поселение XI—XIV вв.

Описываемое городище единственное древнерусское укрепленное поселение в обследованном районе. Но не только это обстоятельство позволяет рассматривать его в качестве центра волости Воторовичи. Среди местного населения до сих пор сохраняется предание, что дер. Городна и речка Городнянка, протекающая здесь, называются так потому, что в глубокой древности здесь был город (городок) и располагался он, согласно преданию, как раз на том возвышении, часть которого занимает городище. Более того, старожилы дер. Городна сообщили, что назывался этот городок Ветрийн. Название его, как и всей волости, по-видимому, производно от названия р. Вотри (Вотрин). Безударное о со временем изменилось в е

¹¹ Новгородская первая летопись. М.—Л., 1950, стр. 476.

¹² М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. — «Исторические записки», т. 40, 1952, стр. 243.

¹³ А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 83.

¹⁴ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 62.

(то же: с. Дросенское в грамоте Ростислава Мстиславича, названное по р. Дросна, ныне Дрѣсна).

Вотринское поселение не было городом, о чем свидетельствуют небольшие размеры городища и отсутствие его в перечне населенных мест (уставной грамоты 1150 г.), плативших «погородие». Это было небольшое укрепленное поселение, близкое по характеру рядовым городищам Смоленской земли XII—XIV вв.—Воишине, Ковшаровскому и Бородинскому.

Археологические разведки заставляют отказаться от локализации другой волости Витрин, платившей, согласно уставной грамоте 1150 г., смоленскому князю 30 гривен дани, в бассейне р. Вотри, где помещали ее И. Д. Беляев¹⁵ и П. В. Голубовский¹⁶. Оба исследователя основывали свои предположения исключительно на созвучии Витрина с названиями современных деревень, расположенных в этом районе. Более близких названий среди населенных мест Смоленской губернии XIX в. не оказалось. Но исследователи истории Смоленской земли неоднократно подчеркивали, что древнерусские волости часто названы по рекам и озерам, на берегах которых они располагались. В связи с этим волость Витрин нужно размещать в районе оз. Витрина в северо-западной части Смоленской области. Название этого озера не только созвучно, но и полностью совпадает с названием смоленской волости XII в.

Центром Витринской волости, по всей вероятности, было укрепленное поселение, расположенное между озерами Витрино и Рутаветч на юго-западной окраине с. Микулино, это единственное в районе древнерусское городище с культурным слоем XI—XIII вв. Оно уже было описано в археологической литературе¹⁷.

Жидичи уставной грамоты Ростислава Мстиславича обычно картографируются в районе современной дер. Жичицы, расположенной между городами Рудней и Демидовым¹⁸. Других созвучных с ними географических названий на Смоленской земле нет. Разведки, произведенные в этом районе, определили правильность локализации поселения. Располагалось оно несколько севернее современной дер. Жичицы, в 0,8 км к северо-западу от дер. Лоски на небольшом островке среди огромной сильно заболоченной низины, из которой берет начало р. Черобесна (бассейн р. Каспли). По своему расположению Жидичи напоминают Воишину¹⁹. Площадь останца (около 1 га) значительно превосходит площадь Воишинского городища. Но неизвестно, везде ли распространен древнерусский культурный слой.

¹⁵ И. Д. Беляев. Указ. соч., стр. 178; дер. Ведрино Духовщинского у. Это предположение было принято Н. П. Барсовым и И. М. Красноперовым.

¹⁶ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 62; дер. Ветрица (Вотрица) Духовищевского у.

¹⁷ А. Г. Векслер. Археологическое обследование бассейна реки Каспли в Смоленской области. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 2, Смоленск, 1957, стр. 334—339. А. Г. Векслер называет городище Микулинским. Во избежание путаницы лучше называть его Витринским, так как в с. Микулине есть еще второе городище — остатки древнерусского г. Микулина, впервые упомянутого среди литовских городов в «Списке русских городов дальних и ближних». В локализации летописного г. Микулина на месте современного с. Микулина исследователи единодушны (Россия. Полное географическое описание под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского, т. IX, СПб., 1906, стр. 507; М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 241), но археологически город до 1960 г. оставался невыявленным.

Микулин располагался на возвышенности на берегу оз. Глыбай. Мысовую оконечность занимал детинец, следы укреплений которого в настоящее время едва заметны. Город был основан, по всей вероятности, только в XIV в., так как более древней керамики среди подъемного материала не оказалось.

¹⁸ М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 223; П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 56—57; А. Н. Насонов. Указ. соч., карта между стр. 160—161 и другие работы.

¹⁹ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М., 1960, стр. 51, 52.

Вала и рва здесь нет, а вся территория городища поросла лесом, что сильно затруднило обследование памятника. Собранный здесь керамика позволила определить начальную дату поселения XI в.

Расположение Касплянской волости, население которой платило в середине XII в. 100 гривен дани, не вызывает споров. Ее земли находились по берегам р. Каспли и озера того же названия. Исследователи единодушны и в утверждении, что центр волости находился на месте с. Каспли — ныне районного центра Смоленской области. Археологически это полностью подтверждается. Действительно, у истока р. Каспли из озера находится довольно крупное городище древнерусского времени (его размеры $64 \times 27-17$ м)²⁰, которое, бесспорно, и было центром Касплянской волости.

В настоящее время на Смоленской земле нет более созвучных с Лодейницами географических названий, чем с. Лодыжини (или Лодыжницы) при оз. Купринском, где, по мнению П. В. Голубовского, и находилось это древнее поселение²¹. А. Н. Насонов согласился с локализацией Лодейниц в этом месте и полагал, что древними Лодейницами было селище с лепной и раннегончарной керамикой, открытое близ дер. Ержи-Лодыжицы²². Но едва ли Лодейницы были рядовым неукрепленным поселением, тем более что здесь же находится городище с древнерусским культурным слоем (XI—XIII вв.). Оно расположено на небольшой возвышенности, господствующей над окружающей местностью. Овальная площадка его небольших размеров — 40×29 м. Как и Касплянское городище, оно должно быть отнесено к поселениям негородского типа. По-видимому, это городище и нужно считать Лодейницами уставной грамоты Ростислава Мстиславича. Волость Лодейницы находилась на одном из участков древнего водного пути из Днепра в Западную Двину²³.

Вряд ли найдутся какие-либо возражения против предложенного П. В. Голубовским размещения волости Мирятичи на р. Мерее (Мирее) — левом притоке Днепра²⁴. В поисках центра этой волости в 1960 г. были осмотрены все древнерусские городища на р. Мерее. Нужно полагать, что таким поселением было довольно крупное городище, расположенное в нижнем течении реки близ с. Ляды, по своему облику (его размеры около 130×35 м) приближающиеся к городским поселениям древней Руси.

Значительно труднее было отыскать смоленские города Красн и Васильев, впервые упомянутые в летописи под 1165 г.²⁵ Местоположение Красна обычно определяется исследователями бывш. уездным г. Красным — ныне с. Красное, районный центр Смоленской области²⁶. Однако на территории с. Красного нет городища, причем решительно нет никаких оснований предполагать, что оно могло быть уничтожено. Красное расположено на ровной местности, не характерной и не удобной для топографии древнерусского города. Небольшие же городища, известные в 3—6 км от Красного, не относятся к памятникам древнерусского времени.

В поисках г. Красна обследована почти вся территория Краснинского и соседних с ним районов. Единственный памятник здесь, который

²⁰ А. Н. Лявданскі. Археолёгічныя досьледы у вадазборах рек Дняпра, Сажа і Касплі у Смоленскай губэрніі. Працы Арх. Каміс., т. 2, Менск, 1930, стр. 330—331. Обследование городища в 1960 г. позволяет датировать нижние горизонты славянского слоя IX—X вв.

²¹ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 59, 60.

²² А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 160.

²³ Этот участок пути и волоки были обследованы еще А. Н. Лявданским (А. Н. Лявданскі). Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Труды смоленских государственных музеев, вып. 1, Смоленск, 1924, стр. 59).

²⁴ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 81, 82.

²⁵ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 359.

²⁶ Н. П. Барсов. Указ. соч., стр. 107; П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 80; А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 160.

можно уверенно относить к поселениям городского типа, это городище у с. Зверовичи, в 12 км юго-западнее Красного²⁷. Зверовичское городище принадлежит к типу сложно-мысовых²⁸ и состоит из двух площадок, каждая из них с напольной стороны защищена валом, детинца размерами 42,3 × 22,5 м и окольного города размерами около 200 × 75—90 м. Керамика, собранная здесь, датирует памятник домонгольским временем.

Поиски г. Васильева велись путем обследования населенных пунктов, по названию одинаковых с летописным. Еще П. В. Голубовский подчеркнул, что Васильев нужно искать где-то близости от Красна. Учитывая это обстоятельство, разведки были ограничены районами Смоленской земли, расположенными к юго-западу от Смоленска. В результате определено местонахождение г. Васильева на правом берегу р. Вихры на территории с. Городок в 3 км от дер. Васильево. К сожалению, подробной археологической характеристики сделать нельзя, так как еще в конце XVIII в. при постройке здесь помещичьей усадьбы городище было разрушено.

Местоположение Орши, Копыса, Кричева, Ростиславля и Ельни хорошо известны. В 1960 г. проведено рекогносцировочное обследование всех этих поселений, хотя некоторые из них уже были известны в археологической литературе.

Орша (Рша) впервые упоминается в летописи под 1067 г. как пограничное поселение, принадлежавшее Смоленску²⁹. Небольшие раскопки на Оршанском городище велись еще в 20-х годах³⁰. До конца XIII — начала XIV в.³¹ это было мысовое поселение, ограниченное р. Оршицей, Днепром и с напольной стороны валом и рвом. Начальная дата поселения археологами определяется XI в., что согласуется с летописным известием. По размерам Оршанское городище (87 × 68,5 м) приближается к детинцам рядовых смоленских городов XII в. (см. ниже). И хотя Орша отсутствует в перечне населенных пунктов уставной грамоты Ростислава Мстиславича, плативших «погородие», нужно полагать, что в середине XII в. она была городом.

Первое упоминание Копыса в письменных источниках М. Н. Тихомиров определяет 1116 г.³² В поздних же списках летописей первое известие о Копысе относится к 1059 г.³³ Судя по уставной грамоте Ростислава Мстиславича, в середине XII в. Копыс был местом, где взималась торговая пошлина с товаров, шедших вверх и вниз по Днепру, и за перевоз через Днепр. Копыс принадлежал к городским поселениям и платил 6 гривен «погородия».

Городище древнего Копыса расположено на левом берегу Днепра при устье небольшой речки Смороковки (ныне пос. Копысь Оршанского района Витебской области). Круглая площадка городища (ее диаметр около 80 м) обнесена кольцеобразным валом, высота его в настоящее время достигает 3 м. При обследовании городища в 1960 г. и небольших раскопках 1951 г.³⁴ оно было датировано XI—XIV вв., но судить о времени основания города еще преждевременно. Копыское городище принадлежит к типу круглых

²⁷ Ранее городище обследовалось К. А. Дергачевым и В. Р. Тарасенко (В. Р. Тарасенко. Археологічныя досьледы гарадзішч на Смаляньшчыне у 1926—1928 гг. Працы Арх. Каміс., т. 2, Менск, 1930, стр. 137, 138).

²⁸ П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.—Л., 1956, стр. 51.

²⁹ «Повесть временных лет», ч. 1, М.—Л., 1950, стр. 312.

³⁰ А. Н. Ляданский. Археологічныя досьледы у Аршанскай акрузе. Працы Арх. Каміс., т. 2, Менск, 1930, стр. 36—45.

³¹ В это время городище было значительно расширено, был выкопан новый ров от Оршанки до Днепра и сооружены деревянные стены (Э. И. Даугяла. Аршанскі замак. Працы Арх. Каміс., т. 2, Менск, 1930, стр. 46 и сл.).

³² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 37.

³³ ПСРЛ, т. 3, стр. 212 и т. 5, стр. 139.

³⁴ Раскопки белорусских археологов («Беларусь», 1951, № 7, стр. 30).

в древней Руси. Подобные круглые городища в Среднем Поднепровье и в северо-восточной Руси относятся к XII—XIII вв., а древнейшие из них в южных областях древнерусского государства не могут быть датированы ранее конца XI в.³⁵ В связи с этим сооружения укреплений Копысского городища не могут быть отнесены ко времени ранее рубежа XI—XII вв.

Упоминания Кричева в летописях относятся к сравнительно позднему времени — к XIV—XV вв.³⁶ В уставной грамоте 1150 г. упомянут Крючет, в котором многие исследователи видят Кричев³⁷. Однако если это и так, то в середине XII в. Кричев еще не был городом (он отсутствует в перечне смоленских городов, помещенном в приложении к уставной грамоте Ростислава Мстиславича), и, нужно полагать, Кричевское городище сооружено несколько позднее середины XII в.

Городище расположено на территории современного г. Кричева на правом берегу р. Сожа при впадении речки Кричевки, или Кривиченки³⁸. Глубокий ров, сообщающийся с Сожем, отрезает городище от коренного берега реки. Круглая в плане площадка (около 5000 м²) защищена валом. Городище принадлежит к тому же типу круглых, что и Копысское. Домонгольская керамика, собранная на площадке, позволяет датировать сооружение Кричевского городища второй половиной XII или началом XIII в.

К тому же типу круглых принадлежит городища Ростислава и Ельни. Впервые в письменных источниках оба города упоминаются в уставной грамоте 1150 г. Время основания же их неизвестно и может быть установлено лишь в процессе широких раскопочных работ.

Ростиславское городище находится в центре современного г. Рославля при слиянии речек Становни и Глазмойки — притоков Остра. Оно правильной округлой формы (диаметр площадки 70 м) и защищено кольцевым валом, достигающим 3 м высоты. Форма городища и отсутствие среди керамического материала посуды гнездовского типа позволяют отвергнуть предположение об основании Ростислава в конце X в.³⁹ Более вероятными представляются предположения П. В. Голубовского и А. Н. Насонова о постройке укреплений этого города Ростиславом Мстиславичем⁴⁰.

По предположению П. В. Голубовского, г. Ельня был центром волости Дешняне в верховьях р. Десны. Ельнинское городище расположено на левом берегу Десны, его округло-овальная площадка, размером около 150 × 110 м, окружена валом. Древнейшая керамика, собранная здесь, датируется в целом XI—XII вв. Однако керамика гнездовского типа не обнаружена, что вместе с формой городища заставляет считать предположение, высказанное Е. А. Шмидтом и Ф. И. Заверняевым⁴¹ о сооружении Ельнинского городища в конце X — начале XI в., ошибочным. По всей вероятности оно построено в первой половине XII в.

В следующей таблице собраны данные по величине некоторых укрепленных поселений Смоленской земли, известных по письменным источникам.

³⁵ П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 63; его же. Круглые и полукруглые городища Северо-восточной Руси. СА, 1959, № 1, стр. 115—123.

³⁶ Новгородская первая летопись, стр. 420 и 476.

³⁷ И. Д. Беляев. Указ. соч., стр. 179; П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 79, 80 и другие работы.

³⁸ Согласно народному преданию, Кричев прежде назывался Кривичев и был основан кривичами.

³⁹ Ф. Никифоров и В. Неверович. Историко-статистическое описание города Рославля и его уезда. «Памятная книжка Смоленской губернии на 1858 г.», Смоленск, 1858, стр. 107; Н. Сивявский. Хронологические сведения о городах Смоленской губернии. «Памятная книжка Смоленской губернии на 1862 г.», Смоленск, 1862, стр. 19.

⁴⁰ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 78; А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 159.

⁴¹ Е. А. Шмидт и Ф. И. Заверняев. Археологические памятники бассейна Верхней Десны. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 3, Смоленск, 1959, стр. 194.

Таблица 1

Города (площадь, м ²)		Прочие украинские поселения (площадь, м ²)	
Вержавск	около 5000	Витрин	650
Ельня	свыше 10 000	Воищина	700
Жижец *	около 3000	Вотрин	1000
Копыс	около 5000	Каспля	1000
Красн **	свыше 10 000	Лодейницы	600
Кричев	около 5000	Мирятичи	около 3000
Мстиславль ***	свыше 10 000	Орша	около 3000
Ростиславль	свыше 4000		
Торопец ****	свыше 5000		

* Я. В. Станкевич. Итоги археологических работ 1950 г. в Великолукской области. КСИИМК, вып. XLVII, 1951, стр. 91.

** Общая площадь детинца и окрестного города.

*** Исследуется Л. В. Алексеевым.

**** Я. В. Станкевич. Археологические разведки в Великолукской области. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 89, 90.

В первую колонку включены города Смоленской земли, платившие, согласно уставной грамоте Ростислава Мстиславича, «погородные», а также упомянутые в письменных источниках позже 1150 г. Во второй колонке таблицы перечислены волостные центры Смоленской земли и прочие летописные поселения. Как мы видим, смоленские города очень заметно выделяются по размерам среди крепостей-замков — волостных центров Смоленской земли XII в., которые по величине одинаковы с поселениями сельского типа — феодальными усадьбами замкового типа. Выделяются лишь Орша и Мирятичи, на основании археологических данных они условно отнесены к поселениям городского типа. При дальнейшем изучении географии Смоленской земли составленная таблица будет иметь большое значение для археологического выделения древнерусских городов Смоленщины.

Сам факт распространения названий некоторых древнерусских волостей Смоленской земли по рекам и озерам (таковы Басея, Вержавляне Великие, Витрин, Вотровичи, Дашняне, Мирятичи, и др.) интересен в том отношении, что позволяет предполагать связь речных бассейнов с волостями. При археологических разведках выявлена любопытная картина расположения волостей XII в. в бассейне р. Каспли (рис. 2). Оказалось, что каждой из четырех волостей Касплянского бассейна соответствует крупная река, и более того, чем крупнее река, тем крупнее и волость. Вержавляне Великие находились в бассейне р. Гобзы — правого притока р. Каспли, по величине и разветвленности превосходящего саму Касплю. Касплянская волость лежала по берегам Каспли, Витринская волость — в бассейне р. Рутавечи (левого притока Каспли), Жидичи со своими землями — в бассейне другого левого притока Каспли. Волостные центры находятся всюду в верховьях рек. Возникает предположение, что земли волостей охватывали бассейны этих рек, а границами между волостями были водораздельные рубежи. Ранее, в результате археологического обследования небольшого участка Смоленской земли, расположенного к юго-востоку от Смоленска, было подмечено, что погостские общины иногда соответствуют бассейнам небольших рек и речек и водораздельные пространства служили пограничьем между ними. Теперь такая же картина выявляется и при изучении более крупных территориальных единиц — волостей Касплянского бассейна. И в том и в другом случаях подобное членение Смоленской земли, по всей вероятности, связано с историей расселения кривичей по Смоленщине. Замеченная особенность расположения волостей в

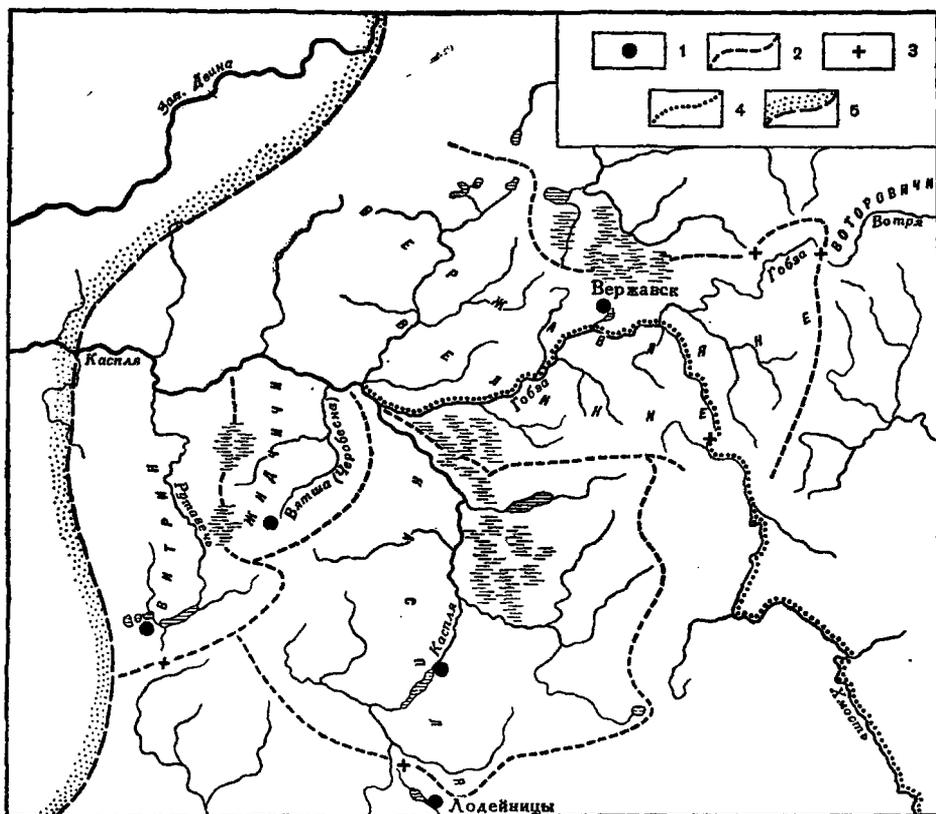

Рис. 2. Волости бассейна р. Каспи (опыт разделения древних волостей).

1 — волостные центры; 2 — приблизительные границы волостей; 3 — места волоков; 4 — Вержавский путь, упоминаемый в источниках XV—XVI вв.; 5 — западная граница Смоленской земли в середине XII в. (по А. Н. Насову).

бассейне Каспи заслуживает внимания — очевидно, в дальнейшем, когда будут открыты и археологически изучены все смоленские волости XII в., между ними (на основании изложенных нами наблюдений) можно будет провести более или менее приблизительные границы.

Историки Смоленской земли не раз обращали внимание на крайне неравномерное распределение дани на ее территории. Согласно уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславовича в середине XII в. основная часть дани поступала из северных волостей Смоленской земли (с верховьев Западной Двины и Волги), в то время как дань с населения центральных, южных и восточных областей составляла ничтожную часть княжеских поборов (см. рис. 3). П. В. Голубовский подчеркивал выгодное географическое положение северных волостей Смоленской земли, расположенных в узлах торговых путей из Западной Двины в Волгу и Днепр. Однако представляется несомненным, что платежеспособность населения смоленских волостей XII в. определялась не только торговыми сборами и даже, главным образом, не этими сборами. Напомним, что торговые сборы и пошлины определяются в уставной грамоте особо. Здесь П. В. Голубовский отдавал дань «Торговой Руси» В. О. Ключевского, хотя сам и не стоял на его позициях.

Археолог не может согласиться и с объяснением неравномерности распределения княжеских сборов различной плотностью заселения Смоленской земли. Судя по археологическим данным, в XII в. южная половина Смоленской земли была не менее плотно заселена, чем северная. Если в

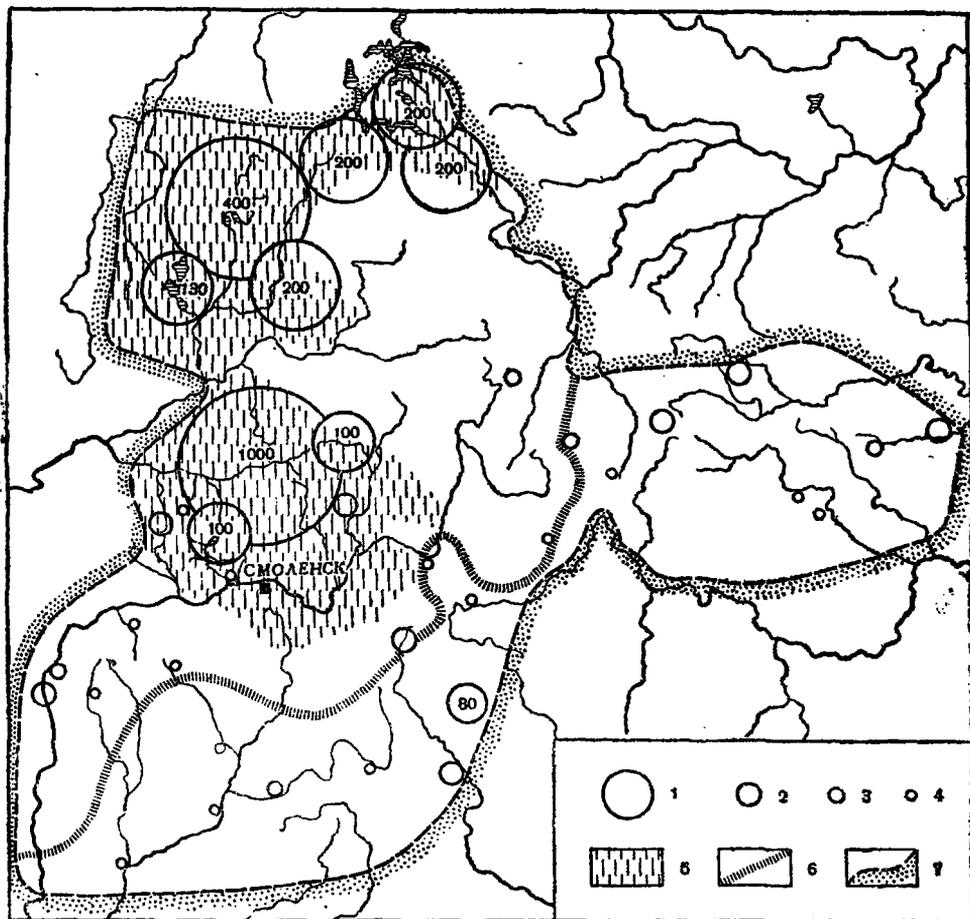

Рис. 3. Распределение смоленской дани около середины XII в. (по уставной грамоте Ростислава Мстиславича).

1 — волости, платившие от 80 до 1000 гривен (количество дани каждой волости обозначено цифрами внутри окружности); 2 — волости, платившие 30—40 гривен; 3 — волости, платившие 20—22 гривнам; 4 — волости и поселения, платившие менее 20 гривен; 5 — область распространения даниных курганов (в пределах Смоленской земли); 6 — северная граница территории распространения курганов с восточной ориентировкой погребенных (см. В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961. № 1); 7 — граница Смоленской земли около середины XII в. (по А. Н. Насову). Волости и поселения картографированы согласно данным археологической разведки 1960 г. и сведениям П. В. Голубовского, И. М. Красноперова и М. К. Любавского. Из крупных волостей гадательно положение только Врочнид. Спорно размещение главным образом некоторых мелких волостей и населенных мест.

дальнейшем и удастся обнаружить некоторые различия в плотности населения, то они никак не смогут идти в сравнение с той крайней неравномерностью, которая наблюдается в распределении княжеской дани.

При сопоставлении карты распределения дани, собираемой смоленскими князьями около середины XII в., с картами заселения Смоленской земли оказалось, что основная часть дани приходится на те области, которые были освоены смоленскими кривичами к IX—X вв. Все наиболее платежеспособные волости расположены в той части, где известны длинные курганы и где, следовательно, славянизация края началась еще в середине I тысячелетия н. э.⁴² В остальной части Смоленской земли, где, судя по данным археологии, кривичская колонизация началась лишь в IX в. и славянизация местного населения затянулась на отдельных участках до

⁴² В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, № 1, стр. 47—62.

XI—XII вв.⁴³, расположены только небольшие и малоплатежеспособные волости и поселения.

В северной части Смоленской земли регламентация княжеских сборов и установление погостов, нужно полагать, завершились несколько раньше первой половины XII в. В отличие от погостно-волостной системы северных областей, в южных и восточных районах во многих случаях сбор дани, по-видимому, был передан в собственность феодалов. В пользу такого предположения свидетельствует то обстоятельство, что в левобережной части Смоленского Поднепровья, насколько можно судить по обследованиям А. Н. Лявданского, С. М. Соколовского, Е. А. Шмидта и др., древнерусских городищ — феодальных усадеб — больше, чем в северных районах Смоленской земли. Неодинаковое развитие северных и южных частей Смоленской земли выявляется и при изучении городов — в северной части Смоленщины они возникают раньше, чем в южной. Так, Торопец существовал уже в первой половине XI в.⁴⁴, к раннему времени нужно относить и строительство Вержавска, в то время как города левобережной части Смоленского Поднепровья — Копыс, Кричев, Мстиславль, Ростиславль, Ельня, Дорогобуж, Красн, Васильев, — по всей вероятности, возникли не ранее XII столетия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА В. В. СЕДОВА

Оценка доклада выступавшими — положительная. Н. Н. Воронин, отметив важность вступления археологов в область письменных источников, сказал, что работа В. В. Седова — значительный вклад в изучение истории древней Руси по письменным источникам. Н. Н. Воронин и А. Л. Монгайт отметили важность работы В. В. Седова по созданию историко-географической карты Смоленской земли. Доклад, по словам А. Л. Монгайта, — блестящее подтверждение того положения, что картографирование — не метод иллюстрации, а метод исследования.

Только тезис В. В. Седова о причинах большой разницы в размерах дани, установленной грамотой Ростислава Мстиславича для северных и южных районов Смоленской земли, вызвал возражения. М. Г. Рабинович сказал, что если на юге дань и собирали феодалы, то все равно они платили князю как сюзерену. Поэтому, по мнению М. Г. Рабиновича, меньшие размеры дани, поступавшей с южных земель Смоленской земли, нельзя объяснять преобладанием там неславянского населения. Е. А. Шмидт объяснил различие в размерах дани тем, что на юге население было земледельческим, а на севере занималось по преимуществу торговлей. В обоснование этого Е. А. Шмидт ссылался на то, что: 1) исследования почв показали, что на юге Смоленской области земли были окультивированы раньше, чем на севере ее; 2) кроме занятия торговлей большой доход населению северной части Смоленской земли доставляло обслуживание приезжих купцов на волоках, на которых стояли такие города, как Вержавск.

В. В. Седов, возражая оппонентам, прежде всего напомнил, что цель грамоты Ростислава Мстиславича — регламентировать уплату церковной десятины в пользу только что учрежденной Смоленской епископии. Старые славянские районы севера (ранее всего колонизированные кривичами) платили церкви большую дань, а южные земли, на которых славянизация балтского населения задержалась до XI—XII вв., платили церкви меньшую дань. Это различие и отразилось в грамоте.

⁴³ В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, № 1.

⁴⁴ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 35

Смоленские князья несомненно собирали дань и с южных и с восточных районов Смоленщины, но через посредство феодалов, а их налоги не были определены уставной грамотой. Таким образом, карта распределения десятины, составленная В. В. Седовым, отражает и исторические традиции, и своеобразие феодальных отношений в северных и южных районах Смоленской земли. Возражая Е. А. Шмидту, В. В. Седов замечает, что, во-первых, сельскохозяйственная наука пока еще не может определить, какой участок земли был окультурен именно в XII в., а, во-вторых, северные районы древней Смоленской земли лежат за пределами современной Смоленской области, в тех местах, где история окультивирования почв вообще не изучена. В. В. Седов говорит, что наиболее платежеспособные волостные центры, такие, как Вержавск, Торопец, Жижец и др., не стояли на волоках торгового пути «из варяг в греки». Волоки находились в стороне от этих населенных пунктов.

Н. Н. Воронин отметил в заключение дискуссии, что точка зрения В. В. Седова очень интересна и заслуживает внимания. Н. Н. Воронин считает естественным, что менее христианизированное население южных районов платило меньшую дань церкви.

А. К. Амбров.

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. П. СМЕРНОВ

РАБОТЫ ПОВОЛЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1960 г.

В 1960 г. Поволжская экспедиция работала над вопросами средневековья. Исследования велись от Казанского Поволжья до Волгоградской области, где близ г. Царева производились раскопки Царевского городища, нередко сопоставляемого в литературе с развалинами золотоордынского Сарай-Берке¹. Здесь помимо раскопочных работ, во время которых открыты остатки крупных архитектурных сооружений, проведена полунструментальная съемка плана городища.

В районе казанского участка Волги были организованы предварительные работы для решения вопроса о времени появления в этом крае болгар. По этому вопросу существуют различные точки зрения. Исследователь Казани Н. Ф. Калинин считал, что появление болгар в Предкамье относится к золотоордынскому времени и совершилось в результате монгольского похода. Другие исследователи относят появление болгар приблизительно к X в., этим временем и датируется возникновение Казани.

В 1951 г. Казанским филиалом АН СССР были предприняты большие работы по изучению Камаевского городища, связываемого в литературе с Иски-Казанью, и Урматского селища, расположенного в 1,5 км от городища. К сожалению, интересно начатые исследования не получили завершения².

Наша экспедиция провела разведочные работы на Урматском селище, которое Н. Ф. Калинин связывал с Иски-Казанью и считал городищем³. Однако наши поиски дали материал, не позволяющий заключить, что Урматское селище — это городище, хотя оно и расположено в прекрасных стратегических условиях. Культурный слой селища прекрасно прослеживается по обоим берегам Урматки; по левому берегу его мощность колеблется от 0,35 до 1,25 м. Его покрывает или незначительный слой дерна или же аллювиальные отложения, достигающие в отдельных местах 0,45 м. По правому берегу мощность культурного слоя также неравномерна, колеблясь от 0,4 до 1,5 м. Он перемежается прослойками песка и находится под слоем аллювия 0,3—0,4 м. В отдельных местах под культурным слоем прослежено незначительное залегание подзола мощностью до 0,22 м. На всем протяжении р. Урматки по ее руслу встречаются во вторичном отложении кости животных, обломки керамики и строительные остатки. Культурный слой на большом протяжении аморфен по строению, но в отдельных

¹ Работы проводились под руководством Г. А. Федорова-Давыдова силами студентов Московского государственного университета.

² Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—52 гг. Труды Казанского филиала АН СССР, серия исторических наук. Казань, 1954, стр. 98.

³ Там же, стр. 99, 103.

местах заметны следы ям, четко выделяющиеся в обрезах, и горизонтальные прослойки песка и глины, а в некоторых местах и невыразительные прослойки дерева. Выше первого поперечного оврага, расположенного недалеко от шоссе, культурные остатки не встречаются. Точно также они не отмечены и ниже оврага, проходящего параллельно полотну железной дороги. Эти отправные точки и определяют границы селища, точно так же, как их и определил Н. Ф. Калинин. Подробная характеристика находок дана Н. Ф. Калининым в его отчете⁴. Им описана керамика, орудия труда, строительные остатки и могильные памятники. Все эти материалы в большей части относятся к XIII—XV вв. и знаменуют расцвет экономической жизни края в этот период. Такого же рода материалы собраны и нами в большом количестве, и останавливаться на их характеристике нет оснований. Однако в материалах, собранных нами на распаханной поверхности селища и по обрезу берега, а также по руслу реки, была встречена в значительно меньшем числе керамика, обычная для памятников домонгольской Болгарии, и которая, как правило, не встречается на памятниках золотоордынского времени.

Правда, Н. Ф. Калинин, производивший раскопки, имел возможность наблюдать стратиграфию культурного слоя и отметил, что нет оснований по данным стратиграфии выделять слой, синхронный находимой нами ранней керамике. Однако это не дает нам права отрицать существование поселка в более раннее время. Совершенно естественно, что в процессе непрерывного заселения ранний культурный слой оказался уничтоженным. Весьма вероятно, что при дальнейших планомерных работах горизонты домонгольского культурного слоя будут нами найдены. Однако случаи полного уничтожения культурного слоя позднейшим населением широко известны в археологии. В качестве примера можно привести культурные напластования крупных городов, возникших в эпоху средневековья и продолжающих развиваться и в наши дни. Классическим примером служит Москва, Казань и ряд других городов. В Казани только в редких местах обнаружены остатки татарской Казани, а почти на всей территории городища открыт культурный слой русского периода XVI—XX вв.

В более скромных масштабах это прослежено на таких памятниках, как городище Великие Болгары, где на отдельных участках встречены только остатки русской деревни XIX—XX вв., а в других местах — один золотоордынский слой и только на сравнительно небольших участках — домонгольский и еще реже напластования, относимые к V—VII вв. Лучшим показателем разновременности в таких случаях служит археологический материал, не укладывающийся в хронологические рамки обнаруженного культурного слоя.

Вот такие обломки керамики, характерные только для домонгольского времени, и были нами встречены при рекогносцировке селища. Среди них надо отметить обломки лепной грубой посуды с валиком по стенке. Валик, как правило, дает в сечении треугольник. В результате больших раскопок болгарских поселений хорошо известно, что небольшое количество лепной посуды встречается в широких хронологических границах. Однако керамика с валиком в золотоордынских комплексах не попадалась ни разу. Другой тип представлен гончарной коричневого цвета посудой, которая характерна преимущественно для ранних болгарских поселений. Однако орнамент на ней в виде широких до 8 мм фасок не известен в эпоху XIII—XV вв. Самый характер нанесения их свободным движением руки не оставляет сомнения в идентичности этой группы тем сосудам, которые характерны для домонгольской керамики. И наконец, последний тип, ни разу не встреченный в «чисто золотоордынских» комплексах, — это керамика также коричневого тона с горизонтальными широкими полосами лощения на по-

⁴ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 99—103.

верхности сосуда. Сверху заметны вертикальные фаски, а снизу фаски в наклонном положении также несколько заглажены в процессе лощения. Указанные признаки характеризуют посуду, не выходящую за границу домонгольского слоя. Наряду с этим отмечу обломки кувшинов с сильно раздутым краем, что характерно главным образом для домонгольского времени, хотя и встречается в эпоху XIII—XIV вв. Для ранних комплексов известны и сосуды с орнаментом в виде горизонтальных полос, нанесенных как бы ступеньками. Вся остальная найденная нами керамика встречается в широких хронологических границах или характерна лишь для золотоордынского времени.

Находки, к сожалению, происходят из поверхностных сборов и не дают возможности применить статистический метод. Однако они свидетельствуют о раннем проникновении болгар в бассейн р. Казанки и включении этих районов в состав государства Волжских болгар X—XI вв. Полученные данные заставляют с осторожностью отнестись к существующему мнению о позднем освоении Предкамья болгарами.

В 1,5 км к северу от Урматского селища и к северо-западу от дер. Камаево Высокогорского района Татарской АССР находится хорошо известное в науке Камаевское городище, которое можно назвать Первым Камаевским; рядом с ним расположены небольшое Второе Камаевское городище и селище. Первое Камаевское городище исследовано Н. Ф. Калининым. Им был снят глазомерный план, опубликованный в 1954 г.⁵ По наблюдениям Н. Ф. Калинина, культурный слой городища давно распахивается, не превышает 15—20 см толщины и беден находками; в числе последних отмечены кусок селадона и поливного сосуда с синей и голубой глазурью XIII—XIV вв. По мнению Н. Ф. Калинина, проведенные им наблюдения хотя и не сопровождались вскрытием широких площадей, дают, однако, основание отрицать делаемое в литературе сопоставление Камаевского городища с Иски-Казанью. Можно лишь утверждать, что здесь находилась малообитаемая сильная крепость, защищавшая Казань с севера⁶.

Нами проведен осмотр городища, заложены небольшие шурфы и местами зачищен культурный слой.

Городище расположено на горе, возвышающейся над уровнем Казанки на 50 м. С запада оно ограничено Лесным оврагом, по которому протекает ручей Гремячка, а с востока — сухим оврагом. С севера, с напольной стороны, и с востока и юга городище защищено двумя мощными, хорошо сохранившимися валами. Эти валы опоясывают городище, причем внешняя линия проходит на высоте $\frac{3}{4}$ высоты склона. Внутренний вал проложен по верхней кромке, отрезая в юго-западном конце длинный узкий мыс, полового опускающийся к реке. Эта отгороженная площадка не может считаться цитаделью городища. В общем перед нами мощное (площадью около 6200 м²) укрепление с высокими валами и глубокими рвами. На всей площадке культурный слой не однороден. К краям, в частности, там, где сохранились следы раскопов Н. Ф. Калинина, культурный слой беден и не превышает 0,2 м. В центре же он значительно мощнее и достигает в отдельных местах 0,4—0,75 м. На центральных участках он содержит прослойки глины, древесного глена и не имеет аморфного вида, как на окраинах. Замечены следы ям. При шуровке обнаружены обломки керамики и кости животных. Почти вся керамика позднего типа, образцы, характерные для домонгольских слоев, не встречались. Много серой кухонной посуды с крупными примесями, характерной для поздних поселений края. В числе собранных образцов следует отметить обломок белоглиняного сосуда с белой поливой и подглазурной росписью синего тона, характерной для поздних памятников XIV—XV вв.

⁵ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 98.

⁶ Там же, стр. 97.

Попадались находки поздней керамики серого тона и обычной болгарской (желтого и красного тона), встречаемой в широких хронологических границах. В обнажениях культурного слоя в этой части отмечен темный гумус с прослойками песка и глины.

Городище оставляет впечатление крупного населенного пункта и, по нашему мнению, может быть сопоставлено с Иски-Казанью.

Непосредственно за Лесным оврагом, к западу от него, расположено небольшое городище длиной около 70 м и шириной у вала не более 25 м. Общая площадь не превышает 900 м². На поверхности заметен культурный слой около 15 см толщины. Близ вала (высотой до 0,4 м) — следы шурфов. Городище относится к значительно более раннему времени, чем первое, вероятно, к раннему железному веку. Оно также, по-видимому, осмотрено экспедицией Н. Ф. Калинина, однако в сводку им не включено.

По следующему мысу, за оврагом Второго Камаевского городища расположено неукрепленное селище, обнаруженное по находкам обломков болгарской керамики XIII—XIV вв. Площадь распространения керамики около 1500 м². По обнажениям культурного слоя установлена стратиграфия селища: сверху перепаянный культурный слой мощностью около 23 см, ниже залегает подзол, достигающий 40 см, еще ниже проходит массив красной глины. При осмотре поверхности собрано много обломков болгарской керамики: желтой, красной, серой, сделанной на гончарном круге (из тонкой глины с примесью мелкого песка). По-видимому, селище синхронно Камаевскому городищу и, может быть, входило в число феодальных поселений, тяготевших к нему. Мы не располагаем данными об Иски-Казани, не знаем ни размеров города, ни количества жителей. Судя по тому, что более поздняя Казань в XV в. занимала около 250 000 м², нет оснований искать в Иски-Казани такой же большой город. Такому городу может принадлежать Камаевское городище, обладающее мощной системой обороны.

Следующие работы проведены в Ульяновской области по заданию областного отдела культуры. Была осмотрена башня в сел. Канадей Николаевского района, которую местное население приписывало татарам. Судя по следам, оставшимся от примыкавших к ней кирпичных стен, она входила в комплекс какой-то ограды. Башня трехъярусная. Первый ярус — куб, на котором поставлена восьмигранная призма, завершающаяся пирамидой. Все здание сложено из большемерного кирпича 27 × 13 × 7; 29 × 14 × 7; 30 × 15 × 7,5 см, из которого строили на Руси в XV—XVII вв. В 20 м от башни указывают развалины Покровской церкви. Кругом при строительстве находят захоронения в гробах. Эти данные позволяют думать, что в XVII в. здесь находился православный, позднее упраздненный монастырь.

Наиболее значительные работы проведены на Андреевском городище, расположенном около деревни того же названия в Чердаклинском районе⁷, на правом высоком берегу р. Калмаюр, которая в настоящее время составляет залив Большой Волги. Берег высотой 20 м сильно изрезан оврагами, в значительной мере разрушившими полосу укреплений. Само городище занимает мыс, ограниченный с запада и юга безымянной речкой, с востока и севера оврагами (рис. 4). Укрепления достаточно хорошо сохранились с западной стороны, где они прослеживаются в виде двух линий, из которых внешняя сохранилась в виде отдельных фрагментов, прерываемых промоинами. Юго-западная часть городища была укреплена только одним валом, что было вызвано, по-видимому, заболоченностью долины реки, что создавало естественную преграду. От укреплений южной стороны уцелел только один участок внешнего вала, ров оказался размы-

⁷ Работы производились на средства Ульяновского областного музея.

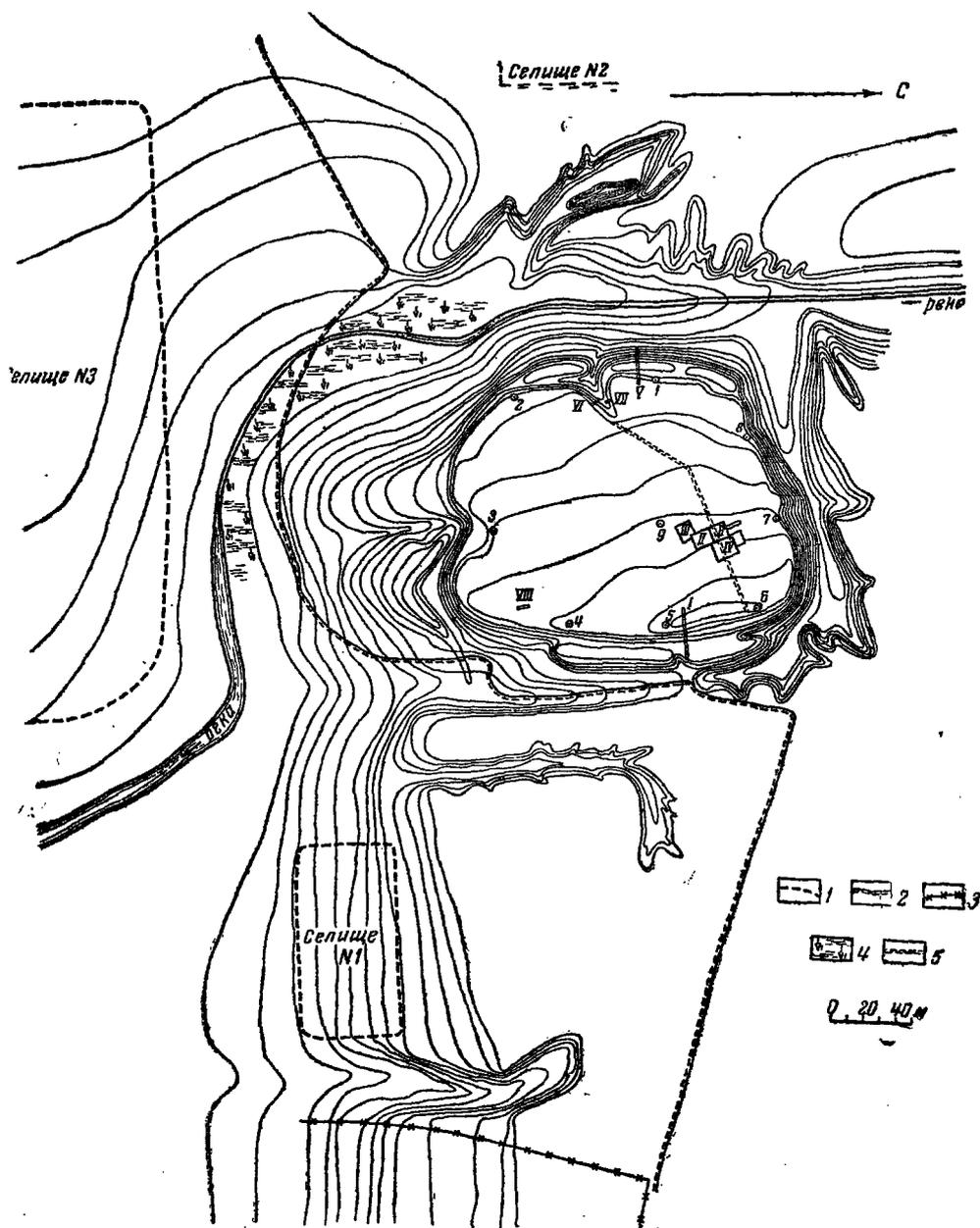

Рис. 4. План Андреевского городища.

I—VIII — раскопы; 1—8 — шурфы; двойной пунктирной линией обозначены первоначальные укрепления на площадке городища; 1 — границы селищ; 2 — дорога; 3 — забор; 4 — болото; 5 — линия вала.

тым. Лучше уцелела восточная сторона, где хорошо прослеживаются обе линии валов; с северной остался только один вал. Все остальные части укрепленной линии разрушены в процессе оврагообразования. В настоящее время площадь городища засажена молодым кустарником, и экспедиция получила разрешение на проведение только небольших раскопок. Заложено в разных местах восемь раскопов, давших достаточный материал для суждения о памятнике.

Первый раскоп — траншея — прорезал два вала и оба рва восточной границы городища. Здесь не было найдено культурных остатков и следов каких-либо деревянных конструкций. Оба профиля оказались идентичными. Исследование показало, что площадь поселения первоначально была окружена валом шириной 4,5 м, насыпанным на слой погребенного чернозема. Рва, связанного с этим первоначальным валом, не прослежено. Возможно, он был включен в более поздний ров. Спустя некоторое время первоначальный вал был реконструирован. Ширина его была доведена до 9 м, и он был увеличен в высоту. Однако распашка края городища не дает возможности установить первоначальную высоту. В основании вала заметна полоса золы и угля. К этому валу примыкает ров шириной около 6,2 м и глубиной 2,8 м. Никаких следов деревянных укреплений ни в массиве вала, ни во рву не найдено. За рвом находилась небольшая площадка шириной около 2,5 м, примыкавшая ко второму валу, который как и первый, распахан. Он состоит из чернозема, перемешанного с супесью; ширина его около 6 м. За вторым валом был вырыт второй ров шириной около 7 м и глубиной 2,8 м. Изучение заполнения его показало, что он был затян супесью, смытой со второго вала. Внизу, в заполнении прослежена прослойка серого песка 15 см толщины, с тонкими прослойками, показывающими на заполнение рва в древности водой. По склону замечены незначительные следы древесины, по-видимому, от облицовки, необходимой при песчаном грунте, в котором был вырыт ров. Система обороны изучена нами и с западной стороны городища, где также обнаружены два вала и два рва. Ширина вала достигает здесь 3,6 м, ширина рва 5 м при глубине 2,6 м. На дне внешнего рва прослежен слой намывного песка с прослойками, аналогичный обнаруженному в восточном рву городища. Следов деревянных конструкций, которые бы позволили реконструировать облик укрепления, здесь не оказалось.

При исследовании площадки городища было обращено внимание на невысокую гряду, которая пересекала ее с востока на запад. Был заложен раскоп (450 м²), который позволил выяснить характер культурного слоя и вскрыть первоначальное укрепление. Культурный слой в этом месте (включая подстилающий погребенный чернозем) достигает 1,2 м. Отделить погребенный чернозем от культурного слоя по цвету и структуре не удалось, однако по большей плотности чернозема можно было установить границу между ними, проходящую на глубине 0,5 м. Здесь на площади раскопа, на глубине 0,25 м расчищены остатки тына, укреплявшего первоначально часть площадки городища. Тын был сделан из неочищенных бревен, о чем можно судить по коре, заметной сверху и снизу бревна. Бревна лежат в основном в направлении юг — север, с незначительными отклонениями. Длина бревен 3,8 м, ширина 0,2—0,45 м. При зачистке прослежены две линии ивовых прутьев, идущих в направлении запад — восток, а сверху и снизу тына — канава в виде полосы пестроцвета шириной около 0,6 м и в ней остатки столбов, забитых на глубину до 1,2 м. С внешней и с внутренней стороны тын был присыпан небольшим валом из песка и чернозема. За канавой расчищена площадка шириной около 4 м, на которой прослежены остатки трех столбов, по-видимому, от существовавших здесь надолбов, затруднявших подступ к тыну. За площадкой шел ров, вырытый в подстилающем черноземе и материковых плотных песках. Ширина его на протяжении раскопа неодинакова и колеблется от 2 до 4 м; глубина достигает 1,7 м. Во рву встречены остатки кола, забитого в дно; это остатки системы кольев, обычно проходивших по дну ровов средневековых городов и замков.

Остатки тына и рва могут быть датированы, исходя из стратиграфических наблюдений. Перед нами единая система укреплений, состоящая из тына, площадки с надолбами и рва. Дневной уровень рва и канавы для тына проходит по верхней линии погребенного чернозема, т. е. относится

ко времени, когда культурный слой еще не отложился. Упавший тын находился на культурном слое незначительной мощности, а на ряде участков — на погребенном черноземе. За линией рва культурный слой не обнаружен. По-видимому, после разрушения первого примитивного укрепления и расширения городища прошел незначительный срок, хотя после этого площадь за тыном сохранялась свободной от застроек и имела значение стратегической зоны.

Сопоставление всех укреплений дает возможность сделать некоторые общие заключения. Первоначально поселение при его основании было укреплено тыном и рвом, не отвечавшими инженерным требованиям того времени и, по-видимому, носившими временный характер. С тыном связан первоначальный вал, открытый на восточной стороне городища, и вал на границе с западным краем площадки городища. Позднее укрепление было усилено — увеличен размер первого вала, сооружен второй, который проходил значительно северней и в настоящее время достигает северного оврага.

При раскопках в центре городища открыты остатки глинобитного дома, хорошо прослеженные по распространению остатков деревянного пола и глиняной обмазки. Можно предполагать, что размеры дома были 6×7 м. По-видимому, у середины западной стены находилась глинобитная печь, на которой залегали остатки рухнувшей кровли. Печь была размером $1,6 \times 0,7$ м (мощность пода 0,15 м), часть ее свалилась в яму — остатки погреба, расположенного обычно у болгар рядом с печью. Дневной уровень дома и двух ям позволил в процессе исследования связать их в один комплекс. На основании собранных материалов можно говорить о деревянном доме с глинобитными стенами, с печью и ямами для хранения продуктов.

Подобные жилища в последнее время открыты при археологических раскопках болгарских поселений, а до этого были известны по сведениям восточных авторов.

В южной части городища удалось проследить небольшие фрагменты деревянных частей дома и продуктовую цилиндрическую яму со стенами, обложенными деревом. Хозяйственные ямы прослежены и в других раскопках на центральной части городища. В слое найдены различные вещи, обломки керамики и кости домашних и диких животных. Весь материал не выходит из границ раннего этапа болгарской культуры. Керамика представлена светильниками, горшками, крынками, чашами, довольно обычными для болгарских городищ. Подавляющее количество посуды сделано на гончарном круге. Она из тонкой хорошо отмученной глины с примесью мелкозернистого песка; черепок пористый и хорошо впитывает влагу. Найденная керамика различается по окраске, определяющей степень и характер обжига. Анализ керамики по уровням залегания показывает одно и то же процентное соотношение разных типов посуды, что свидетельствует о кратковременности жизни на городище. Общее процентное соотношение гончарной посуды по всем раскопкам и по всем горизонтам культурного слоя следующее. К о р и ч н е в о й хорошего обжига, лощеной — 29 (2,2%), простой — нет; плохого обжига, лощеной — 199 (14%), простой — 2 (0,2%). Ж е л т о й хорошего обжига, лощеной — 508 (36,3%), простой — 177 (12,7%); желтой плохого обжига, лощеной — 68 (5,1%), простой — 47 (3,5%). С е р о й хорошего обжига, лощеной — 6 (0,5%), простой — 10 (0,8%); серой плохого обжига, лощеной — 56 (4,2%), простой — 178 (13,0%). К р а с н о й хорошего обжига, лощеной — 31 (2,3%), простой — 33 (2,6%); красной плохого обжига, лощеной — 2 (0,2%), простой — 1 (0,1%).

Наряду с гончарной найдено небольшое количество лепной посуды, в том числе с примесью шамота и дресвы — 16 (1,2%), с крупным песком — 2 (0,2%), с примесью раковины — 12 (0,9%).

Кроме того, встречен обломок красноглиняной чаши с белой поливой и коричневыми орнаментальными узорами, принадлежащий к группе саманидской посуды. Другие два обломка красноглиняные, покрытые зеленой поливой, — типа, встречаемого в ранних слоях Киева. Орнамент керамики линейный, волнистый, зубчатый, в виде коротких четок и орнамент в виде волют раннего типа. Найдена цилиндрическая ручка от плоской крышки сосуда раннего типа. Особняком стоит обломок глиняной полой фигуры птицы коричневого тона, с прекрасным лощением, полыми глазами, выступающими ушами и обломанным носом. Птица по стиливым данным несколько напоминает прикамские бронзовые фигуры птиц, в частности сову.

Из других категорий заслуживают внимания альчики для игры (в них просверлены отверстия), костяные ложила, железные плоские овальные и пирамидальные стрелы, несколько ножей, части замка, ключ, гвозди и блесна для ловли рыбы. Из привозных вещей интересно шиферное пряслице.

Весь комплекс находок не оставляет сомнения в отнесении городища к числу ранних болгарских памятников. Так, железные стрелы найденных типов датируются домонгольским временем. К этому времени относится шиферное пряслице, саманидский черепок (X в.), зеленая поливная посуда киевского типа и керамика (по процентному соотношению разных типов, по форме, по орнаменту X—XII вв.). Вместе с тем крайне незначительный процент лепной посуды не позволяет отнести памятник к очень раннему времени. По этому признаку Андреевское городище несколько позднее Тигашевского и Криушского селищ⁸. В целом его можно датировать в пределах X—XII вв. Однако сопоставление с Тигашевским городищем позволяет условно уточнить дату: конец X — начало XII в.

Андреевское городище интересно не только своими архаического типа укреплениями, но и тем, что оно было центром, вокруг которого расположены селища, где при рекогносцировке собран материал того же типа, что заставляет считать их синхронными. Они окружают городище с юга, запада и юго-востока; на их площади находятся и могильники, распаханные при лесопосадке. Таким образом, перед нами феодальный центр: княжеский замок и окружающие его деревни. При разведке, проведенной вокруг в пределах 6—8 км, не обнаружены одновременные памятники.

Очень интересны ранние могильники, зарегистрированные на территории дер. Андреевки. В их числе открытый случайно при рытье погребка могильник, где по словам крестьян рядом с черепом найдены бусы (салтовского типа?).

Новые материалы подтверждают точку зрения о массовом расселении болгар к X в. по всему Среднему Поволжью. По-видимому, при продвижении с юга они потеснили к северу и к западу прежнее население — племена городецкой культуры. Это положение установлено по материалам Чувашии, где в южной полосе не осталось синхронных болгарам поселений позднегородецкого типа; оно находит подтверждение и в материалах с территории Ульяновской области. В 1960 г. мы наблюдали древнее селище близ дер. Городище, в настоящее время перенесенной на новое место; у старой деревни Волга размывает древнее селище. Нижние его слои относятся к городецкой культуре, а в верхнем — болгарский материал. Эти данные подтверждают также и другой тезис — об уходе из этих мест мордвы, которая только частично была ассимилирована пришельцами.

⁸ Н. В. Тухтина. Раскопки 1957 г. близ с. Криуши Ульяновской области. МИА, № 80, 1960, стр. 145.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ
В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960 г.

По поручению отдела культуры исполкома Мособлсовета весной 1960 г. разведочным отрядом Московской экспедиции было проведено обследование важных археологических памятников, расположенных на территории Московской области¹. Было решено в свете задач, стоявших перед отрядом, без нужды не проводить вскрытия культурных напластований на обследуемых объектах, ограничившись сбором подъемного материала на тех из них, датировки которых представлялись неясными. Это и было осуществлено без особых затруднений, потому что обследованию подверглись преимущественно поселения; на большинстве из них нашлись нарушения культурного слоя и подъемный материал встретился в достаточном количестве. Осматривались преимущественно городища дьяковской культуры. Среди них следует отметить в бассейне р. Москвы городища Спас-Тушинское, Гольевское, Андреевское, Ильинское, Корсаковское, Карасинское, Круглица, Софьинское, Боршевское, Селецкое, Боровский курган, Сьяновское, Щербинское, Городищенское, Мячково-Луковское, Успенское, Саввино-Сторожевское, Знаменское, Барвихинское, Звенигородское у дома отдыха «Связист». В бассейне р. Клязьмы среди прочих осмотрены городища Пирожная гора, Радонеж, в бассейне р. Оки — Старшее Каширское, Корыстовское, Кропотовское, Протопоповское. Кроме того, обследовано несколько курганных групп, стоянок и селищ. Одни из осмотренных памятников были известны хорошо, и о них есть подробные сведения в литературе, другие известны из архивных материалов и последний раз посещались археологами 20—30—50 лет тому назад; третьи до этой разведки не были известны, хотя не менее интересны, чем хорошо известные. Обследованию двух последних категорий памятников было нами уделено особое внимание, и сведения о них в настоящей заметке приводятся с большей полнотой.

1. Щербинское городище известно у местного населения под названием Большой курган. Оно расположено в 5 км к востоку от г. Подольска, у с. Щербина, в километре от него на северо-восток, на останце правого высокого берега р. Пахры, далеко вдающемся в пойму реки (рис. 5, 1). Площадка городища овальной формы с диаметром 55 (север — юг) × 40 м (восток — запад). Это укрепленное поселение особенно интересно тем, что окружавший его кольцевой вал идет не по краю площадки, а у основания.

¹ В работах отряда, руководимого автором настоящего сообщения, принимали участие: Л. И. Пимакин, Е. Н. Симонова, С. А. Астахов, И. Г. Розенфельдт и ряд сотрудников краеведческих музеев и краеведов.

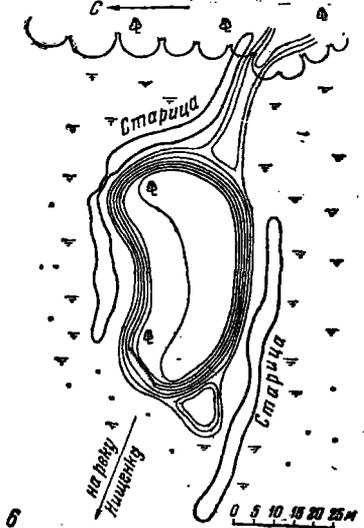
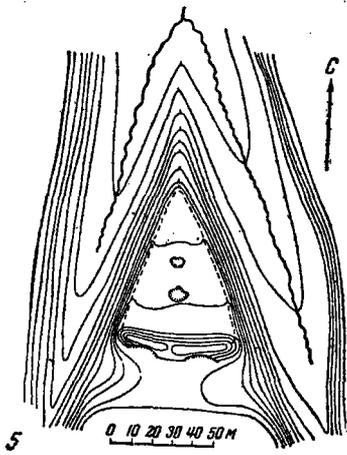
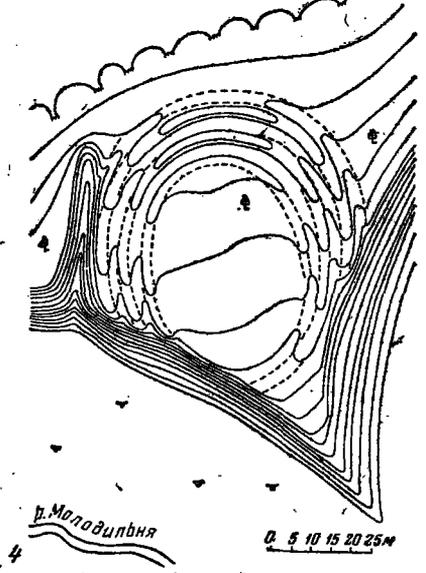
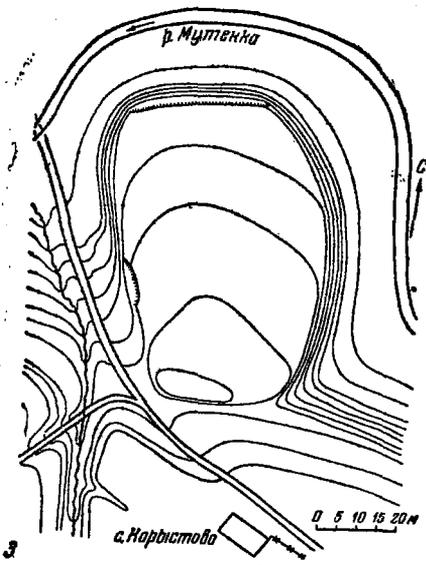
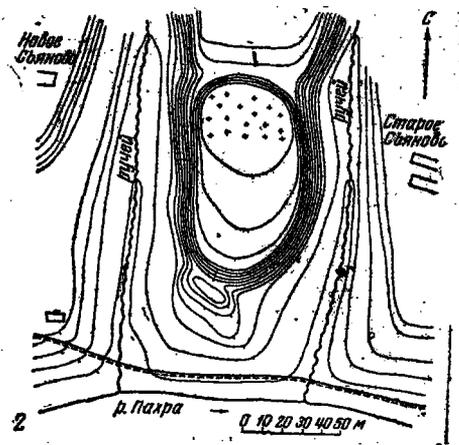
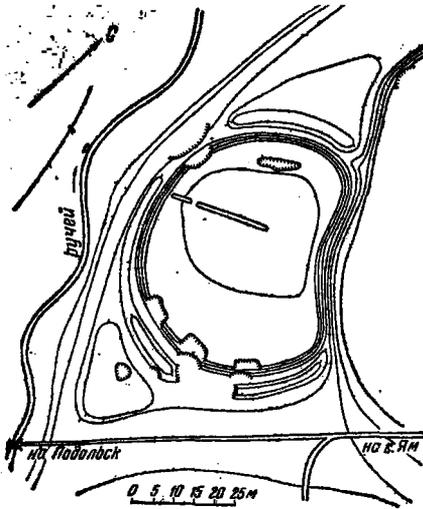

Рис. 5. Планы городищ в Московской области:

— Щербойского; 2 — Связновского; 3 — Корыстовского; 4 — Курцаковского; 5 — Боршевского; 6 — Селездого.

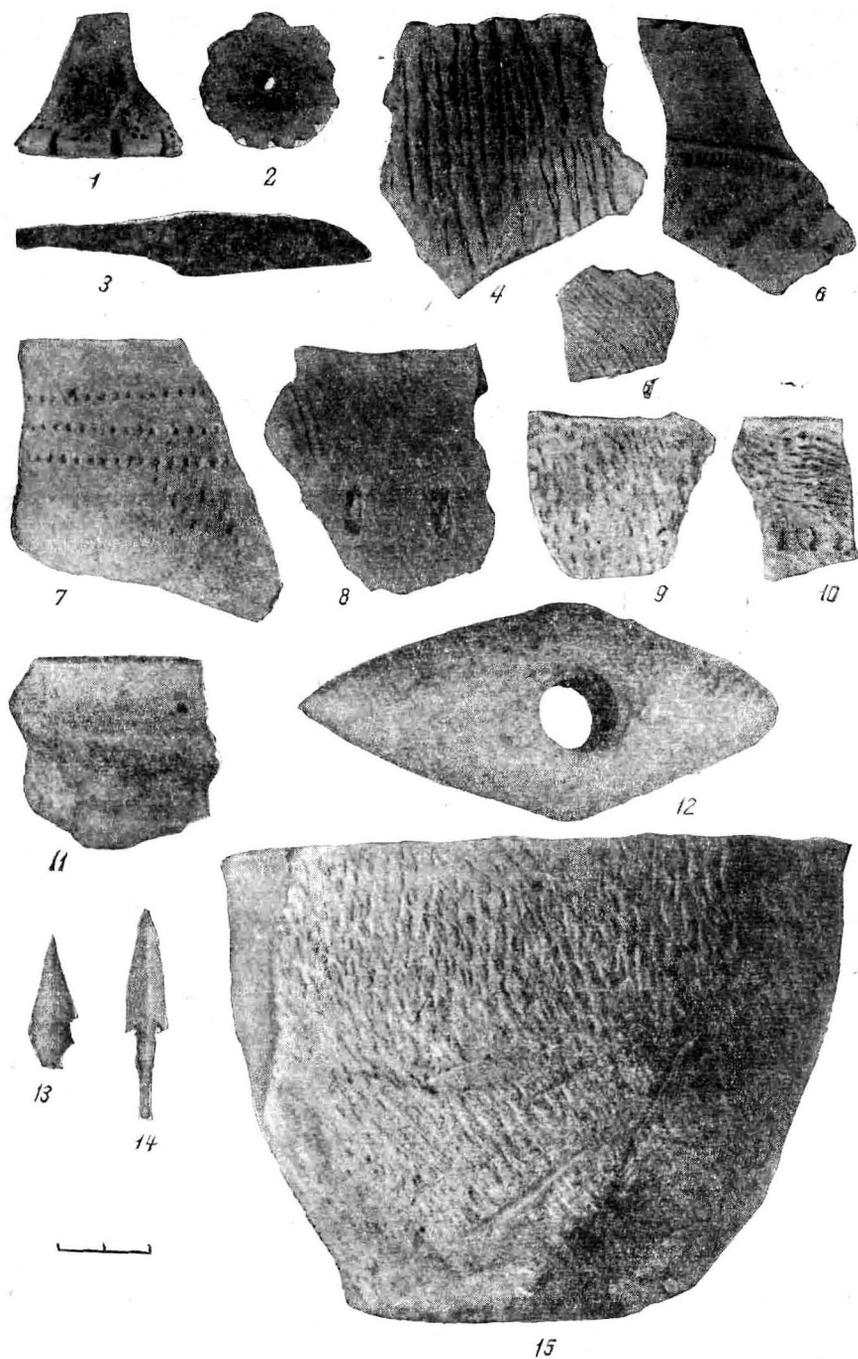

Рис. 6. Находки из разведок 1960 г. по Московской области.

1, 2 — грузики дьякова типа со Щербинского городища; 3 — железный нож со Сьяновского городища; 4—6 — керамика со Щербинского городища; 7, 8 — керамика с Корыстовского городища; 9, 10 — керамика с Софьинского городища; 11 — керамика с Воршевского городища; 12 — каменный топор из окрестностей с. Погостище; 13, 14 — костяные стрелы с Успенского городища; 15 — сосуд с Протопоповского городища.

Система укрепления сильно нарушена при земляных работах последних лет, так же как и культурные напластования на окраинных частях площадки, остальная часть которой задернована. Потому на памятнике, культурный слой на котором достигает мощности примерно одного метра, был собран обильный подъемный материал. В числе находок — два грузика дьякова типа (рис. 6, 1, 2), грубая лепная керамика со штампованным орнаментом, характерная для позднедьяковских городищ; лощеная и подлощенная лепная посуда, керамика с сетчатыми отпечатками на поверхности. Интересна грубая штрихованная керамика, характерная для ряда ранних дьяковских городищ среднего течения р. Оки (рис. 6, 4—6). Разновременный подъемный материал, собранный на городище, дает возможность датировать его VII—III вв. до н. э.—IV—V вв. н. э.

2. Сьяновское городище находится на левом берегу р. Пахры между селами Старое и Новое Сьяново, вблизи Горок Ленинских (рис. 5, 2). Городище расположено на мысу между двух оврагов, впадающих в пойму р. Пахры, и с северной, napольной стороны отделено от плато небольшим, сильно оплывшим валом и рвом. В плане площадка городища (90×45 м) близка к овальной и вытянута с севера на юг. Она имеет уклон к югу и задернована. Мощность культурного слоя около полуметра. Здесь собрана лепная дьяковская керамика, гладкая с защитным орнаментом и сетчатыми отпечатками на поверхности. Там же найден небольшой железный нож с горбатой спинкой (рис. 6, 3).

Северная часть площадки городища занята современным кладбищем. Судя по находкам известняковых надгробных плит с орнаментом из треугольников по краю, кладбище существует с XVI в. Само городище, судя по собранной керамике, может быть датировано I—V вв. н. э.

Щербинское и Сьяновское городища были (без указания времени памятников) отмечены на археологической карте р. Пахры в 1923 г. сотрудниками Сухановского краеведческого музея².

3. Корыстовское городище находится на северной окраине с. Корыстово Каширского района и расположено на мысу левого берега р. Мутенки, правого притока р. Оки (рис. 5, 3). По дну оврага, который образует мыс, протекает ручей. Площадка городища овальная, высота ее над уровнем реки 6—8 м; размеры 73 (север—юг) × 43 м (восток—запад). Она имеет уклон к северу, и поверхность ее задернована. С восточной napольной стороны площадка укреплена валом и рвом. Среди подъемного материала преобладали обломки крупных лепных сосудов дьяковского облика со штампованным, защитным и нарезным орнаментом по плечикам сосудов. В меньшем количестве встретились обломки сосудов с сетчатыми отпечатками на поверхности (рис. 6, 7, 8). По аналогиям памятник может быть датирован первой половиной I тысячелетия н. э. По характеру керамики это типичный памятник дьяковского времени среднеокского типа, подобный городищам Кропотовскому, Старшему Каширскому и Подмокловскому.

4. Корсаковское городище находится в Истринском районе в 1 км от с. Корсаково (Курсаково), справа от дороги в с. Алексеевку, на мысу, образованном оврагом на правом берегу р. Молодильни, притоке р. Истры. Площадка городища овальной формы и с napольной стороны укреплена тремя валами и рвами (рис. 5, 4). Некоторые из них заходят на склоны мыса, на котором расположен памятник. На стрелке мыса также заметны вал и ров. Размер площадки 52 (север—юг) × 37 м, она задернована, культурный слой на ней мощностью до полуметра.

При обследовании собрана небольшая коллекция лепной дьяковской керамики. Сетчатой среди нее не встретилось. Этот памятник в 1924 г. об-

² Археологическая карта р. Пахры. Архив ЛОИА АН СССР, д. 101, 1925 г. Обследования проводили В. Костомаров и Д. Ахламов.

следовался Л. А. Евтюховой и А. В. Дмитриевской и известен С. К. Богоявленскому³.

5. Карасинское городище расположено на северо-восточном берегу Тростенского озера, на мысу при впадении двух небольших оврагов. Оно находится на территории Рузского района, примерно в 2 км на северо-запад от с. Карасино. Площадка городища, овальная в плане, возвышающаяся над заболоченным берегом озера на 4—5 м, защищена с напольной, северной стороны двумя рвами и валами высотой со стороны площадки около метра. Размеры площадки 47 (север — юг) × 30 м. В направлении с востока на запад площадку прорезает траишея длиной около 20 м и шириной в 2 м, оставленная при исследовании памятника К. Я. Виноградовым в 1926 г.⁴ При наших разведках на памятнике собрана лепная гладкая и сетчатая дьяковская керамика I—VI вв. н. э. Мощностью культурного слоя по многочисленным обнажениям устанавливается в 0,5—0,6 м. Обращает внимание небольшая высота мыса, на котором расположен памятник, что отчасти объясняется заболоченностью окрестностей.

6. Софьинское городище находится на территории с. Софьино Раменского района, на правом берегу р. Москвы, в урочище «Барский сад». Городище интересно тем, что расположено на кромке высокого берега реки, не разрезанного оврагами. Это исключение из общего правила расположения синхронных памятников. С напольной стороны городище было защищено теперь почти полностью разрушенными двумя валами и рвами. Протяженность городища вдоль кромки около 100 м. В культурном слое (мощностью до 0,8 м) — многочисленные нарушения. Здесь при осмотре была собрана большая коллекция лепной дьяковской керамики, среди которой преобладает сетчатая. Среди нее есть образцы с сеткой раннего времени (рис. 6, 9, 10). По материалу памятник однотипен с рядом расположенным городищем Круглица, исследованным в 1956, 1957 и 1961 гг. Л. И. Пимакиным.

7. Боршевское городище находится в Раменском районе на северных окраинах с. Боршево, расположенного в 5 км на восток от г. Бронниц, на правом берегу р. Москвы (рис. 5, 5) на мысу при схождении двух оврагов, на расстоянии 400 м от р. Москвы. Площадка городища подтреугольной формы и с южной, напольной стороны защищается валом (высотой со стороны площадки до 4 м) и рвом. По периметру площадка, протяженность которой с севера на юг — 70 м и с востока на запад — до 50 м, обнесена также валом высотой до полуметра. На площадке собрано небольшое количество лепной дьяковской керамики гладкой и сетчатой, а также славянская круговая керамика XII—XIII вв. (рис. 6, 11). Судя по материалу, поселение на мысу возникло в начале нашей эры. Укрепления дьяковского городища были перестроены в славянское время, о чем говорит наличие вала по контуру площадки и значительная высота вала с напольной стороны. У местного населения памятник известен под названием Городок.

8. Селецкое городище находится на территории Коломенского района на правом берегу р. Нищенки, в 2 км на север от с. Сельцо, между ним и с. Велино. Оно размещается на останце правого высокого берега реки и почти со всех сторон окружено старицами реки и заболоченными участками поймы. Площадка городища в плане бобовидной формы (рис. 5, 6). Ее размеры 18—27 (север — юг) × 55 м (восток — запад). Памятник можно

³ Л. А. Евтюхова и А. В. Дмитриевская. Отчет об археологической разведке летом 1924 г. по течению р. М. Истра. Архив ЛОИА АН СССР, д. 177, 1924 г.; С. К. Богоявленский. Материалы для археологической карты Московского края. МИА, № 7, 1947, стр. 170.

⁴ К. Я. Виноградов. Дневник археологических раскопок и разведок 1926 г. в Воскресенском, Можайском и Волоколамском уездах. Архив ЛОИА АН СССР, д. 111, 1926 г.

было бы считать селищем из-за отсутствия укреплений, если бы не отрезанная глубоким рвом сниженная часть его. Высота площадки над поймой 10 м. Площадка задернована. При осмотре собрана только лепная дьяковская керамика, среди которой не встретилось сетчатой. В 1939 г. памятник осматривался Г. М. Коняшиным⁵.

9. Мячково-Луковское городище находится на территории Коломенского района, на левом берегу р. Северки, в 1 км вверх по течению от с. Городище. Оно занимает невысокий мыс, образованный петлей реки. Высота площадки над поймой 5—7 м. С напольной стороны — сильно оплывший вал и еле различимый ров. Площадка овальная в плане. Размер ее 75 (север — юг) × 63 м. Собранный на городище материал весь относится к позднедьяковскому времени.

При разведочных работах осмотрено разрушающееся Успенское городище дьяковского времени. В осыпях культурного слоя подняты две костяные стрелы (рис. 6, 13, 14) и глиняная льячка. Во время осмотра селища Погостище, расположенного на территории Шатурского района, нами был получен каменный топор, найденные поблизости (рис. 6, 12). При осмотре Протопоповского городища, расположенного в окрестностях г. Коломны, на левом берегу р. Оки, из обреза культурного слоя памятника, в настоящее время полностью занятого современным кладбищем, вынут горшок с сетчатым орнаментом (рис. 6, 15).

Проведенные разведки дополнили список дьяковских памятников Московской области и позволили проверить состояние тех из них, которые давно не осматривались археологами.

---

⁵ Г. М. Коняшин. Материалы для археологической карты среднего течения р. Москвы. Труды НИИ музееведения, вып. 1, 1939, стр. 172.

С. А. ПЛЕТНЕВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА БЕЛОЙ КАЛИТВЕ

(по материалам разведки 1960 г.)

Низовья Северского Донца и его нижних притоков почти не изучались археологически. Средневековых памятников в этом районе известно очень мало: у г. Каменска — городище и могильник и у ст. Нижне-Кундрюченской — селище¹. Небольшие раскопки производились только на селище, но полученные материалы не опубликованы.

Работы Северо-Донецкого отряда в 1960 г. были направлены на поиски и первичное обследование памятников, расположенных на берегах Белой Калитвы — левого притока Северского Донца, и на обоих берегах Северского Донца, на участке от устья р. Быстрой до устья р. Глубокой. Берега здесь представляют собой мощный каменный массив, сквозь который река проложила извилистый путь.

Географы XVII в. разделили эту гряду на три части: первая — Хорошие горы в устье Белой Калитвы, далее к югу шли Гребенные и на левом берегу — Соколы горы². Никаких древних сооружений они здесь не знали, в отличие от района верховий Северского Донца, где через каждые 10—15 км в «Книге Большому Чертежу» указываются старые крепости или курганы. По-видимому, самый рельеф местности не позволял в древности и позднее, в XVII в. и даже в настоящее время селиться на берегу Донца. Древние поселения, обнаруженные нами в 1960 г., располагались только там, где горы отходили от берега на 100—200 м или же исчезали вовсе. На Белой Калитве они начинаются на 15-м километре от устья. На Донце на горах ниже устья Белой Калитвы поселений нет, выше устья они располагаются, как правило, на первой надпойменной террасе, т. е. между холмами и берегом.

Всего в 1960 г. обнаружено 23 средневековых памятника — 16 на Белой Калитве и 7 — на Донце (рис. 7). Все это остатки поселений VIII—IX вв. Сохранность их различна: на одних культурный слой смыт или развеян почти полностью, на других занесен песком или распахан, на третьих сохранился очень хорошо, поверхность задернована, обнажения культурного слоя видны только в обрезах берега. Подавляющее большинство селищ — однослойные, только в трех случаях (селища № 17, 21, 24) на поверхности вместе с обломками керамики VIII—IX вв. обнаружены обломки сосудов эпохи бронзы (№ 17) и керамики XVII—XVIII вв. (№ 21, 24). Для поселений характерна близость их к большой реке. Даже на сравнительно крупных

¹ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, 1958, рис. 26, № 18, 31, стр. 149.

² «Книга Большому Чертежу». М.—А. Изд-во АН СССР, 1950, стр. 77.

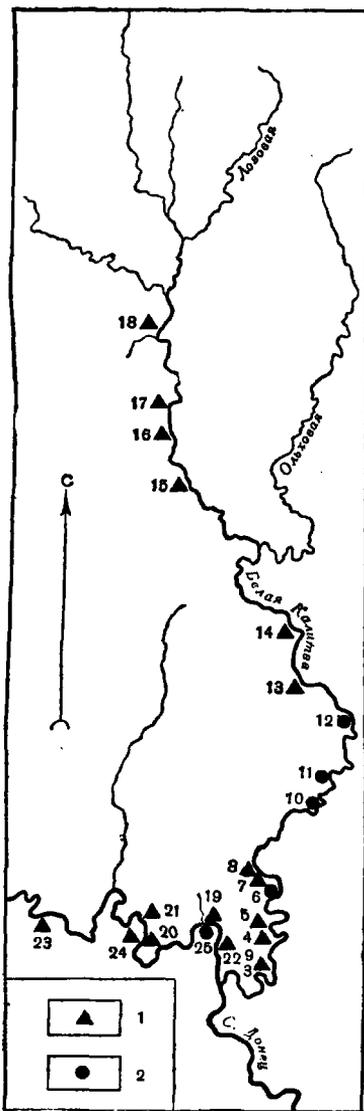

Рис. 7. Карта средневековых поселений на Белой Калитве и нижнем течении Северского Донца.

1 — селища I типа; 2 — селища II типа. Номера поселения на карте: 3, 9 — против хут. Погорелова; 4, 5 — хут. Крутинский; 6 — ст. Шербово-Нефедовская; 7, 8 — хут. Дубовой; 10 — хут. Кононов; 11 — ст. Голово-Калитвенская; 12 — дер. Авновская; 13 — ст. Шарпагская; 14 — хут. Колушкин; 15 — ст. Криворожье; 16 — ст. Никольско-Покровская; 17 — хут. Ольковой Рог; 18 — ст. Терновая; 19, 25 — хут. Дядин; 20, 24 — хут. Муравлев; 22 — карьер у г. Белая Калитва; 23 — хут. Богданов.

притоках Белой Калитвы — Лозовой и Березовой — селищ не обнаружено. Объясняется это, по-видимому, тем, что в хозяйстве населения Хазарского каганата рыбная ловля играла почти такую же важную роль, как полукочевое скотоводство и земледелие. Недаром одной из основных статей хазарского экспорта был «рыбий клей», что отмечалось еще в начале X в. арабским ученым Ал-Истахри: «В стране хазар добывается³ и вывозится во все страны только клей»³. «Рыба,— писал тот же автор,— составляла главную часть их пищи»⁴.

Из 23 обнаруженных нами памятников только два (№ 3 и 9) сохранились настолько плохо, что невозможно судить ни об их размерах, ни о характере. Остальные памятники разделены нами на два типа. Основой этого деления является, во-первых, расположение селищ, их общий вид, во-вторых, состав находок, т. е. различие их керамических комплексов. В 1960 г. в обследованном районе зафиксировано 16 селищ первого типа и 5 второго.

I. Первый тип памятников — это остатки больших поселений, вытянутых вдоль берега реки (или ее старицы) на первой надпойменной террасе. Нередко селища с трех сторон окаймлены высокими холмами, защищавшими от степных ветров. С двух противоположных концов они обычно отрезаны от берегового массива оврагами, затруднявшими подход. Длина селищ колеблется от 100 до 1000 м, ширина — от 20 до 200 м. Средние размеры для этого типа — 500—600×30—50 м. Толщина культурного слоя — 0,3—0,7 м. Сверху он почти на всех селищах перекрыт толстым покровом земли, сползшей со склонов холмов. И поэтому культурный слой, даже если поверхность селища распахивается, никогда не бывает разрушен и находок на поверхности попадает очень мало. Подъемный материал встречается только в обрезах берега или овражков, перерезающих селища. Но ни разу ни на поверхности, ни в обрезах не удалось обнаружить никаких остатков сооружений. Поэтому естественно, что подъемный материал, хотя и очень небогатый, приобретает особенно большое значение (см. табл. 1).

В керамике преобладают, видимо, лепные сосуды. Обломки их составляют примерно 15% всей керамики. Обломки венчиков и донец позволяют восстановить облик сосудов. Это

³ СМОМПК, вып. 29, Тифлис, 1901, стр. 43, 51.

⁴ О том же писал в конце X в. Ибн-Хаукаль (СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908, стр. 112, 115).

Состав находок на селищах I типа:

Находки	№ селища	2	4	5	7	8	13	14	15	16	17	18	19	20	23	24
		Обломки амфор			3	7		4	10	12		3	3	8	6	
Обломки лощеных со- судов	1				2		12	7	3							
Обломки кухонных гор- шков с линейным ор- наментом							15	4	4		3					5
Обломки лепных горш- ков	4	10		8	6			11	7		4	7	3	2		4

высокие яйцевидные горшки со слабо отогнутым венчиком и слегка выделенным толстым дном. Тесто у них хорошо отмученное, с примесью мелкого речного песка и изредка рубленой соломы или травы. Обжиг очажный, неровный, поверхность желто-оранжевая, излом черный.

Аналогии этим сосудам известны на многих нижнедонских и приазовских средневековых поселениях VIII—IX вв., в частности в Тамани (древней Таматархе), Саркеле, Правобережном Цимлянском городище⁵. В Тамани эта посуда попадает в слое VII—X вв., в Саркеле — в хазарском слое IX — начала X в., а на Правобережном Цимлянском городище обломки ее встречаются обычно на полу жилищ, датированных от середины VIII в. до первых годов X в.⁶ Поселения на Белой Калитве и Северном Донце относятся, видимо, к тому же времени. Это подтверждается и остальными находками — обломками характерной лощеной парадной посуды, кухонных горшков с примесью песка в тесте и линейно-волнистым орнаментом на поверхности и, наконец, многочисленными обломками амфор VIII — начала X в. (с шамотом в тесте). Большое количество обломков амфор на поселениях отличает их от поселений верховьев Северского Донца, где они встречались только на наиболее крупных селищах или, чаще, на городищах. Причина этого, очевидно, в том, что поселения низовий Донца находились значительно ближе к центрам производства амфор, расположенным, как известно, на берегах Азовского и Черного морей (в Крыму и Тамани). Селища I типа оставлены полуоседлым или даже оседлым населением, которому принадлежали Правобережное Цимлянское городище и ряд других поселений нижнего Дона, т. е. внутренним или черным болгарам. В VIII—IX вв. болгарские племена, как и все население Хазарского каганата, перешли к оседлому или полуоседлому образу жизни и земледелию. Об этом писали арабские историки X в.⁷, а также каган Иосиф в известном ответе испанскому еврею Хасдаю ибн Шафруте: «Зимой мы живем в стенах нашего города; летом же каждый из нас уезжает к своим виноградникам и в свои поля»⁸.

II. Селища второго типа встречались значительно реже. Четыре из них

⁵ Подробнее о лепной керамике этого типа, ее распространении и датировках я пишу в статье «Средневековая керамика Таманского городища». Сб. «Керамика и стекло Тмутаракани», М., 1962.

⁶ В 1939 г. городище было частично раскопано И. И. Ляпушкиным, в 1958, 1959 гг. работы на городище велись под руководством С. А. Плетневой. См. Отчет о раскопках Правобережного Цимлянского городища в 1958 и 1959 гг. Архив ИА АН СССР, № 1742, 1907.

⁷ Ал-Истахри (см. СМОМПК, вып. 29, 1901, стр. 47); Ибн-Хаукаль (см. СМОМПК, вып. 38, 1908, стр. 114).

⁸ «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», № 5, 1847, отд. III, стр. 7.

находятся в районе среднего течения Белой Калитвы (№ 6, 10—12) и одно (№ 25) на левом берегу Донца, напротив селища I типа у хутора Дядина (№ 19).

Как правило, все селища II типа расположены на прибрежных дюнах, поэтому сохранность их очень плохая. Культурный слой в одних местах уничтожен, сметен или смыт разливом, в других — засыпан толстым слоем песка. Селище № 25, помимо этого, более чем наполовину разрушено песчаным карьером и дорогами — подъездами к нему. Размеры селищ очень значительны: 1000×100 —150 м. Только одно (№ 10) меньше остальных — 400×50 м. Культурный слой серый, песчаный. Находок в нем очень мало, хотя толщина его изредка достигает 0,4 м. Находки попадают почти исключительно в местах, где песок и культурный слой развеваны ветром. В этих случаях произошла естественная расчистка древней дневной поверхности, иногда на довольно большой территории (50×10 м, 30×7 —8 м и т. д.). На «расчищенных» площадках селищ № 6, 10, 11 довольно отчетливо выделены на серовато-коричневой поверхности серые зольные пятна, округлые в плане. Размеры их в поперечнике около 5 м, расстояние одного от другого 4—7 м. Они насыщены обломками керамики и костей и огромным количеством ракушек (створки беззубки). Вне пятен, на поверхности между ними, находки встречались реже. Очевидно, пятна эти — остатки наземных жилищ, вероятнее всего юрт. Это подтверждается и тем, что на одном из селищ (№ 6) в двух случаях в центре пятен сохранились очаги — обожженные участки пола (диаметр 0,6 м), обложенные по окружности кусками плоского местного камня.

Подъемный материал в основном сосредоточен в пятнах жилищ. Прежде чем говорить о количественном соотношении различных видов керамики, остановимся на характеристике этих видов, поскольку керамический материал селищ II типа чрезвычайно своеобразен и до настоящего времени в СССР не было обнаружено памятников с подобной керамикой (рис. 8). Посуда делится на две группы — лепную и гончарную. Обе они органически связаны друг с другом как общими очертаниями сосудов, так и орнаментацией. Лепная керамика представлена обломками горшков со слабо выраженными плечиками и толстым дном. Тесто плотное с примесью речного песка. Венчики диаметром 18—28 см слабо отогнуты, округлые или срезанные сверху, иногда орнаментированные насечками или вмятинами. Поверхность горшков ровная, заглаженная травой. Следы от заглаживания хорошо заметны с внешней и внутренней стороны черепков. Обжиг сосудов неровный, очажный. Горшки описанного вида в целом идентичны с лепными сосудами селищ I типа. Лепные сосуды второго вида отличаются от обычных горшков орнаментом в виде налепных валиков на венчике, горле и плечиках. Валики покрыты узором — простыми или пересекающимися насечками. Восстановить полностью форму этих сосудов по небольшим обломкам трудно. Для них характерны слабо отогнутый венчик, высокое горло, плавно переходящее в тулово. Диаметр венчика от 26 до 36 см.

Гончарная керамика так же, как и лепная, делится на два вида. К первому относятся обломки горшков со слабо выраженным, иногда довольно массивным венчиком. Поверхность сосудов, как правило, орнаментирована небрежно нанесенным линейным орнаментом (сплошным или зональным). Тесто плотное, с примесью речного песка. Диаметр их 24—28 см. Второй вид гончарной керамики по характеру орнаментации приближается ко второму виду лепной керамики; наиболее распространенное украшение на ней — валики (на венчике и горле), которые в свою очередь покрываются орнаментом — штампом или насечками. Форму сосудов восстановить не удалось. Вероятнее всего, это были большие (диаметр до 32 см) сосуды с валиками по шейке. Тесто у них то же, что у лепных, т. е. плотное, хорошо промешанное, с примесью речного песка. Обжиг ровный, цвет сосудов — желтый или серый.

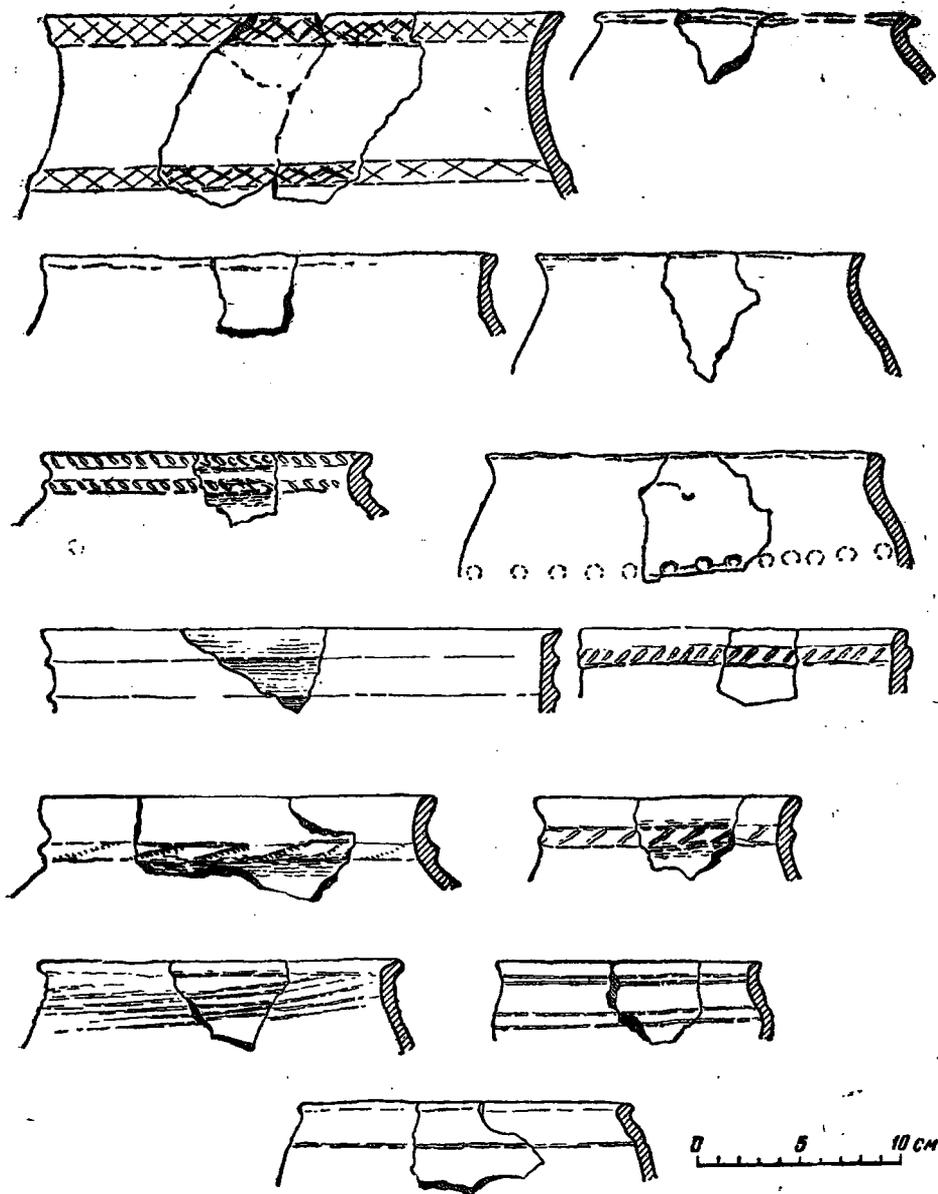

Рис. 8. Керамика, найденная на селищах второго типа.

Кроме описанной керамики, на селищах II типа изредка попадаются мелкие черепки амфор оранжевые, с шамотом в тесте.

Соотношение различных видов керамики между собой представлено на табл. 2.

Как уже говорилось, находки на селищах II типа интересны и своеобразны.

Мы можем указать только два пункта в Приазовье, где были встречены обломки лепной керамики с валиками — это, во-первых, Тамань (слой VII в.) и, во-вторых, поселения у с. Натальевка на берегу Миусского лимана. В Болгарии, на городище «Царь Асень» в значительно более позднее время (XII—XIII вв.) иногда изготовлялись гончарные сосуды этого же

Состав находок на селищах II типа

Названия	№ селища	6	10	11	12	25
Обломки лепных сосудов I вида		7	3	1	—	1
Обломки лепных сосудов II вида (с валиками)		14	4	3	—	—
Обломки гончарных сосудов I вида		9	—	—	—	—
Обломки гончарных сосудов II вида (с валиками)		10	3	1	—	—
Фрагменты амфор		—	—	2	1	5
Обломки неопределенных лепных сосудов.		15	7	10	—	11

типа (с широким горлом и валиками на венчике и плечиках)⁹. Более близкие по времени аналогии на территории Придунавья нам не известны.

В целом селища II типа представляют собой типичные кочевнические стоянки с юртообразными жилищами и своеобразной керамикой. Предварительно их можно датировать концом VII—IX вв.

Отсутствие керамических аналогий не дает нам права связывать эти поселения ни с одним из известных в настоящее время народов. Очевидно только, что это были не болгары и не аланы, керамический комплекс которых резко отличается от керамики с валиками, и не хазары, поскольку на территории Дагестана — основной территории хазар — совершенно нет подобной керамики.

Исторически правомерно предположить, что кочевой народ, обитавший бок о бок с болгарами у северной границы домена Хазарского кагана, построившего вдоль нее ряд мощных кирпичных крепостей для защиты от дебедийских венгров, — венгры-мадьяры¹⁰. Однако несомненно, что до более широкого обследования селищ II типа, до выявления ареала их распространения вопрос об этнической принадлежности этой группы памятников остается открытым.

⁹ За сообщение и разрешение ознакомиться с материалами городища «Царь Асень» приношу благодарность болгарскому археологу Дм. Дмитрову — научному сотруднику Варненского археологического музея.

¹⁰ И. Перени. Венгерско-восточнославянские взаимоотношения. «Studia slavica», t. II, Budapest, 1956; Э. Мольнар. Проблемы этногенеза в древней истории венгерского народа. «Studia historica Academiae Scientiarum Hungaricae», 13, Budapest, 1955; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962 и др.

В. И. МАРКОВИН

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В ВЫСОКОГОРНОЙ ЧЕЧНЕ

Уже несколько лет Аргунским отрядом Северо-Кавказской экспедиции (нач. экспедиции Е. И. Крупнов) исследуются археологические памятники в ущельях рек Шаро-Аргун и Чанты-Аргун. Изучение памятников эпохи бронзы в высокогорных районах Чечни, на стыке древних культур Северного Кавказа, Дагестана и Закавказья — таково главное содержание работ отряда за период 1956—1959 гг. Однако в 1960 г. внимание отряда привлекло обилие очень своеобразных памятников средневековья в верховьях Чанты-Аргуна (Итум-Калинская котловина, ущелье Тазбичи, территория исторического чеченского общества Малхиста)¹.

Кратко остановимся на исследованных памятниках.

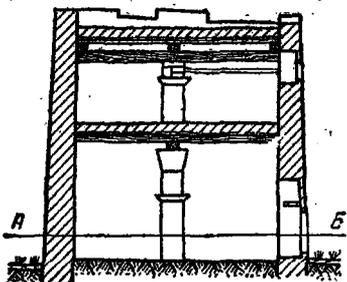
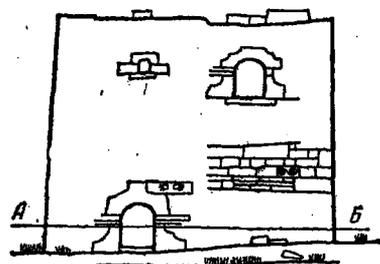
Жилые башни в большом количестве зафиксированы по ущелью Тазбичи в местечках Шулкаг, Титча-Дукъ, Талкали, Хаскали, Эткалы, Хъелды, у селений Верхний Кокадой и Хучара, по верховьям Чанты-Аргуна. Описан целый башенный поселок в местечке Пакоч близ сел. Итум-Кале.

Башни воздвигнуты на местах, удобных для жилья, но достаточно защищенных от внезапного нападения. Это — приземистые прямоугольные сооружения, сложенные из хорошо подобранных и пригнанных камней (сланец, известняк, песчаник), скрепленных глинисто-известковым раствором. Стены связаны между собой выступающими угловыми плитами. Примерные размеры башен: длина 9—10 м, ширина 8—9 м, сохранившаяся высота 8—9 м. К стенам с дверными и оконными проемами пристроены дворовые постройки, а стены выходящие на открытые пространства, снабжены бойницами. Арки проемов устроены напуском приостренных камней или высечены в огромных плитах-монолитах (только округлые арки). Лишь иногда проемы сложены из клиновидных блоков с примитивным замковым камнем. С внутренней стороны проемы расширяются, часто завершаясь стрельчатыми арками. Окна и двери прикрывались двустворчатыми ставнями или щитами, запором служил засов, для которого по сторонам выдабливались специальные гнезда.

Чеченские жилые башни двух- и трехэтажны. В каждый из этажей вела дверь, к которой можно было попасть снаружи по приставной лестнице. Несомненно, существовали также и внутренние переходы.

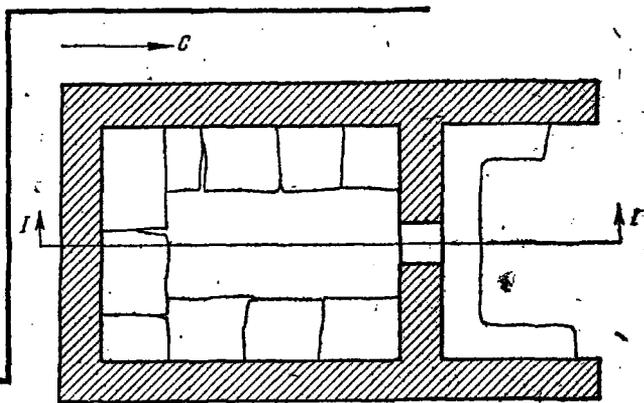
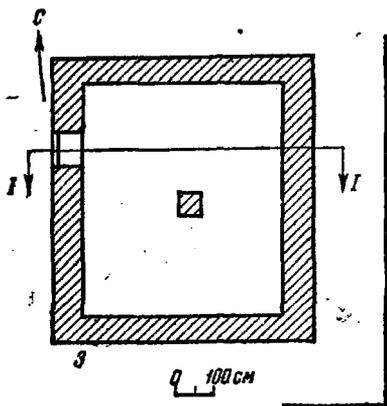
Внутри башен в большинстве случаев установлена колонна, скорее опорный четырехугольный столб с массивным основанием и каменными

¹ Состав отряда: В. И. Марковин — нач. отряда, А. А. Исламов, В. Л. Василевский, Э. П. Химин, А. И. Лаврищева, Я. С. Вагапов, Г. А. Вискиев, М. А. Магомедов, П. П. Космачев, Р. Н. Гончарова, М. Бадаев, А. Ф. Петраш, Х. В. Туркаев, Н. В. Аюбов, С. Т. Умаров, А. У. Дзагнев, М. А. Высоткин.

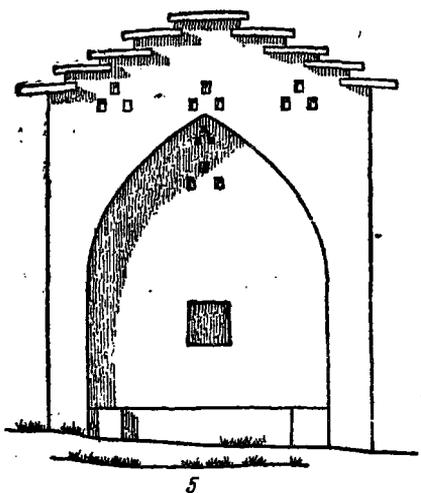

1

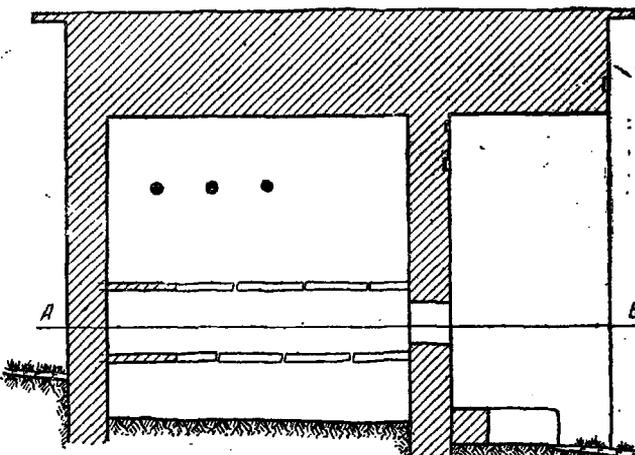
2

4

5

6

Рис. 9. Памятники чеченской средневековой архитектуры.

1—3 — минарет у сел. Верхний Кокадой (Кохт): 1 — западная стена, 2 — разрез по I—I, 3 — план (верхний этаж башни перестроен в позднее время. Обмеры Э. П. Химина). 4—6 — наземный склеп № 34 гора мертвых «Цой-Педе» (Малхиста): 4 — план; 5 — фасад, 6 — разрез по I—I. (Обмеры Э. П. Химина, В. И. Марковина).

подушками, расположенными на разной высоте (рис. 9, 2). Столб завершался капителью в виде усеченной четырехгранной пирамиды, поставленной на срезанную вершину. Межэтажные перекрытия покоились на каменных подушках столба и специальных выступах стен. Длинные стены башен, как правило, разделены на две части пилястрами, повторяющими формы колонн. Башни с колоннами обнаружены на горе Гуника (ущелье Тазбичи) в

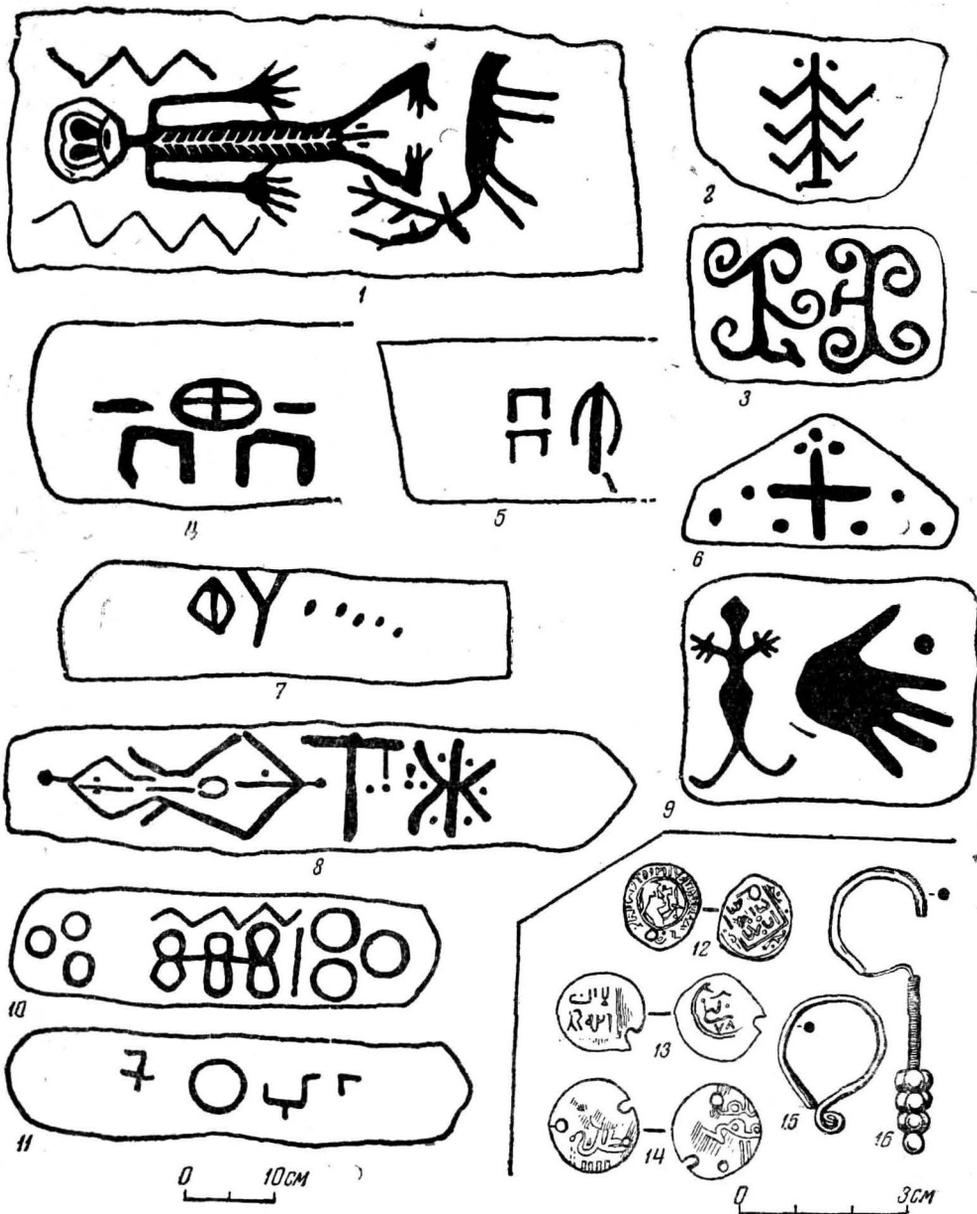

Рис. 10. Петроглифы и отдельные археологические находки.

Петроглифы: 1 — местечко Талкали (район с. Итум-Кале), жилая башня; 2 — Цой-Педе (Маалхиста), склеп № 16; 3 — Цой-Педе, склеп № 33; 4, 5 — Местечко Шулкага (район с. Итум-Кале), жилая башня; 6, 8—11 — Цой-Педе, боевая башня 1; 7 — местечко Хьельды (район с. Итум-Кале), жилая башня. Находки: 12 — русская монета XIV в. (серебро) из склепа № 4 у с. Верхний Кокадой (Кохт); 13 — монета Токтамыша (серебро) из склепа № 7 у с. Верхний Кокадой (Кохт); 14 — монета Хьзар-хана (серебро) из каменного ящика у с. Верхний Кокадой (Кохт); 15 — бронзовая сережка из склепа № 2 у хут. Дёре (Гойча-Кала); 16 — бронзовая сережка из склепа № 3 у хут. Дёре (Гойча-Кала).

местечках Титча-Дукъ, Талкали, Хаскали, у селений Верхний Кокадой и Хучара. Помещения башен снабжены хозяйственными полками — нишами. Наружные стены (особенно с проемами) украшены петроглифами в виде фигурок людей, животных, спиралей, геометрических начертаний (рис. 10

1, 4, 5, 7). Как правило, на каком-либо камне, чаще у входа (иногда на колонне или пилястре), высечено изображение руки (рис. 10, 9). Это своеобразный знак, оставленный мастером-строителем. Он обводил контуры своей руки и затем высекал углубленное ее изображение (вот почему это часто рисунок левой руки). У всех «рук» свои особенности; они длиннопалы или короткопалы, с узкой и широкой ладонью, оттопыренным большим пальцем и т. д.

Башни сходного типа под названием квитири широко распространены в Хевсуретии — стране, граничащей с Чечней². Но хевсурские башни существенно отличаются от чеченских. Они без опорных столбов-колонн; снабжены только одним крупным дверным проемом. Нет построек, близких по типу чеченским жилым башням, и в другой пограничной стране — Дагестане³, зато они широко распространены в родственной по культуре и языку Ингушетии⁴.

«Каждый род, — замечает Л. П. Семенов, — владел одной или несколькими такими башнями, примыкавшими одна к другой и представлявшими просторное и надежное укрепление»⁵. Такими укрепленными поселками были местечки Пакоч и Хучара. В Пакоч сохранились руины восьми башен с небольшими огороженными участками между ними и улицей. В центре поселка стоит разрушенная боевая башня (дом А. Б. Батукаева). В северо-восточной части поселка — большое общественное здание (помещение № 1), перекрытие которого поддерживалось рядом круглых колонн с пирамидально-усеченными капителями. От колонн сохранились отдельные круглые блоки (диаметр 0,7 м), из которых и составлялись стволы.

Напротив этого здания расположено кладбище с разрушенными склепами и могилами, отмеченными антропоморфными и плитчатыми стелами, причем некоторые из них украшены петроглифами. Вероятно, в XVIII—XIX вв. в западной части поселка была построена мечеть. При ее строительстве использовался камень разрушенных башен — отдельные плиты с петроглифами обнаружены в кладке.

Боевые башни обмерены и описаны за несколько лет работы в селениях Советском (Шатое), Башин-Кале (башня Гучан-Кале), Асланбек-Шерипово (башня Гатын-Кале), Ушкалой (две башни), Пакоч, Верхний Кокадой (три башни в местности Дукълой), хуторе Дёре (две башни), местечке Хьелды (две башни), Шула, на р. Кенохой-акк или Терлой-акк (группа Кириадабавнишь), в «городе мертвых» Цой-Педе (Малхиста).

Боевые башни воздвигнуты на самых неприступных местах — на скалистых утесах, очень крутых, осыпающихся склонах, над бурными реками и занимают стратегически важные точки — на стыке дорог и ущелий, у входа в лоцины и т. д. Отдельные из них пристроены к выемкам в скалах (руины напротив сел. Нихалой, башня у въезда в сел. Ушкалой), другие высятся в центре родовых поселков (Пакоч, Дёре — башня 1, Цой-Педе). Это очень стройные и гармоничные по композиционной завершенности сооружения (рис. 11). Построены они, как и жилые башни, без фундамента, на скальном массиве. Камни кладки тщательно пригнаны и смазаны известково-глинистым раствором. У основания положены наиболее массивные плиты, иногда превышающие рост человека (башня Шула). Стены между собой скреплены

² С. И. Макалатия. Хевсурети. Тбилиси, 1940, стр. 101—107, рис. 20—22; М. И. Джандиери, Г. И. Лежава. Архитектура горных районов Грузии. М., 1940, стр. 8—11, рис. II—IV, 4—14.

³ Г. Я. Мовчан. Предварительные заметки о типологии жилища народов нагорного Дагестана. КСИЭ, IV, 1948, стр. 41—52.

⁴ И. П. Щеплякин. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. «Изв. Ингушского ин-та краеведения», вып. I, Владикавказ, 1928, стр. 282—283; Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1928 и 1929 гг. «Изв. Ингушского ин-та краеведения», вып. II—III. Владикавказ, 1930, стр. 367. Башни с колоннами в Ингушетии встречаются реже.

⁵ Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 367.

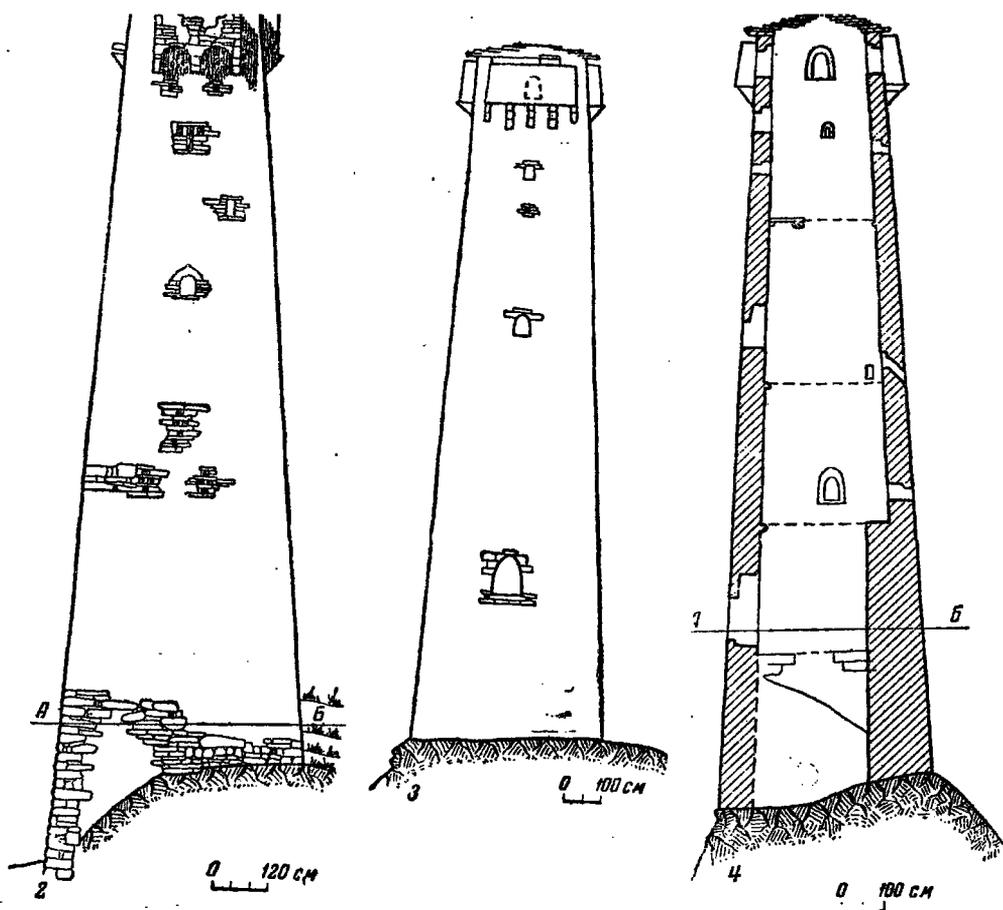

Рис. 11. Чеченские боевые башни (ущелье р. Чанты-Аргун).

башни II (на утесе), хут. Дёре (ущелье Тазбичи, район с. Итум-Кале); 3, 4 — западная стена и разрез башни Шу
 5 — разрез башни I (башня Яскиевых в центре хутора Дёре). Обмеры В. И. Марковина.

угловыми камнями, на которых также держались, вероятно, внутренние строительные леса. Примерные размеры башен: площадь у основания 5×5 м; 4×5 м; кверху суживаются до 4×4 м; 3×3 м; высота — до 18—20 м.

Обычно башня снабжена дверным проемом, ведущим сразу же во второй этаж (поднимались по приставной лестнице). Но иногда в башнях, построенных на возвышении, двери ведут непосредственно на первый этаж (башня Шула). Дверные и оконные проемы почти всегда снабжены арками, такими же, как описанные нами у жилых башен.

Боевые башни прекрасно приспособлены для обороны. Почти всегда построенные на неприступных местах и возле воды (рек, ручьев, родников, а к башне у сел. Верхний Кокадой вода поступала по каменному желобу), они основательно оснащены бойницами для прямого и навесного огня, боевыми балкончиками-машикулями, расположенными по сторонам. Эти «балкончики» держатся на каменных массивных кронштейнах, в них нет пола-настила, что позволяло сбрасывать вниз камни, лить кипяток и т. д.

Суживающаяся кверху башня заканчивается плоским или ступеньчатопирамидальным перекрытием из сланцевых плит, завершающимся «замковым» камнем в виде закругленного столбика (башни Дёре 1, Шула — у последней замковый камень не сохранился, рис. 11, 4, 5). При строительстве плиты, предназначенные для перекрытия, подтягивались наверх веревками, для чего в плитах просверливались специальные отверстия (хорошо сохранились в башне 1 Цой-Педе).

Боевые башни менее, чем жилые, украшены петроглифами, но и на них всегда можно найти «руку мастера». Много петроглифов, например, на башне Цой-Педе (рис. 10, 6, 8—11). Часто хорошо обозреваемые стороны обычно украшены углубленным узором в виде крестов, углов, тамгообразных знаков наподобие буквы т (башня Гучан-Кале) и строенных т (Дёре 2). На западной стене башни 1 в Цой-Педе выложена (в технике мозаики) белокаменная фигура человека по серому сланцевому фону. Руки и ноги разведены в стороны. Лицо выполнено барельефно. В стену одной из башен над Верхним Кокадоем вставлены две скульптурные головки животных (собак, овец?).

Боевые башни четырех- и пятиэтажны. Межэтажные перекрытия, судя по башням Шула и Дёре 1, делались из крупных сланцевых плит и досок и держались на уступах, специальных карнизах и балках. Межэтажные переходы располагались зигзагообразно. Полное представление о такого рода башнях дает рисунок, опубликованный И. П. Щерблыкиным⁶ и воспроизведенный Б. Плечке⁷.

Иногда в башнях устраивались купольные перекрытия с опорными пилястрами и кладкой типа «дарбазы» (башня в Пакоч. Близкая по типу издана В. Ф. Миллером⁸).

Внутри башен устроены ниши для хранения домашних вещей, над бойницами — полки, в стены иногда вмонтированы каменные крюки, вероятно, служившие для разделки туш (сохранились в Пакоч).

Почти о каждой башне рассказываются легенды, некоторые из них опубликованы⁹.

Башни описанного типа широко распространены на территории исторических чеченских обществ Чанты, Майсты, Малхисты, Акки (в районе оз. Галанчож) и в Ингушетии. Ингушские башни очень мало отличаются от

⁶ И. П. Щерблыкин. Указ. соч., стр. 276, 277.

⁷ Dr. W. Flaetschke. Die Tschetschenen. Hamburg, 1929, стр. 42—43, рис. 4.

⁸ В. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии. МАК, I, 1888, стр. 37, рис. 51.

⁹ О шатоевских башнях см. В. Миллер. Указ. соч., стр. 35; о башнях Цой-Педе — Халид Отаев. Малхиста. «Революция и горец», № 8(22), Ростов-на-Дону, 1930, стр. 64—65.

башен Чечни. Так, исследованная нами «Дёре 1» до деталей похожа на башню сел. Джерах в ущелье р. Арм-хи (Ингушетия).

Как видно из самого перечня районов древней чеченской культуры, башенные постройки сосредоточены в горных районах, граничащих с Хевсуретией, Тушетией и Пшавией. На территории Ичкерии с мягким горным рельефом, также заселенной чеченцами, башни и их руины не найдены. Лишь на границе Ичкерии с Дагестаном, у оз. Эзень-Ам, близ селений Хой и Хорочой, по сведениям Б. Плечке, стояли башни¹⁰. В 1960 г. Аргунским отрядом обнаружено местонахождение одной из них на скалистом мысе, северо-восточнее сел. Хорочой, а в 1961 г. — в районе оз. Эзень-Ам.

Башни близкого типа известны и на территории Хевсуретии. Наиболее красивая из них — Харат-цихе в сел. Ахиели, по преданию, построена кистином (ингушем) за плату, состоявшую из 50 коров. Вообще хевсуры, пишет С. И. Макалатия, считают строителями башен чеченцев и ингушей, хотя это вызывает некоторое сомнение¹¹. Однако, как замечает сам С. И. Макалатия, башни Пирикитской Хевсуретии, т. е. Хевсуретии, граничащей с Чечней, близки чеченским и отличаются от построек другой, Пиракетской части страны¹².

В Тушетии, также граничащей с Чечней, много башен чечено-ингушского типа. Особенно много их на территории общества Цови, заселенном выходцами из Чечни¹³.

В Северной Осетии строителями башен также очень часто были ингуши и чеченцы. Известна фамилия Берхиновых (из аула Берхин в горной Ингушетии) — строителей башен у осетин. Г. Кокиев отмечает, что в деле строительства «превосходство надо признать не за осетинскими, а за ингушскими и чеченскими башнями, в которых действительно чувствуется своеобразная культура и для того времени высокая техника»¹⁴.

Чечено-ингушские башенные постройки в основном ничего общего не имеют с южно-осетинскими¹⁵, кабардинскими¹⁶, сванскими¹⁷ и дагестанскими сооружениями.

Однако в последнее время П. П. Закарая, не учитывая самобытности архитектурных форм у чеченского и ингушского народов, объявляет описанный нами тип боевых башен грузинским. Он считает, что тип таких построек возник на территории Грузии и «быть может, первая из них — Анаурская». Башня эта отличается небольшой высотой, без машикулей, возвышается возле грузинского храма 1689 г. и, по П. П. Закарая, датируется временем «не позднее XVI в.»¹⁸ Профессор Л. П. Семенов отмечает огромное сходство башни в Анаурской крепости с чечено-ингушскими, его смущали только ее незначительная высота и отсутствие балкончиков¹⁹. Теперь это не должно казаться странным. В 1960 г. Аргунским отрядом обнаружена в местечке Эткали мечеть, минарет которой устроен в виде небольшой

¹⁰ Вг. Plaetschke. Указ. соч., стр. 64—66, карта.

¹¹ С. И. Макалатия. Указ. соч., стр. 95.

¹² Там же, стр. 101.

¹³ Р. Эристов. О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе. «Записки Кавказского отдела РГО», кн. III, Тифлис, 1885, стр. 80—81; В. Худадоев. Гирьска Тушетия и Андийске Койсу. «Східний світ», № 4—5 (13—14), Харків, 1930, стр. 268—269.

¹⁴ Г. Кокиев. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии. «Изв. Юго-Осетинского ин-та краеведения», вып. II, 1935, стр. 219, 221 и сл. О Берхиновых см.: Н. Яковлев. Ингуши. Владикавказ, 1925, стр. 88.

¹⁵ С. В. Бессонов. Крепостные сооружения в бассейне Большой Лиахвы. «Изв. Юго-Осетинского ин-та краеведения», вып. I, 1933, стр. 238.

¹⁶ П. Г. Акритас. О. П. Медведева, Т. Б. Шаханов. Архитектурно-археологические памятники горной части Кабардино-Балкарии. «Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ», т. XVI, Нальчик, 1960.

¹⁷ М. И. Джандиери, Г. И. Лежава. Указ. соч., стр. 79—81.

¹⁸ П. П. Закарая. Фортификационные сооружения Шида-Картли. КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 127—129, рис. 42. Сомневаемся, что башня построена ранее храма.

¹⁹ Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 381.

башни с пирамидальным перекрытием, без машикулей, высотой всего в 8,3 м.

В Грузии башни чечено-ингушского типа встречаются только спорадически, и скорее не сами башни, а отдельные элементы, перенятые у построек данного типа. Считать башню в Ананури первой постройкой подобной архитектуры нельзя. Башня 1 в Цой-Педе более примитивна. Все сказанное свидетельствует о чечено-ингушском происхождении боевых башен описанного нами типа. Вклад чеченского и ингушского народов в создание горской архитектуры несомненен.

Несколько слов о дате башенных построек. Узкие бойницы свидетельствуют об употреблении огнестрельного оружия; оно появляется с XV в. и повсеместно распространяется в XVI в.²⁰ Царевич Вахушти в своей «Географии Грузии» обе страны Чечню (Дзурзукую) и Ингушетию (Кистетию) называет «башенными»²¹. Труд Вахушти написан в начале XVIII в. Известный исследователь быта чеченцев А. П. Берже, путешествовавший по стране в первой половине XIX в., упоминая целую серию башен по Аргуны (у селений Чишки, Башин-Кале, Зонах и т. д., ныне в основном разрушенных), говорит о них как о постройках весьма древних²². Все это позволяет суммарно датировать их XV—XVII вв.

Упрощенность форм жилых башен позволяет считать их, как это делал покойный профессор А. П. Семенов, более древними²³.

Полуподземные склепы обнаружены на кладбище в местечке Пакоч, возле башен Титча-дукъ и Шулкиаг, в районе хутора Дёре (местность Гойча-кала), в местности Верхние Хьеры (найлены А. А. Исламовым), у сел. Верхний Кокадой (Кохт, открыты Я. С. Вагаповым и М. Бадаевым). У последнего пункта склепы сочетаются с каменными ящиками.

Склепы сложены насухо, лишь в Пакоч камни были промазаны известью. Конструкция склепов однотипна. Камеры удлиненной (прямоугольной) формы, с потолком в виде стрельчатого свода, сложенного из нависающих камней. Длина камеры до 3 м, ширина и высота — до 2 м. Вдоль длинных стен сохранились каменные полки или выступающие упоры, на которые клались настилы из досок. Напротив входного проема прямоугольной формы, на узкой стене обычно устроены одна-две ниши. Склепы длинной осью большей частью ориентированы с севера на юг.

Конструктивно наиболее интересен склеп № 3 у сел. Верхний Кокадой. Его западная стена, выходя за пределы камеры, образует у входа выступ с нишей. Довольно правильная наружная кладка над входом нарушается четырьмя плитами; поставленные под углом, они образуют узор в виде зигзага или буквы М. Каждый из углов — небольшая ниша. В склепе № 3 помимо полок для захоронений была вырыта погребальная яма вдоль узкой стены.

Покойные клались на полки и пол в вытянутом положении, обычно ногами к выходу. Некоторые вносились в четырехугольных гробах-ящиках, собранных на шипах, без гвоздей (хутор Дёре, склеп № 2). Умерших хоронили в одежде и обуви, в сопровождении домашней утвари. Обнаружены остатки грубой холстины, тонкой шелковистой ткани, обрывки кожаных чарыков. В склепах Дёре собраны обломки деревянных сосудов, а у Кокадой — обломки красноглиняной керамики с волнистым орнаментом. Украшения: бронзовые бубенчики-пуговицы, серебряные колечки, серьги с гроздьями и оканчивающиеся спиралькой (рис. 10, 15, 16), бусы из сердолика (капельвидные, шаровидные), конические из голубого стекла и круглые глазчатые

²⁰ М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. М., 1952, стр. 10, 96—100.

²¹ Вахушти. География Грузии. «Записки Кавказского отдела РГО», Тифлис, 1904, стр. 151.

²² А. П. Берже. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, стр. 59 и сл.

²³ А. П. Семенов. Указ. соч., стр. 380.

из пасты. Найдены также железные ножи и кольца (в обломках), оселки. Наиболее интересны находки двух монет в склепах Верхнего Кокадоя.

1. Серебряная монета-подвеска (ее носили как украшение) весом в 0,8 г времени Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича. Найдена в склепе № 4. На аверсе изображен человек с секирой и мечом, по кругу срезанная надпись «ПЕУАТЬ К НАЗА ВЕЛИКОГО»; на реверсе — в квадрате арабская надпись: «Туктамыш Хан, да продлит Аллах царствование его» (рис. 10, 12). Подобные монеты, пишет А. В. Орешников, могут быть отнесены ко времени великих князей, современников Токтамыша, а точнее «к концу XIV и не позднее первой четверти XV века»²⁴. Н. Д. Мец склонна относить этот тип монет ко времени Дмитрия Донского (1350—1389). Находка этой монеты уникальна; она важна не только для истории Чечни, но и России²⁵.

2. Серебряная монета-подвеска (пробита для ношения) весом 0,7 г. Монета времени Токтамыша (Золотая Орда), чеканена в 788 или 789 г. хиджры, т. е. 1386 или 1387 г. н. э. (рис. 10, 13). Найдена в склепе № 7. К вопросу о датировке склепов мы вернемся немного позже.

Каменные ящики были расчищены между склепами Верхнего Кокадоя. Они содержали останки костяков взрослых и детей. Ящики ориентированы длинной осью с северо-востока на юго-запад и с запада на восток. Каменные ящики бедны инвентарем — собраны отдельные бусы, сережки, аналогичные найденным в склепах. Наиболее интересны находки в ящике № 3. В нем обнаружены сердоликовая бусина, две серебряные сережки в виде несомкнутых колец и серебряная монета-подвеска (пробита трижды) весом 0,8 г. Монета времени Хызр-Хана (Золотая Орда, г. Сарай ал-Джедид) — 762 г. хиджры, т. е. 1360—1361 г. н. э. (рис. 10, 14)²⁶. Аналогичная монета найдена нами в 1959 г. в одном из пещерных погребений у сел. Советского (Шатоя).

Сходство основного инвентаря ящиков и склепов указывает на их одновременность.

Возникновение полуподземных склепов относится к периоду, предшествовавшему монгольскому завоеванию, IX—XII вв.²⁷ Вероятнее всего склепы, открытые нами в Чечне, следует датировать XIII—XV вв. Такой дате не противоречит найденный инвентарь. Специалисты, определявшие монеты, склонны относить их ко времени не ранее первой четверти XV в., так как эти монеты обрезаны в связи с кризисом на металл, пробиты и употреблялись как украшения. Вместе с тем найденные монеты — важные документы для изучения XIV—XV вв. в истории Северного Кавказа.

Материалы ящика № 3 могут датироваться точно — началом XV в.

Склепы у хутора Дёре и Верхнего Кокадоя служили, как и погребение в пещерах Шатоевской котловины²⁸, родовыми усыпальницами.

«Город мертвых» Цой-Педе находится на территории исторического общества Малхиста, на границе с Хевсуретией, среди скалистых утесов Коре-Лам. Склеповый «поселок» занимает высокий мыс, образованный реками Чанты-Аргун и Мешихи. На северной части мыса 40 хорошо сохранившихся склепов, на южной части почти все они разрушены. Между ними возвышаются две башни (упоминались выше).

²⁴ А. В. Орешников, *Русские монеты до 1547 года*. М., 1896, стр. 196, 198 (№ 903, 904), рис. 784—786.

²⁵ В. Л. Янин, *Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в древней Руси*. «Вопросы истории», № 8, 1955, стр. 134.

²⁶ Приношу глубокую благодарность Н. Д. Мец, С. А. Яниной, Е. А. Пахову, Г. А. Федорову-Давыдову за определение монет.

²⁷ Л. П. Семенов, *Указ. соч.*, стр. 389; В. В. Бунак, *Черепя из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом отношении*. МАЭ, т. XIV, 1953, стр. 312—314.

²⁸ В. И. Марковин, *Пещеры — родовые усыпальницы в Шатоевской котловине*. КСИА АН СССР, вып. 86, 1961.

Склепы — прямоугольные постройки, напоминающие домики с двухскатной шиферной крышей. На одной из узких сторон сделан лаз — четырехугольное отверстие, в которое вставлена шиферная рамка. В некоторых склепах перед лазом устроена глубокая ниша со стрельчатой аркой. Над лазами склепов № 6, 16, 33 выбиты петроглифы (рис. 10, 2, 3)²⁹. Внутри вдоль стен проходят каменные полки в 1—3 ряда. Потолок продольно-сводчатый. Иногда задней стеной служит естественная скала. Стены сложены из сланцевых плит на мергелисто-глиняном растворе. Длина склепов от 3 до 8—10 м, ширина — 4 м, высота — до 3,5—4 м. Обнаружены отдельные двухкамерные (№ 25) и двухэтажные (№ 28 и 32) сооружения. Массивность построек, необычайное впечатление, производимое ими, вероятно, послужили поводом В. Н. Худякову относить их к группе мегалитических сооружений³⁰, хотя что-либо с настоящими мегалитами в них усмотреть трудно.

Покойники заносились в склепы в вытянутом положении, ногами к выходу. На них одежда из грубого холста и цветной шерсти (синяя, коричневая, красная). Подол и рукава обшиты шелковой и бумажной тесьмой. На ногах башмаки с загнутыми носами, чуваки и ноговицы. Покойники подверглись естественной мумификации. Дети погребались в люльках, взрослые просто клались на полки, иногда вносились на плетеных носилках, в прямоугольных гробах и колодах. Умершие лежат на полках в сопровождении предметов домашнего обихода (прялок, деревянных чаш и пр.).

Цой-Педе (Цай-Пхьеда) считалась святыней общества Малхиста, в переводе с чеченского — «поселение божества», а каждый склеп носит название «малх каш» — «солнечной могилы»³¹.

Склепы описанного типа распространены в высокогорной Чечне (общество Майсты, у оз. Галанчо́ж). К сожалению, они до сих пор не описаны. Подобные сооружения под названием акалдама известны в Пирикитской Хевсуретии — в селениях Муцу и Анатори (близ сел. Шатили), т. е. в местах, отстоящих на несколько километров от Чечни³². Близкие по конструкции склепы известны на территории Ингушетии, хотя здесь больше склепов, напоминающих башни³³. Наземные склепы обнаружены также в Тушетии³⁴ и неподалеку от сел. Казбеги³⁵. В огромном числе известны они на территории Северной Осетии. Г. Кокиев намечает для Северной Осетии два варианта склепов: восточный (иронский) и западный (дигорский), отличающиеся формой сооружения и перекрытиями³⁶. Постройки восточного варианта близки чечено-ингушским памятникам. Однако склепы горной Чечни (Майсты, Малхисты) отличаются от восточно-осетинских построек тем, что часто снабжены нишами, более обширны. Возможно, полное изучение склеповых сооружений Чечни позволит выделить еще один вариант среди подобных памятников.

Несомненно, такие дома мертвых связывались с не совсем ясными, религиозными взглядами, распространенными на большой территории.

Датировка наземных домов мертвых сложна. По С. И. Макалатия — это XVII—XVIII вв.³⁷, по Г. Кокиеву, который связывает архитектуру скле-

²⁹ Петроглиф склепа № 33 в искаженном виде издан Вг. Plaetschke. Указ. соч., стр. 54, рис. 15.

³⁰ В. Н. Худяков. Мегалитические памятники Кавказа. ВДИ, № 1, 1937, стр. 198, рис. 5—7. В статье Цой-Педе упоминается как Упейди.

³¹ Халид Отаев. Указ. соч., стр. 59. Приношу Х. Д. Отаеву глубокую благодарность за ряд терминологических пояснений в письмах ко мне.

³² С. И. Макалатия. Указ. соч., стр. 177—179.

³³ В. В. Бунак. Указ. соч., стр. 313, рис. 12, 13. Один из башенных склепов обнаружен нами у башен на р. Кенохой (Терлой)-акк.

³⁴ В. Худяков. Гирьска Тушетия..., стр. 268—269.

³⁵ С. И. Макалатия. Указ. соч., стр. 178.

³⁶ Г. Кокиев. Склеповые сооружения Горной Осетии. Владикавказ, 1928, стр. 12.

³⁷ С. И. Макалатия. Указ. соч., стр. 179.

пов с древними храмами типа церкви в Нузале, — XII—XIII вв.³⁸, по В. В. Бунаку — XVI—XVIII вв.³⁹ Мы склонны присоединиться к последней дате, так как склепы Цой-Педе близки по конструкции вышеописанным склепам у хутора Дёре и сел. Верхний Кокадой, а собранный нами материал верхних ярусов погребений из Цой-Педе (образцы обуви, деревянных мисок) сходен с материалами позднего захоронения в склепе ингушского сел. Эгикал⁴⁰.

Архитектура склепов настолько традиционна, что в этом же стиле строились святилища (Ингушетия) и даже храмы-дзуары (Северная Осетия)⁴¹. Подземным псевдосклепы сооружались над раннемусульманскими захоронениями (исследовались в 1960 г. на кладбище в Пакоч), и позже в виде склепов устраивались обрамления обычных мусульманских стел (кладбище в сел. Хорошой, Хой, Казеной, Макажой).

О том, что на территории Чечено-Ингушетии именно чеченцы и ингуши, а не другие народы (джелты-греки) оставили описанные памятники, свидетельствуют данные фольклора. В Чечне (район сел. Итум-Кале) жениху-бедняку до последнего времени отказывали следующим идиоматическим выражением: «Как мы отдадим тебе нашу дочь в жены, если у тебя нет ни башни, чтобы в ней жить, ни могилы (склепа), чтобы хоронить покойных»⁴². В виде пословицы эта фраза известна и в Ингушетии — «человеку при жизни нужна башня, после смерти склеп»⁴³.

Работы Аргунского отряда показали всю важность и перспективность специальных дальнейших исследований памятников, оставленных предками чеченского народа.

³⁸ Г. Кокнев. Склеповые сооружения..., стр. 66.

³⁹ В. В. Бунак. Указ. соч., стр. 314.

⁴⁰ Л. П. Семенов. Склеп с фресками в Ингушском селении Эгикал. «Изв. ЧИНИИ истории, языка и литературы», т. II, вып. 1 (история), Грозный, 1960, стр. 47.

⁴¹ И. П. Щерблякин. Архитектура древних ингушских святилищ. «Изв. Ингушского ин-та краеведения», вып. II—III, Владикавказ, 1930, стр. 410—437; Г. Кокнев, Указ. соч., стр. 64.

⁴² Записано Я. Вагаловым в сел. Итум-Кале в 1960 г.

⁴³ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания..., стр. 398.

О. В. МИЛОРАДОВИЧ

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩА ВЕРХНИЙ ДЖУЛАТ
В 1960 г.

Верхне-Джулатский отряд Северокавказской экспедиции Института археологии АН СССР и Северо-Осетинского института¹ продолжал работу на средневековом городище Верхний Джулат, расположенном в Северо-Осетинской АССР близ станицы Змейской и сел. Эльхотово. Археологические изыскания здесь проводятся нашим отрядом ежегодно, начиная с 1958 г.² В 1960 г. исследована большая мечеть, к которой принадлежит Татартупский минарет — единственно уцелевший до наших дней на поверхности городища архитектурный памятник. Произведены архитектурные обмеры минарета. Исследованы остатки еще одного здания, очевидно мусульманского мавзолея, а также 17 мусульманских погребений. Кроме того, проведены небольшие разведки на территории городища и вокруг него.

Раскоп (232 м²), заложенный близ Татартупского минарета, вскрыл развалины мечети, западная стена которой находилась в двух метрах к югу от основания минарета.

Здесь сохранились булыжный фундамент, остатки стен, сложенных из булыжника и кирпича, частично кирпичный пол и развал южной стены. Мечеть была в плане в виде неправильного прямоугольника, вытянутого с запада на восток с небольшим отклонением к югу. Восточная стена не исследовалась, так как вся эта часть находится под насыпью шоссеной дороги. Ширина здания с внешней стороны 11,4 м, с внутренней 9,7 м (рис. 12). Среди строительных материалов — речной булыжник естественный и подтесанный, блоки туфогенного песчаника, квадратный обожженный кирпич, черепица, известковый раствор. В кладках стен использовался кирпич размером 21—25 × 21—25 × 4—5 см; пол сложен из крупного кирпича 40 × 40 × 5,5 см. Для украшения здания брались красные кирпичи с монохромной поливой бирюзового цвета и штукатурка с красной краской.

Мечеть выстроена на булыжном фундаменте глубиной до 0,75 м и шириной до 1,5 м. Стены сложены из подтесанных валунов, блоков туфогенного песчаника и кирпича на растворе, причем булыжник и блоки прослаивались рядами кирпича. Ширина цоколя 0,8 м, стен 0,5 м. Высота не менее 6 м, о чем свидетельствует часть южной стены, упавшая, но не развалившаяся.

¹ Е. И. Крупнов (нач. экспедиции), В. А. Кузнецов, О. В. Милорадович (нач. отряда), Е. И. Мерзлякова, Н. Дадуря, М. В. Любченко, О. Дудко — Москва, С. С. Куцаева, Т. В. Тургиев (зам. нач. экспедиции) — Орджоникидзе, В. А. Дерябин — Пятигорск.

² В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович. Археологические исследования в Северной Осетии. КСИА, вып. 84, 1962; В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович. Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 г. КСИА, вып. 86, 1962

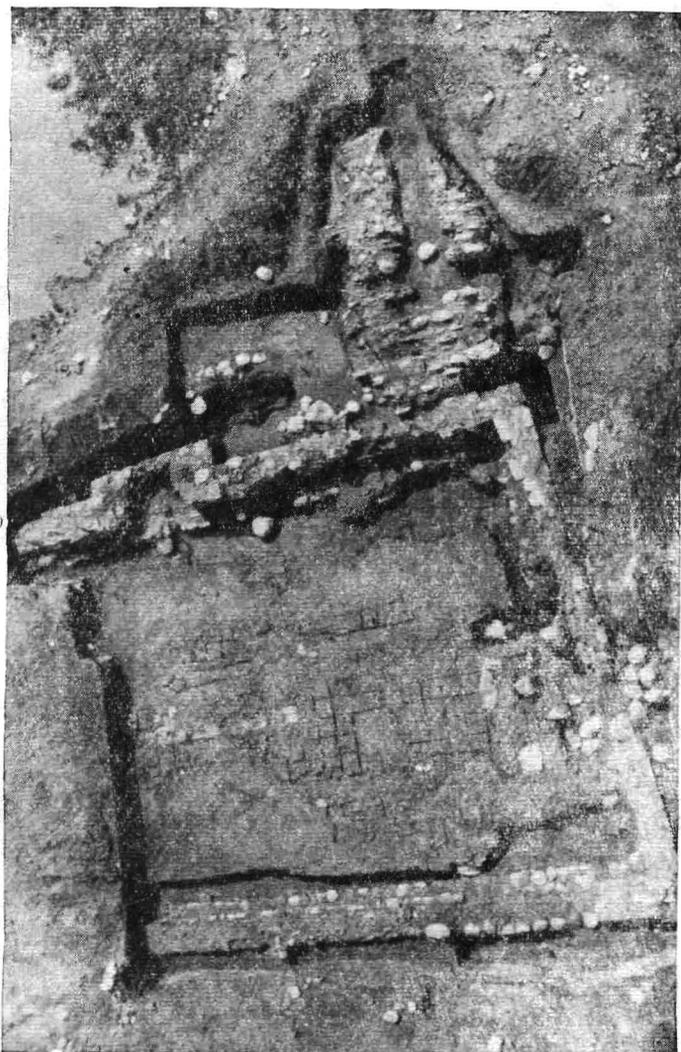

Рис. 12. Раскопки Татарупской мечети. Верхний Джулат.

В южной стене — молитвенная ниша-михраб, обращенная к Мекке. Основной вход в мечеть не сохранился, он находился, вероятно, в восточной стене, так как северная была обращена к руслу реки. В западной стене вблизи северо-западного угла — дверной проем, расположенный против входа в минарет и служивший для перехода в него из мечети. Кирпичный пол лежал на толстом слое известкового раствора. На некоторых кирпичах в разных участках пола сохранились остатки поливы зеленовато-голубого (бирюзового) цвета. Такими же поливными кирпичами был, по-видимому, украшен михраб. От покрытия здания ничего не сохранилось, лишь в строительном мусоре найдены обломки плоской черепицы с бортиком. Внутренняя площадь раскопанной части мечети равна 126 м^2 (около $\frac{3}{4}$ здания).

В конце XVIII в., когда Верхний Джулат посетил академик Гильденштедт, мечеть еще стояла в развалинах³. Обмеры, сделанные им, дают

³ J. A. Guldenschadt. Reisen durch Rußland und Caucasisches Gebirge. St. Petersburg, 1787, I, стр. 503—508.

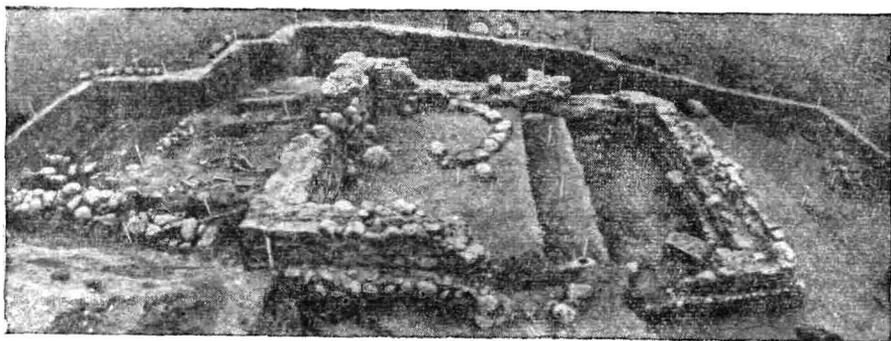

Рис. 13. Раскопки кирпичного здания. Верхний Джулат.

представление о первоначальных размерах здания: 28 шагов в длину и 14 шагов в ширину. В переводе на метры это $11,4 \times 22,8$ м. Уже в то время покрытия не сохранились, стояли лишь стены. Воды реки, проникающие в развалины мечети, отложили наносы ила на высоту до 0,5 м над полом и, очевидно, служили причиной гибели здания. Выше листового слоя лежит слой строительного мусора, связанный с окончательным разрушением мечети. Упавшая и неразвалившаяся при падении южная стена свидетельствует о большой прочности кладки. Но наряду с высокой строительной техникой следует отметить полное отсутствие симметрии при планировке.

Мечеть стоит на слое речного гравия и материкового суглинка, лишенном культурных отложений. При раскопках вещей найдено очень мало и среди них нет датирующих. Это железные наконечники стрел, гвозди, обломки ножей, невыразительные фрагменты керамики, попавшие случайно, очевидно с речными наносами.

Под полом и рядом со стенами за пределами здания обнаружены шесть погребений, совершенных по мусульманскому обряду — вытянуто на спине, головой на запад, лицом к югу, без вещей. В 10 м к югу от минарета еще три таких же погребения, в двух из них куски рога, что как будто указывает на один из элементов обряда погребения кабардинцев.

Близ западной стены мечети отдельно стоит известный Татартупский минарет, краткое описание которого уже давалось в литературе⁴, но подробные архитектурные обмеры впервые осуществлены экспедицией в 1960 г.⁵ Это единственный на всем Северном Кавказе средневековый минарет. В настоящее время высота его 20,8 м. В состав орнамента входят изразцы в форме круглых блюдец, покрытых такой же бирюзовой поливой, как и кирпичи мечети. Ничего датирующего минарет при его обследовании не обнаружено, и решение вопроса о датировке Татартупской мечети и ее минарета может быть направлено по двум линиям: определение времени проникновения в этот район ислама и изучение строительной техники и архитектурных особенностей исследованных памятников.

На расстоянии 260 м к север-северо-западу от Татартупского минарета в 1960 г. исследован⁶ еще один памятник, также связывающийся с мусульманским периодом на городище (рис. 13). На месте скопления кирпича был заложен раскоп и вскрыто прямоугольное, почти квадратное в плане здание ($8,4 \times 7,3$ м), ориентированное по странам света. Внутренняя площадь его $39,5$ м². Хорошо сохранился фундамент из булыжника и часть стен (на высоту до 1,2 м), сложенных из чередующихся рядов под-

⁴ Л. П. Семенов. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947; J. Klaproth. Voyage au mont Caucase et en Georgie, t. I. Paris, 1823, стр. 175.

⁵ Студентом Московского архитектурного института Н. Дадурой.

⁶ Под руководством В. А. Кузнецова.

тесанного булыжника и кирпича на растворе. Фундамент наибольшей глубины достигает под северо-западным углом здания. Ширина стен 0,75—0,8 м, лучше сохранилась южная. В северной стене — дверной проем с порожком шириной 1 м. В западной и южной стенах — проломы (1—1,75 м). В восточной стене с внешней стороны — кирпичный выступ (68×30 см). На внешней стороне стен сохранились следы штукатурки. В здании два пола. Первый глинобитный, на уровне фундамента и второй земляной, расположенный на 25—30 см выше первого. Ко вторичному использованию строения (второй пол) относится округлая выкладка диаметром 3 м, состоящая из 12 плоских валунов размером 35—40 см. Назначение ее осталось неясным. Строительная техника очень сходна (даже тождественна) со строительной техникой Татартупской мечети.

У западной стены, за ее пределами вскрыто семь мусульманских погребений без вещей (найлены две серебряные пуговицы). Кладбище ограждено каменной стеной.

Назначение здания пока неясно. Вероятнее всего это мусульманский мавзолей. Строение возведено на предшествующем ему культурном слое с керамикой X—XIII вв. и на основании этого может быть датировано временем не ранее XIII в., вероятно XIV в. Этой дате не противоречат и вещи, найденные при исследовании, среди которых отметим рог с циркульным рисунком, ручку от стеклянного сосуда, железные наконечники стрел (плоские черенковые), костяную орнаментированную пластинку от колчана и др.

В культурном слое фундамента мавзолея найдена керамика, подобная полученной в результате раскопок 1958—1959 гг. в разных районах городища. Это те же обломки серых сосудов салтовских типов в нижних горизонтах, к которым позже присоединяется красная керамика иного, лучшего обжига.

На городище и близ него зафиксированы развалины четырех минаретов (три на городище⁷ и один в 6 км вверх по реке⁸) и две мечети. При наличии стольких мусульманских культовых памятников можно, очевидно, считать большую Татартупскую мечеть соборной.

Были также проведены разведки на территории, прилегающей к городищу. Обследовано Татартупское святилище, пользовавшееся с давних пор глубоким почитанием среди осетин и кабардинцев. Святилище расположено в 2,5 км к юго-востоку от станицы Змейской, напротив сел. Эльхотово на высокой террасе левого берега Терека, южным склоном обращенной к городищу. На месте святилища поставлена вышка, при сооружении которой очевидно нарушена какая-то кладка, так как вокруг валяются куски кирпича и известнякового раствора. Рядом срубленный дуб, в нем был когда-то, как сообщил нам местный житель, ящик для денежных приношений. Святилище — это обычный для осетин дзуар (культовое место), почитание которого отмечалось уже много раз в кавказоведческой литературе⁹.

Вблизи святилища на площадке, расположенной на уступе, в юго-западном направлении от Татартупского минарета в яме ясно видна кладка из булыжника и кирпича (0,25×0,25×0,05 м), здесь много строительного мусора. Это как раз то место, где Гильденштедт в 1771 г. видел второй Татартупский христианский храм¹⁰. Вскрывающиеся на городище Верхний Джулат культовые памятники — христианские, мусульманские, языческие — дают ценный материал для изучения этого феодального города.

⁷ А. Klaroth. Указ. соч., т. II, стр. 160.

⁸ J. A. Guldenschtadt. Указ. соч., стр. 508.

⁹ Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 18; Г. Кокриев. Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартуп и Дзулата. «Записки Горского ин-та», Ростов-на-Дону, 1930.

¹⁰ J. A. Guldenschtadt. Указ. соч., стр. 504.

Э. А. РИКМАН

СЕЛИЩА ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ
У СЕЛ ЗАГАЙКАНЫ И ДЕЛАКЕУ (МОЛДАВИЯ)¹

В 1957—1958 гг. в Среднем Поднестровье продолжалось изучение микрорайона, центром которого был крупнейший памятник черняховского типа² — могильник и селище у с. Будешты.

В 1 км к востоку от с. Загайкины (Дубоссарский район) в 1957 г. открыто селище. Оно расположено на покатых склонах долины, вытянутой с севера на юг, по дну которой протекает ручей. На северо-восточной оконечности селища — источник. По склонам долины на площади ок. 19 га рассеяны обломки сосудов, куски обожженной глины, камни, кости животных. Памятник этот двухслойный: верхний слой относится к черняховской культуре, нижний — к культуре фракийского гальштата.

Среди селищ первых веков нашей эры поселение у с. Загайкины выделяется особенно большими размерами. Здесь заметны следы жилищ, расположенных рядами; скопления кусков обожженной глины, керамики черняховского типа, костей животных.

В 1957—1958 гг. на селище вскрыто 374 м². Толщина культурного слоя черняховской эпохи 0,2—0,6 м. Наибольшей мощности и насыщения он достигает в юго-восточной части селища, наименьшей — в восточной. Материалы нижележащего поселения VIII в. до н. э., принадлежащего к культуре фракийского гальштата, в данной статье не рассматриваются³.

На глубине 0,2—0,4 обнаружены развалы наземных жилищ с инвентарем черняховской эпохи. Наиболее интересно жилище № 3, погибшее от пожара; оно (раскоп IV) в основе прямоугольной формы, вытянуто с северо-востока на юго-запад. Площадь 15,2×6,0 м (около 90 м²). Толщина развала 10—15 см. Место жилища заполнено кусками (до 25×10×5 см) хорошо обожженной глины, которые залегали по склону довольно ровным слоем. Это главным образом остатки обмазки стен; на обломках заметны отпечатки соломы, с которой замешивалась глина, листьев деревьев, веток, жердей (диаметром 1—10 см), досок и брусков. Иногда встречается и несколько параллельных отпечатков жердей. У крупных кусков обмазки одна сторона плоская, а на другой отпечатки жердей и стволов. Преобла-

¹ Доклад на заседании сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР в апреле 1959 г.

² Работу вел Раннесредневековый отряд Молдавской археологической экспедиции Института истории МФАН СССР и ИА АН СССР. Состав отряда: Э. А. Рикман (нач. отряда), Н. А. Кетрару (МФАН СССР), Л. Г. Кальян (Кишиневский ун-т), Д. Г. Скордеску (Кишиневский пед. ин-т), В. И. Родованов и А. А. Колыбняк (Кишиневское художественное училище).

³ Аналогичные памятники см. А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, № 64, 1958, стр. 52—76.

дающий цвет красный, кирпичный. Встречены плитчатые обломки толщиной около 1 см.

Как и в жилищах Будештского селища, в жилище № 3 по его контуру на одном уровне с развалинами стен находились необработанные крупные известняковые камни у юго-восточного и северо-восточного углов и посередине южной стены. Они, вероятно, использовались в фундаменте. Под развалинами стен в западной и юго-восточной части жилища на глубине около 0,3 м сохранился пол, отдельными площадями почти на одном уровне с камнями и остатками сооружений. Пол состоял из слоя обожженной глины малинового цвета, толщиной в 2—3 см. Ниже, примерно на ту же глубину, подстилающий чернозем был обожжен. Вероятно, пол обжигался специально, о чем свидетельствует сильная прокаленность земли под ним, которая не может возникнуть при пожаре.

Несколько возвышаясь над полом, по продольной оси здания на расстоянии 3 м один от другого были размещены два очага, выложенные из камней.

Очаг № 1 находился у восточного края жилища под развалинами стен. Это овальная в плане вымостка из плитчатых необработанных кусков известняка. Кладка нерегулярная, без раствора, в один ряд. В середине лежали крупные камни, на краях вымостки — небольшие. У восточного края на каменном поде лежали три камня, по-видимому, остатки борта. Поверхность камней обожжена. Неподалеку от очага № 1 найдены изделия из слабо обожженной глины — полусферические, с плоским низом; судя по их местонахождению, это детали очага.

Очаг № 2 был в середине жилища. Расположение и характер кладки те же, что и очага № 1, но средняя часть возвышается над краями, а у западного края — бортик высотой в 0,2—0,3 м из нескольких плитчатых камней, поставленных вертикально. С западной стороны бортик закреплен в земле примыкающей к нему кладкой из кусков известняка.

У северо-восточного угла над полом жилища возвышалось сооружение цилиндрической формы, напоминающее небольшой столик, из нескольких крупных известняковых необработанных камней, под которыми было глиняное основание коричневого цвета, а ниже прослойка древесного угля. Поверхность камней обожжена.

В северо-западном углу вскрыты остатки сооружения в форме вертикальной трубы из обожженной глины. Назначение его неясно. Среди кусков глины, перекрывавших сооружение, найден обломок жернова.

Как в других наземных жилищах черняховской эпохи, в жилище № 3, кроме развалов стен (обожженной глины), очагов из камней, вскрыты ямы различного диаметра. Небольшие расположены по периметру жилища; по-видимому, их можно считать столбовыми. На северной длинной стороне жилища расположены ямы № 4 и 15; у южной границы вскрыты ямы № 8, 9 и 10, причем показательно, что расстояния между ямами № 9 и 10 и № 4 и 15 равны. Ямы обнаружены на уровне материка, они круглые или овальные в плане (0,25—0,5 м диаметром), глубина от древней дневной поверхности 0,45—0,6 м. Внутри жилища на глубине 0,6 м обнаружены ямы, овальные в плане, диаметром около 0,8—1 м, глубиной (от древней дневной поверхности) 0,6—0,7 м. Некоторые (№ 6, 7, 11, 13) заполнены культурным слоем желтоватого цвета (из-за включений древесины) — следы стоявших в них кадучек (?). В некоторых ямах встречен древесный уголь (а в одной обугленная жердь), который может быть остатком сгоревших деревянных конструкций, попавших в ямы-хранилища после гибели жилища от пожара. Тогда же попали в них куски обожженной глины и фрагменты керамики.

Западная граница дома определялась расположением остатков пола и обломков обожженной глины; значит, ямы № 6, 7, 11—14 были внутри сооружения. Помещение для жилья (с очагами) занимало $\frac{2}{3}$ дома в

восточной его части, а западная треть возможно была хозяйственной — кладовой, где размещались ямы-хранилища. Подпольные ямы в наземных жилищах на поселениях черняховского типа отмечены ранее в Неслухове и Черепине⁴. Яма № 1 была рядом со зданием; это остатки кладовой вне жилища.

Жилище № 3 погибло от пожара, многочисленные следы которого ясно видны среди развалин: обугленное дерево, скопления древесного угля, пережженные кости домашних животных и сосуды. Особенно много следов пожара отмечено к востоку и югу от очага № 2. Здесь найдены обожженные кости животных, обгоревшая доска и два обугленных столбика, стоявших в земле вертикально. Несколько скоплений угля было и у очага № 1.

В момент гибели жилища основная часть имущества его обитателей, по-видимому, была унесена, остались лишь немногие, главным образом негодные для употребления предметы. В жилище стояло несколько сосудов, от которых сохранились скопления обломков в южной части дома. Здесь же найдены и другие древние предметы, принадлежавшие обитателям. В восточном углу обнаружены пять пирамидальных глиняных грузил ткацкого станка, которые и на других селищах встречаются кучно, например в развалинах двух жилищ Будештского селища⁵. Скопление грузил указывает на место, где в доме находился ткацкий станок. Неподалеку было найдено пряслице. В этой же части дома обнаружены бытовые предметы: бронзовая фибула с подвижным приемником и обломок стеклянного кубка с вышлифованными овалами. Предметы бытового назначения найдены и в северной жилой части дома: фибула того же типа, что и предыдущая, железный нож, каменный точильный брусок. Показательны находки обломка жернова и железного плужного лемеха в хозяйственной части дома.

Размещение внутри дома столбовых ям, остатков пола, ям-хранилищ, закономерно расположенных по отношению друг к другу, при сравнении с другими наземными черняховскими жилищами приводит к выводу, что сооружение № 3 в Загайканах представляет собой редкой сохранности большой дом, в котором под одной кровлей были хозяйственная и жилая камеры.

Жилище № 1 в раскопе I (скопление кусков обожженной глины, овальное в плане) было размером 6,5 × 3 м; длинной осью оно ориентировано запад — восток. С северной и южной сторон от развала на поверхности материка на глубине 0,8 м обнаружены пять овальных ям. Диаметры их 0,35—1,0 м, глубина 0,6—0,9 м, от древней дневной поверхности. В заполнении найдены обломки обожженной глины, в некоторых — керамика, кости животных и древесный уголь. Судя по размерам и расположению, ямы были хранилищами внутри постройки, они несут следы гибели ее от пожара. В жилище найдены известняковые и глиняные биусеченикоконические пряслица, костяная бусина и коническое грузило из обожженной глины.

Жилище № 2 (раскоп III) — неправильно прямоугольное в плане скопление обломков обычной глиняной обмазки. Встречены куски с параллельными отпечатками прутьев и жердей, коры. Отпечатки попадают и с двух сторон глиняной обмазки. Встречены куски глиняных обожженных плиток. Здесь же обнаружены три ямы, которые, судя по их расположению по отношению к развалу стен, были хранилищами, расположенными внутри дома. Они выявлены на поверхности материка на глубине 0,8 м, форма их в плане овальная, диаметр от 0,6 до 1 м. В заполнении встречены куски обожженной глины, древесный уголь, керамика, попавшие в момент

⁴ В. Д. Баран. Поселение первой половины I тысячелетия н. э. у с. Черепин. Львовской обл. Автореферат канд. дисс. Львов, 1958, стр. 7.

⁵ Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища. МИА, № 82, 1960.

гибели жилища. Близ дома найден обломок массивного круглого жернова из песчаника (верхний камень).

Ж и л и щ е № 4 (раскоп V). Скопление обломков обожженной глины, овальное в плане, было ориентировано с северо-запада на юго-восток, размеры его 4,6×2,6 м (при толщине 0,2—0,1 м). Иногда отпечатки жердей на глине расположены параллельно, в одном случае вдоль и поперек, так как части каркаса здания были переплетены. Интересен кусок обожженной глины с частью обугленной жерди — деталь конструкции стены. В западной части развала обнаружены остатки очага из камней. О гибели жилища от пожара свидетельствовали повсеместно залегавшие кусочки древесного угля и обугленная доска. Среди находок обломок стеклянного кубка, кусочек стекла, фрагмент пирамидального глиняного грузила, железный ключ.

Незначительные следы **ж и л и щ а № 5 (раскоп II)** представляли собой скопление кусков обожженной глины, среди которых найден каменный точильный брусок.

Ж и л и щ е № 6 (раскоп VI) — овальное в плане скопление обломков обожженной глины. Сохранившиеся остатки занимали площадь 0,8×0,7 м. Близ жилища найдены железный изогнутый нож и бронзовое квадратное в сечении колючко.

Поселение у с. Загайканы было сельскохозяйственным, оно расположено в местности, удобной для возделывания почвы. Многочисленны отпечатки соломы на глиняной обмазке домов. Почти во всех развалинах жилища найдены обломки жерновов — верхних камней двух типов: 1) небольшой толщины, с вогнутой рабочей поверхностью, круглым или квадратным отверстием; 2) относительно большой толщины с ровной рабочей поверхностью и, по-видимому, круглым отверстием. Наиболее важной находкой, свидетельствующей об уровне земледелия, можно считать небольшой железный наконечник плуга. Длина его 12,5 см, ширина 7,5 см. Наконечник характеризуется резкой асимметричностью. Трубица, вытянутоовальная в поперечном сечении, занимает приблизительно половину общей длины орудия. Режущая часть слегка изогнута по длинной оси. По форме трубицы пахотное орудие из Загайкан относится к числу распространенных в лесостепи и степи наконечников, укрепленных на полозе горизонтально или с небольшим наклоном по отношению к поверхности почвы, что давало возможность отрезать пласт в горизонтальном направлении⁶.

Земледелию сопутствовало скотоводство (при полном отсутствии следов охоты): найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади. Встречены также кости собаки.

Местное производство железа засвидетельствовано находками нескольких кусков тяжелого сыродутного шлака с большим содержанием железа. Более чем вероятно существование на селище кузнечной мастерской, в которой могли быть сделаны найденные при раскопках немногочисленные железные предметы: ножи — изогнутый, крупный и небольшой с прямым обухом и скошенным лезвием, железное кольцо с «отростками». Кроме того, обнаружено серпообразное орудие. Найдены также бронзовая квадратная обоймица с отверстиями для четырех заклепок по углам и изогнутый в колючко стерженек.

В развалинах жилищ № 1, 3, 4 встречены глиняные грузила (для вертикального станка) пирамидальной либо конусообразной формы с отверстиями небольшого диаметра в верхней части. В жилищах № 1 и 3 вместе с грузилами были пряслица. Среди подъемного материала также есть грузила и дискообразные пряслица из черепков сосудов, что говорит о распространенности домашних ткачества и прядения. Такие же грузила часто

⁶ А. В. К и р ь я н о в. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. МИА, № 65, 1959, стр. 318.

находят и на других поселениях черняховского типа, а также в античных центрах Северного Причерноморья в слоях III—IV вв. н. э.⁷

Керамики немного. Она типична для памятников первых веков нашей эры по технике производства и формам сосудов различного назначения. Подавляющая часть сосудов — серые, глина которых потеряла красный цвет при восстановительном обжиге. Эти сосуды делятся на две группы. Преобладает первая группа керамики. Она характеризуется шероховатой поверхностью и примесью песка в тесте. Стенки у дна иногда выровнены каким-то плоским предметом, причем выпадали зерна песка. Наиболее распространены округлобокие горшки с овальными, гранеными или овально-гранеными венчиками; некоторые из них с уступом для крышки. Второе место занимают реберчатобокые или округлобокие миски. Венчики такие же, как у горшков. Изредка встречались широкие плоские венчики. К этой же группе относятся единичные фрагменты кувшинов и типичных ваз черняховского типа. Сосуды плоскодонные или с кольцевым дном. Они украшены параллельными или волнистыми желобками в различных сочетаниях. Лишь на одном сосуде нанесен зигзаговый орнамент.

Вторую группу составляет керамика серого цвета без видимых примесей в тесте, с гладкой или лощеной поверхностью. В этой технике выполнены округлобокие горшки, миски с овальными в сечении, гранеными или плоскими широкими венчиками. Кроме того, представлены кувшины с ручками и без них. Днища такие же, как у сосудов предыдущей группы. Орнамент разнообразный. Часты орнаментальные валики, между которыми расположены пролощенная волна или перекрещивающиеся пролощенные линии.

Посуда из красной глины также делится на две группы. К первой относятся изготовленные из теста с примесью песка сосуды с шероховатой поверхностью. Это крупные зерновики (сосуды для хранения зерна), толстостенные, с широкими плоскими венчиками, с орнаментом из прямых или волнистых желобков в различных сочетаниях на стенках, с плоскими широкими днищами. Ко второй группе (сосуды с лощеной поверхностью и отсутствием видимых примесей в глине), относится фрагмент кувшина с ручкой. Встречены фрагменты лепных горшков со слабо выраженными округло или прямоугольно завершенными венчиками и чуть выделенными плечами. Изготовлены такие горшки из глины с примесью шамота. Цвет их коричневый на поверхности и черный в изломе.

Импортная краснолаковая керамика представлена обломком стенки реберчатого кувшина и венчиком горшка. Найдены обломки ручек, днищ и венчиков амфор красного, кремового и белого цвета (позднеримского времени).

Дата селища — первые века нашей эры — доказываемся находками на всей площади фрагментов керамики черняховского типа. В развалинах жилища № 3, типичного для памятника, обнаружены две бронзовые фибулы III—IV вв. н. э. с подвижными приемниками. В том же жилище, а также среди подъемного материала в западной части селища найдены обломки прозрачных стеклянных кубков с вышлифованными овалами, датируемых обычно III—IV вв. н. э.⁸ Амфоры относятся главным образом к II—III, единичные — к IV в. н. э. Уменьшение количества черепков амфор в IV в. н. э. вызвано разгромом Тиря в середине III в. н. э.⁹, которая до этого систематически поставляла продукты в амфорной таре на поселения Поднестровья.

⁷ В. Ф. Гайдукевич. К вопросу о ткацком ремесле в Боспорских поселениях. МИА, № 25, 1952, стр. 396, 405, 406.

⁸ A. Kisa. Das Glas im Altertume, t. I—III. Leipzig, 1908.

⁹ А. І. Фурманська. Археологічні пам'ятки Тіри перших століть н. е. «Археологія», X, Київ, 1957, стр. 88.

Процентное соотношение керамики разных типов видно из следующей таблицы.

Название	Число	%
Обломки круговых сосудов красного цвета без примесей . . .	26	5,1
» » » » » с примесями . . .	75	14,7
Обломки круговых сосудов серого цвета без примесей	138	27,2
» » » » » с примесями . . .	217	42,6
Обломки лепных сосудов	7	1,3
Фрагменты амфор	46	9,1
Всего	509	100,0

Среди подъемного материала на западной площади селища в 1957 г. найдена серебряная монета. Определенная В. В. Кропоткиным, она оказалась антонинаном императора Гордиана III (238—244 гг.)¹⁰. Судя по всем этим данным, селище Загайкины существовало в III—IV вв. н. э. Поселение отличается большой площадью и тонкослойностью от памятников типа Будешты с двумя горизонтами культурного слоя, толщина которого достигает 1 м.

Основной результат раскопок — открытие прямоугольного жилища площадью в 90 м² с двумя очагами и хозяйственным помещением. Стены были сооружены из глины на каркасе из вертикальных бревен и переплетавших их горизонтально веток, стены и пол специально обожжены. По особенностям плана, площади, конструкции жилище № 3 сближается с большими домами Будешт, Ягнятина¹¹, Викнии Великих¹², Делакеу¹³, Сухостава¹⁴. Выявляется тип большого двух- или трехкамерного дома, принадлежавшего патриархальной семье. Наряду с такими жилищами на селищах были малые дома индивидуальных семей. Обнаруженный на Загайканском селище железный плужный лемех, а также найденное В. П. Савичем на селище черняховского типа Грицевцы чересло служат доказательством существования в первых веках нашей эры плуга с отвалом.

* * *

В 1956 г. при устройстве оросительной системы у с. Делакеу (Бульбокский район) на берегу р. Днестр обнаружены большая амфора III—IV вв. н. э. с конусообразным днищем, сероошечная реберчатобочая миска и округлободкий серый горшок с грубыми примесями в тесте. Здесь было выявлено селище черняховского времени. Оно вытянуто вдоль реки на 1 км, ширина его около 100 м.

В 1958 г. было вскрыто 320 м² и обнаружены остатки наземных жилищ. Культурный слой достигает 1 м толщины. Встречены очаги, устройство которых почти такое же, как и очага № 2 в жилище № 3 у с. Загайкины. Найдены обломки обожженной глины, свидетельствующие о таком

¹⁰ Н. Cohen. Description historique des monnaies frappees sous l'empire romaine, t. V. Paris, стр. 31, № 98.

¹¹ Е. В. Махно. Ягнятинська археологічна експедиція. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 154—164.

¹² М. Ю. Смишко. Селище доби полів поховань у Вікніях Великих «Археологія», 1, 1947, стр. 115.

¹³ Раскопки Э. А. Рикмана в 1959 г.

¹⁴ Любезное сообщение М. Ю. Смишко о его раскопках 1951 г.

же устройстве стен наземного жилища, как и на черняховских селищах в Будештах и Загайканах. Встречены два обломка стеклянных кубков, глиняное пряслице, железная пряжка.

Обнаружена овально-прямоугольная в плане вымостка из гальки, размерами $1,2 \times 1,0$ м, толщиной около 0,1 м. По-видимому, это фрагмент пола жилища. Ниже галек залегал слой песка. Стены жилища из обожженной глины, куски которой найдены тут же. У северного края вымостки обнаружен каменный точильный брусок, а в окружающем культурном слое — заготовка пряслица и железный нож.

Обнаруженные скопления кусков обожженной глины имеют тот же характер, что остатки наземных жилищ в Загайканах. Ниже остатков стен найдены следы вымостки из гальки, длиной около 2,5 м, шириной 1,2 м, толщиной в несколько сантиметров. Гальки лежали нерегулярно в желтой глине, местами перемешанной с черным культурным слоем. Найденные сооружения являются остатками наземного жилища № 1: пола из гальки на глинистой подмазке и стен из глины, сооруженных с применением плетеного каркаса. Близ жилища найдены обломок жернова, каменный точильный брусок и типичная для черняховских памятников костяная двухсторонняя стилообразная проколка, железный нож, а также кости человека и животных, последние со следами красной краски.

В раскопе V вскрыты два скопления камней на стыке культурного слоя и материка, на расстоянии 0,8 м друг от друга. Размер каждого скопления $1,1 \times 0,6$ м. Известняк округлой и угловатой формы положен в один слой, без раствора. Ориентировка скоплений длинной осью по направлению северо-запад — юго-восток. Вероятно, это остатки фундаментов каменных построек, которые в последние годы становятся известными на поселениях черняховского типа. Вблизи одного из скоплений найдены жернов и составной костяной гребень черняховского типа с овальной ручкой.

В Делакеу, судя по расположению и находкам (как и в Загайканах), было поселение земледельцев. Здесь обнаружены глиняная обмазка стен с отпечатками соломы, два верхних камня жернова из местных известняковых пород, принадлежащие к типу, который характеризуется большой толщиной, ровной рабочей поверхностью, скошенными краями и квадратным отверстием. Еще более важна находка железного серпа в раскопе IV в верхнем перемешанном горизонте культурного слоя¹⁵.

Одной из основных отраслей хозяйства было скотоводство, причем состав стада был такой же, как и в Загайканах.

Подделки из железа представлены небольшим ножом с клинком ланцетовидной формы, овальной плоской пряжкой, расширенной спереди, типа, свойственного памятникам первых веков нашей эры. Найден ланцетовидный наконечник стрелы.

Встреченные на поселении Делакеу глиняные пряслица были биконической формы, свойственной преимущественно сарматским памятникам, в отличие от биусеченноконических черняховских.

Керамика в основных чертах не отличается от загайканской и может быть распределена по тем же группам. Преобладающее количество ее собрано в горизонте залегания сооружений, который в раскопах II—IV стратиграфически связан с черной прослойкой культурного слоя. Группа серых сосудов из теста с песком и дресвой включает округлобкие горшки, миски, вазы и кувшины с ручками и без них. Отмечено выравнивание прилегающих ко дну частей стенок, причем выпадали зерна песка. Днища плоские и кольцевые (на плоском поддоне). Один из венчиков горшка был приспособлен для крышки. Выделяются большие вазы с широкими плоскими венчиками. Сосуды этой группы орнаментированы параллельными желоб-

¹⁵ Э. А. Рикман. Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа. КСИИМК, вып. 77, 1959.

ками. Группа серых сосудов без видимых примесей в тесте, с лощеной или гладкой поверхностью включает округлобокие горшки, округло- или реберчатобокые миски, кувшины с ручками или без них. Днища такие же, как у сосудов предыдущей группы. Есть вазы с плоскими широкими венчиками и иногда с небольшими ручками в верхней части.

Посуда второй группы орнаментирована богаче, чем первой: валиками, желобками, комбинирующимися с пролощенными косыми, волнистыми, зигзаговыми линиями. В группе красных сосудов (с примесью песка в тесте) — фрагмент кольцевого днища, ручки кувшинов, венчик краснолощеного сосуда.

Импортная краснолаковая керамика представлена обломком кольцевого днища. Встречены фрагменты ручек, днищ и венчиков амфор поздне-римского времени II—IV вв. н. э. (красного, кремового и белого цвета).

Керамике Делакеу, в общем сходной с загайканской, присущи и черты отличий, наиболее важных в лепной керамике, в которой легче уловить черты местных традиций. Среди лепных сосудов крупных размеров, сходных по технике производства и форме с загайканскими, есть сосуды с вмятинами по верхнему краю слабо выраженного венчика, что сближает лепную керамику Делакеу с посудой гетских памятников (селище Лукашевка II—I вв. до н. э., городище Бутучены IV—III вв. до н. э., раскопки Г. Б. Федорова и Г. Д. Смирнова) и славянских второй половины I тысячелетия н. э. (селища Скок, Бранешты, Кобуска Веке, раскопки Э. А. Рикмана, Г. Б. Федорова и Г. П. Сергеева). Привлекает внимание округленный венчик с наколами внутри по краю. У лепных сосудов селища Делакеу были утощенные плоские днища.

Отличается от загайканской и круговая керамика. В Делакеу выделяется из серой керамики (второй группы) подгруппа чернолощеной посуды, в которую входят кувшины с ручками и без них, реберчатобокая миска с орнаментальными вмятинами по ребру, горшки. Орнамент такой же, как у серолощенных сосудов.

Соотношение керамики различных типов в Делакеу тоже иное, чем в Загайканах.

Название	Число	%
Обломки круговых сосудов красного цвета без примесей	7	0,23
» » » » » с примесями	25	0,89
Обломки круговых сосудов серого цвета без примесей	752	25,36
» » » » » с примесями	2120	71,54
Обломки лепных сосудов	17	0,57
Фрагменты амфор	42	1,41
Всего	2963	100

При большом количестве керамики, чем в Загайканах, в Делакеу гораздо больше керамики с примесями и ничтожна доля красной посуды.

Дата памятника определяется по общему его типу, керамике, пряжке, пряслицам, обломкам стеклянных прозрачных кубков (толстостенного и тонкостенного) с вышlifованными овалами, костяному гребню с овальной ручкой. Перечисленные предметы относятся к III—IV вв. н. э., как и найденные при раскопках фрагменты амфор, из которых некоторые, впрочем, могут датироваться и II в. н. э.¹⁶

¹⁶ При определении амфорного материала из Загайкан и Делакеу я пользовался консультацией И. Б. Зеест.

Селища, исследованные нами, существовали в III—IV вв. н. э. Они находятся в различных топографических условиях. Загайкаское — на склонах долины, Делакеуское — на берегу р. Днестр. Первое характеризуется огромной площадью, второе — меньшим размером и сильно вытянутыми очертаниями. Значительны различия в характере культурного слоя: селище у с. Загайки тонкослойное, в Делакеу же наблюдается несколько горизонтов.

Отличия эти важны потому, что при отмеченной письменными источниками пестроте заселенности Днестровско-Прутского междуречья в первых веках нашей эры и в то же время при внешнем единообразии культур местного населения они дадут возможность создать этническую карту района.

Э. А. СИМОНОВИЧ

ИНКРУСТИРОВАННЫЕ СТЕКЛОМ ИЗДЕЛИЯ
ИЗ ЧЕРКАССКОЙ ОБЛАСТИ

В Журавке Городищенского района Черкасской области в последние годы производятся большие работы по комплексному исследованию черняховского могильника, поселения и связанной с ними местности в урочище Горобинец. В 1959—1960 гг. вся вскрытая там площадь составила 4610 м². На могильнике обнаружены 25 погребений с северной и западной ориентировкой. На поселении 14 углубленных в землю построек, много хозяйственных ям и очагов. На урочище Горобинец, расположенном напротив поселения, но в условиях, совершенно не типичных для селищ черняховского типа, — на бугре — производились только пробные раскопки. Еще до революции, примерно в 1905 г., там была найдена во время пахоты сделанная из дерева фигура человека, может быть, служившая древним идолом. При раскопках, проводимых экспедицией Института археологии АН СССР на урочище Горобинец, обнаружены три очага и много лепной и гончарной посуды, а также другие вещи, как, например, железные ножи и гребень, костяная проколка, глиняное грузило, пряслица. Кроме того, здесь была найдена римская серебряная монета времени Антонина Пия, узкая дата которой 145—161 гг.¹

Одна из находок здесь уникальная — это глиняное пряслице, инкрустированное кусочками стекла. Оно нерезко выраженной биконической формы, с углублениями на полюсах и большим отверстием. Диаметр пряслица 3,4 см, высота — 2 см. С боковых сторон сохранились вмазанные в глину три кусочка провинциально-римского зеленоватого стекла и было еще шесть гнезд от таких же, но выпавших вставок (рис. 14, 1).

Как нам кажется, такая орнаментация заставляет предполагать использование этого изделия только в качестве собственно пряслица для веретена: Украшенное инкрустацией, оно не могло предназначаться для роли одного из многих грузиков ткацкого станка ибо кропотливая орнаментация, как правило, присуща индивидуально изготавливаемым вещам. При вращении веретена стеклышки надетого на него пряслица ярко блестели, создавая определенный зрительный эффект. Других подобных пряслиц нам не известно.

Декорировка подобного рода заставляет привести в качестве аналогии интереснейшие сосуды из с. Рыжавки бывшего Ладыжинского района Черкасской области, хранящиеся в фондах Уманьского краеведческого музея. В течение трех лет из этого села поступали в музей вещи из разрушаемых

¹ По определению К. В. Голенко.

при земляных работах могил. Особенно интересные вещи получены в 1954 и 1955 гг. Они найдены в погребениях с труположениями. Тогда музей принял три глиняных лепных лощеных сосуда, костяной гребень, а позже найдены бронзовые арбалетные фибулы подвязного типа, глиняные пряслица и стеклянные бусы².

Сосуды — небольшие лепные мисочки темного цвета (рис. 15), у двух из них — более приземистой и другой удлиненных пропорций — в дне были вставки из стекол. У первой в центр углубленного доньшка вмазан небольшой кусочек стенки стеклянного полупрозрачного провинциально-римского

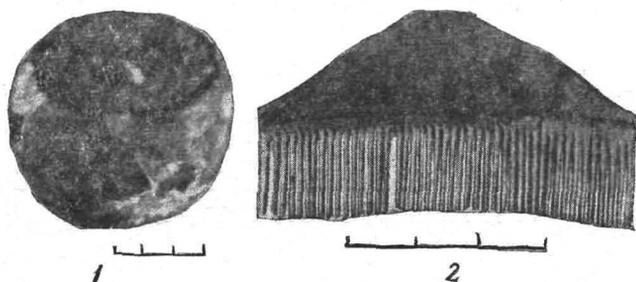

Рис. 14. Глиняное, инкрустированное стеклянными вставками пряслице (1) из с. Журавки и костяной гребень (2) из с. Рыжавки.

сосуда. Во втором случае почти все доньшко состояло из фрагмента подобного же сосуда³.

Костяной гребень найден в погребении со вторым из описанных выше сосудов. Гребень был с трапецевидной, почти треугольной спинкой и состоял из многих частей, скрепленных бронзовыми гвоздиками. Такой же несколько своеобразной формы гребень найден в с. Кринички Балтского района Одесской области. Там он был положен слева от погребенного, ориентированного головой на север. На плечах скелета обнаружены две бронзовые арбалетные фибулы подвязного типа, время которых III—IV вв. н. э.⁴ Эта находка помогает установить датировку комплекса из с. Рыжавки. Характерно также, что в числе раннеримских ольвийских фибул, опубликованных А. И. Фурманской, прямых аналогий рыжавской находке нет⁵.

В сводке А. Т. Смиленко (Брайчевской) импортных вещей, найденных на Украине, нет никаких указаний на находки глиняных изделий, украшенных таким способом, как глиняное пряслице из Журавки и сосуды из Рыжавки⁶. Замысел украшать сосуды вставками из стекла нам достаточно хорошо известен по находкам из других культурных областей. Восточнее зоны распространения черняховской культуры таким образом украшенные сосуды были встречены на Кавказе и у поволжских сарматов (I в. до н. э.—I в. н. э.), где их появление В. П. Шилов объясняет культурным взаимообобщением обеих областей. При этом на Кавказе куски прозрачного

² Находки хранятся под инвентарными номерами 3901/4986; 3902/4987; 3445/4530; 3446/4531.

³ Здесь следует заметить, что из могильника в с. Рыжавке также происходят сосуды типично черняховского облика, изготовленные на гончарном круге.

⁴ Э. А. Симонович. Памятники черняховской культуры в с. Кринички. МИА, № 82, 1960, стр. 251, рис. 9, 1.

⁵ А. И. Фурманская. Фибулы в розкопках Ольвии. «Археология», VIII, Київ, 1953 стр. 87, табл. V—VII.

⁶ А. Т. Смиленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. «Археологія», VI, 1952, стр. 51—64.

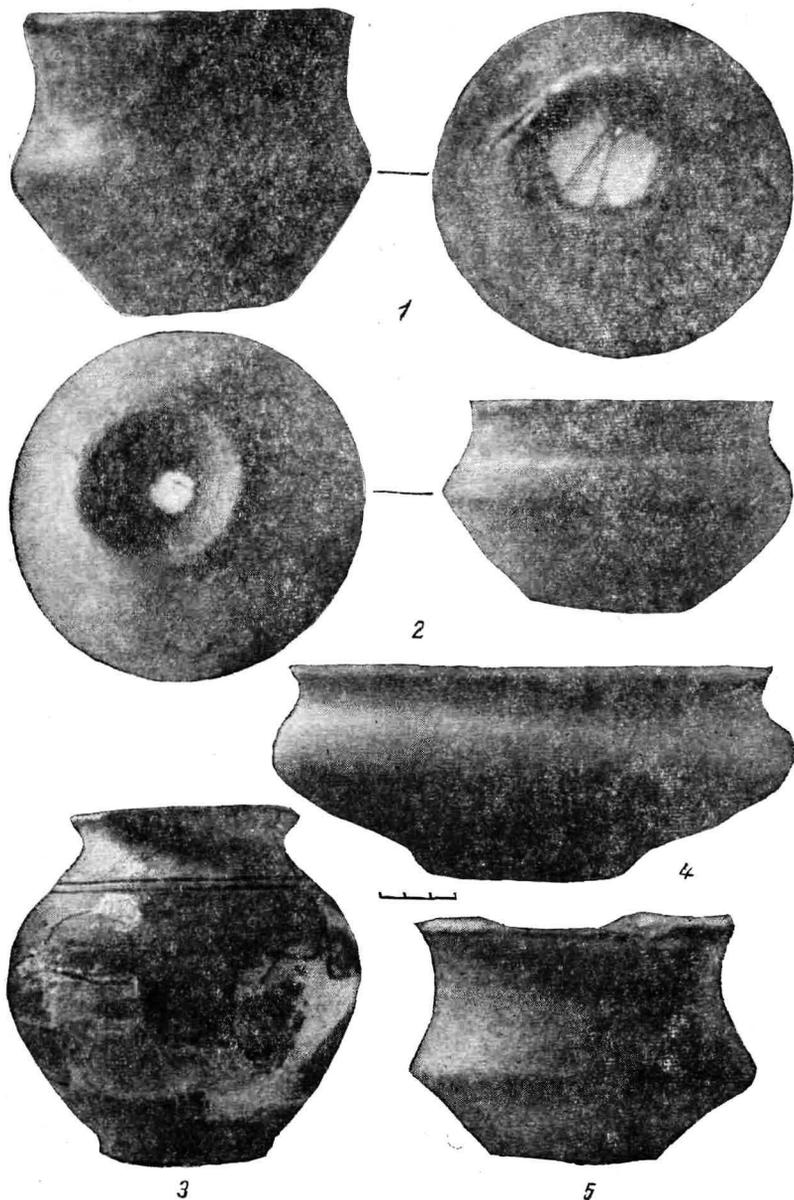

Рис. 15. Глиняные сосуды (1—5) из с. Рыжавки

обсидиана вставляли в стенки сосудов, начиная с эпохи бронзы, позже эту инкрустацию заменили стеклянными вставками⁷.

Западные образцы такого рода описывали Р. Вирхов⁸, Ф. Родер⁹ и др. Несколько находок известно и на славянских землях. Подобным образом украшенные сосуды найдены в Польше, например в погребении

⁷ В. П. Шилов. Капиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 480—481, рис. 53, 3.

⁸ R. Virchow. Fensterurnen. «Zeitschrift für Ethnologie», Bd XIII, Berlin, 1881, S. 63—66, Taf. II; его же. Eine Fensterurne von Redkinlager. «Zeitschrift für Ethnologie», Bd XVI, Berlin, 1884, S. 126.

⁹ F. Roeder. Die sächsischen Fenstergefäße der Völkerwanderungszeit., «18. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission», 1928.

с трупосожжением в Могильно в районе Познани¹⁰, в Нацлаве Кощанского района¹¹. В Силезии в районе г. Тжебницы (бывш. район Требнитц) обнаружено женское погребение, сопровождаемое многими вещами. Среди них был глиняный кубок угловато-полусферической формы. В дне его, так же как и у сосудов из Рыжавки, блистало стеклышко. Датировка погребения в Силезии II в., судя по опубликованному комплексу вещей и, в частности, по фибулам, по-видимому, достаточно точная¹². Между тем находка кубка более позднего времени в Ратае Волувского района в Силезии (бывш. район Волау) говорит о продолжительном применении приема украшения стеклышками глиняной посуды¹³. Во всяком случае находка в районе Тжебницы более ранняя, чем комплекс вещей из Рыжавки, и почти одновременно пряслицу из Журавки, найденному на урочище, где была обнаружена монета середины II в. н. э.

Таким образом, становится очевидным, что подобная орнаментация на востоке и западе от области, занятой памятниками черняховского типа, встречается в эпоху, предшествующую появлению и распространению на Украине памятников культуры полей погребений. При этом встречаются только сосуды со стеклянными вставочками. На пряслицах инкрустация стеклом нам не известна. Распространению такой орнаментации на глиняных изделиях, по всей видимости, способствовала мода украшать металлические предметы стеклянными вставками и полудрагоценными камнями, получившая развитие в сарматской среде и в северопричерноморских городах в римскую эпоху¹⁴.

Сейчас, нам кажется, преждевременно решать вопрос, откуда на украинские земли проник оригинальный способ украшения глиняных изделий инкрустацией стеклом. Но при дальнейших исследованиях памятников культуры полей погребений обратить на него внимание необходимо.

---

¹⁰ H. J. Eggers. Der Römische Import in freien Germanien. Bd. I. Hamburg, 1951, S. 153; R. Virchow. Fensterurnen... Taf. II, 3—4.

¹¹ J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955, s. 247—248, rys. 729 a—b.

¹² J. Pätzold. Was einer wandalischen Frau am Anfang des 2 Jh. n. Chr. mit in ihr Grab gegeben wurde. «Altschlesische Blätter», Jh. 12, N. 7/8, Breslau, 1937, S. 174—177, Abb. 2; H. J. Eggers. Der Römische Import..., S. 108.

¹³ K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach śląwskich. Wrocław, 1949, s. 33, табл. XVII, 1, 2; на стр. 54 см. перечень современной библиографии по вопросу о сосудах со стеклянными вставками.

¹⁴ А. Т. Смиленко. Указ. соч., стр. 68.

Б. А. ТИМОЩУК, И. С. ВИНОКУР

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ НА БУКОВИНЕ

За последние годы в результате археологических разведок, проведенных Черновицким музеем краеведения и университетом на территории области, зарегистрировано около ста памятников эпохи полей погребений. Это главным образом остатки поселений черняховской культуры первой половины I тысячелетия н. э. Кроме керамики и других находок, характерных для черняховской культуры, на некоторых поселениях найдены фибулы, дающие представление о времени существования памятника.

На двух поселениях черняховского времени у сел Боровцы и Кисилев Кидманского района в 1957—1958 гг. проведены разведочные раскопки. Оба они расположены на юго-восточных склонах первой надпойменной террасы. На селищах вскрыты остатки двух прямоугольных наземных жилых построек (6,6 × 4,5 м) с глинобитными печами, возведенными на полу (средние размеры их 1,15 × 0,8 м). Печи в плане грушевидной формы. При разведывательных раскопках и сборах на поверхности обнаружено большое количество керамики (изготовленной на круге и лепной), точильные бруски из песчаника, глиняные биконические пряслица, кости животных и другие предметы, обычные для памятников черняховской культуры.

На поселении у с. Боровцы, кроме того, обнаружена каменная овально-продолговатая плита с загадочными знаками. Она изготовлена из днестровского песчаника (размеры 1,65 × 0,8 × 0,2 м). У нее относительно плоские широкие грани, на которых нанесены крестообразные знаки, круглые ямки и отдельные прямые линии. Полных аналогий этой находке мы не знаем. Надо упомянуть только, что в районе Поднестровья уже известны находки каменных плит с так называемыми загадочными знаками. Обнаружившие эти памятники объясняют их как надгробия или межевые знаки¹. Плиты эти по материалу и технике нанесения значков напоминают плиту из Боровцов.

В 1957—1959 гг. совместной экспедицией Черновицкого университета и краеведческого музея проведены разведочные раскопки на памятниках эпохи полей погребений у с. Круглик Хотинского района. Исследовалось поселение раннего этапа культуры полей погребений, расположенное приблизительно в 2 км на восток от с. Круглик, в урочище Дукова долина, на южном склоне глубокого оврага. Вскрыта площадь свыше 250 м² и

¹ Б. Януш. Камінь з загадковими знаками в с. Заздристі. НЗТШ, т. 80, Львів, 1907, стр. 125—128; W. Vet. Poszukiwania archeologiczne w pow. Kasowskim wojew. Stanislawskiem. «Z otchłani wieków», 1939 (XI), вып. 8—9, стр. 97, рис. 1.

выявлены остатки двух наземных прямоугольных жилищ размером: (№ 1) $5,2 \times 3,5$ м и (№ 2) $6,2 \times 5,3$ м. В жилищах были печи-очаги округлой формы (в среднем $1,2 \times 1,1$ м), выложенные камнем.

В жилищах и около них собрано большое количество керамики, среди которой лепная посуда местного изготовления и обломки привозных амфор. Лепные сосуды делятся на две группы: 1) грубые кухонные, изготовленные из желто-коричневой глины с примесями в тесте крупных зерен кварца и шамота, и 2) посуда с лощеной поверхностью темно-серого цвета. Керамика первой группы толстостенна и в большинстве с шершавой поверхностью. К местной керамике относится и лепная посуда со сглаженной, но не лощеной поверхностью. Кухонная керамика представлена широкогорлыми сосудами с прямым или со слегка вогнутым внутрь венчиком, есть и горшки со слегка отогнутым краем венчика. Посуда эта часто украшена шишечками, выпуклыми подковками, налепным валиком с вдавлениями и т. п.

Лепная посуда второй группы представлена ребристыми мисками с коротким темно-серым лощением.

Наблюдения, проведенные на поселении у с. Круглик, показали, что лепная керамика первой группы преобладает и составляет приблизительно 80% всей посуды; лощеная керамика примерно 15% и только около 5% приходится на привозную (амфоры).

Кроме керамики и костей животных, на месте жилища № 2, сохранившегося лучше, чем жилище № 1, найдены ложило из ручки разбитой амфоры, три пряслица из черепков привозной посуды и одно из черепка лепного лощеного сосуда местного изготовления.

Около жилища обнаружены железные нож с горбатой спинкой, оковка от ножен меча или кинжала и псалий с четырехгранными загнутыми в одну сторону концами и двухдырчатым расширением в середине. Тут же найден обломок херсонесской амфоры с клеймом на ручке. Клеймо ближе всего к третьей хронологической группе херсонесских астиномных клейм, датированных концом III или началом II в. до н. э.²

Железный псалий находит аналогии в материалах могильника, исследованного Н. И. Веселовским в 1903 г. на Кубани, в районе Армавира, где были обнаружены два псалия, тождественных по форме и размерам нашему. Н. И. Веселовский датировал их I в. до н. э.—I в. н. э.³ Ко времени до начала нашей эры М. И. Артамонов относит железный двухдырчатый псалий с четырехгранными прямыми концами, обнаруженный при раскопках на многослойном Григоровском городище⁴.

Таким образом, обломок херсонесской амфоры и железный псалий позволяют определить время существования Кругликского поселения эпохи полей погребений периодом со II в. до н. э. до начала нашей эры.

Этому не противоречит и массовый керамический материал. Лепная кухонная посуда, украшенная шишечками, выпуклыми подковками, валиками с вдавлениями и т. п., несомненно ближе всего древностям зарубинецкого времени⁵. На зарубинецких поселениях Среднего Поднепровья, например, так же как и в Круглике, преобладает грубая нелощенная керамика⁶. Что касается лощеных мисок Кругликского поселения, то сосуды такой формы и техники изготовления бытуют на раннем этапе культуры полей погребений на довольно широкой территории. Есть они на среднем

² Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, № 4, стр. 108, табл. III.

³ Гос. Эрмитаж, инв. № К-1903, 1/86.

⁴ М. И. Артамонов. Археологические исследования в южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 105, рис. 41, б.

⁵ «Памятники зарубинецкой культуры». МИА, № 70, 1959.

⁶ В. П. Петров. Зарубинецкий могильник (по материалам раскопок В. В. Хвойки в 1899 г.). МИА, № 70, 1959, стр. 42.

Днепре⁷, в Верхнем Поднепровье⁸, Побужье⁹, Молдавии¹⁰ и в Румынии¹¹. Эта группа керамики сложилась на довольно большой территории, вероятно, под влиянием Северного Причерноморья.

При определении культурной принадлежности Кругликского поселения должны приниматься во внимание прежде всего массовые находки —

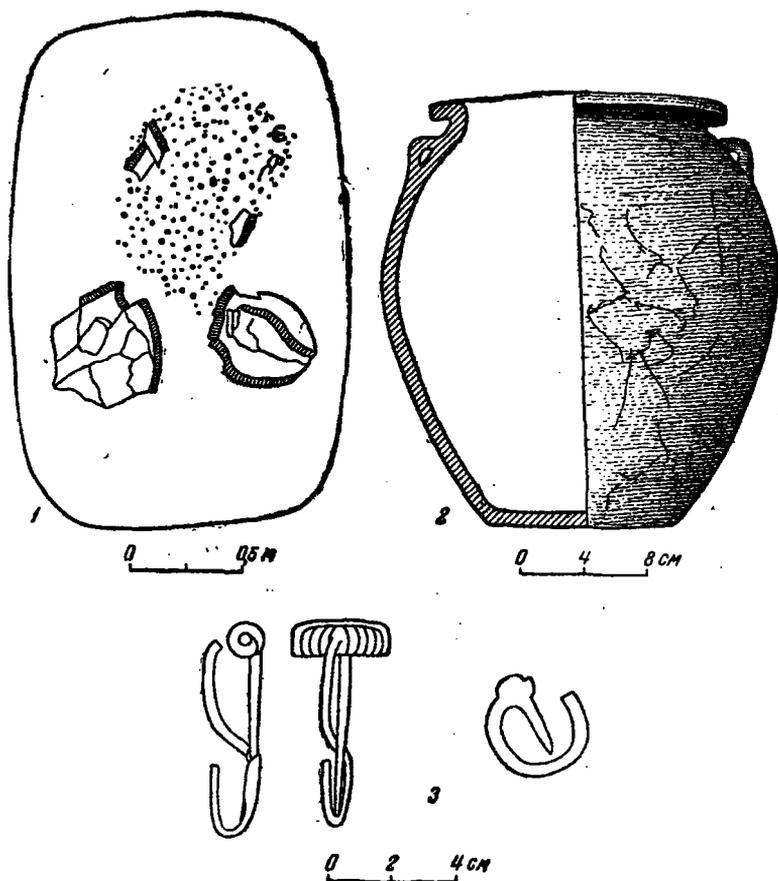

Рис. 16. Погребение (сожжение) в с. Круглик.

1 — план впускной ямы с остатками погребения; 2 — реставрированная урна; 3 — железная среднелатинская фибула и железная пряжка.

мелкошная груболепная кухонная посуда. Подчеркнем, что керамика более раннего времени, представленная на Буковине памятниками фракийского гальштата¹², по форме и технике изготовления не связана с массовым керамическим материалом Круглика.

Конструктивные особенности жилищ Кругликского поселения, как и комплекс керамики, находят аналогии в селищах зарубинецкой культуры¹³.

⁷ Е. В. Махно и И. М. Самойловский. Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье. МИА, № 70, 1959.

⁸ П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959; Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник. МИА, № 70, 1959.

⁹ М. И. Артымонов. Указ. соч.

¹⁰ Г. Б. Федоров. Лукашевский могильник. КСИИМК, вып. 68, 1957.

¹¹ R. Vulpe. La civilisation dace et ses problèmes à la lumière des dernières fouilles de Poiana, en Basse-Moldavie. Dacia «Revue d'archéologie et d'histoire ancienne», I, 1957.

¹² Г. И. Смирнова. Поселения поздней бронзы и раннего железа возле с. Мачала Черновицкой области. КСИИМК, вып. 70, 1957.

¹³ «Памятники зарубинецкой культуры», стр. 99, 114, 124 и др.

Нам представляется поэтому, что поселение у с. Круглик по своей культурной принадлежности ближе всего древностям зарубинецкого типа.

На западной околице с. Круглик, в 1 км от села расположено урочище «Могилы». Оно занимает возвышенную часть плато. Здесь при обследовании группы курганов в одной из насыпей эпохи бронзы в 1957 г. обнаружено впускное погребение. Могильная яма овальной формы (2 × 1,3 м) была углублена в материк на 0,4 м, а от современной поверхности распаханной насыпи — на 1,4 м. Остатки захоронения находились в центре ямы. Погребальная урна была разбита, и ее обломки лежали в двух кучках вместе с пережженными человеческими костями (рис. 16). Среди остатков кремации найдены: железная пряжка, железная среднелатенская фибула (рис. 16, 3) и кусочки спривленного стекла.

Некоторые аналогии исследованное погребение находит в материале Лукашевского могильника в Молдавии¹⁴. Урну удалось реставрировать (рис. 16, 2). Это широкогорлый лепной сосуд из глины с примесью дресвы и шамота, венчик отогнут перпендикулярно стенкам. В верхней части тулова, у венчика симметрично расположены четыре ушка. Стенки толстые; поверхность лощеная темно-серого цвета. По форме сосуд напоминает урну из погребения № 1 Лукашевского могильника¹⁵. Сосуды с «ушками», аналогичные круглискому, найдены также на могильниках у с. Турканы Олонештского района и у с. Слободзея Тираспольского района Молдавской ССР¹⁶.

Аналогии железным среднелатенской фибуле и пряжке, обнаруженным в Круглике, находим в нескольких захоронениях того же Лукашевского могильника. Так, в погребениях № 9 и 12 найдены фибулы, совершенно идентичные нашей, а в погребении № 1 — такая же железная пряжка, как в Круглике¹⁷.

Среднелатенская фибула датирует погребение в Круглике II—I вв. до н. э. Говоря о его культурной принадлежности, следует иметь в виду одновременные ему молдавские¹⁸ и румынские¹⁹ памятники. Кругликское погребение ближе стоит к памятникам типа Поаян²⁰.

Изучение памятников эпохи полей погребений на Буковине будет продолжено. Особое внимание при дальнейших работах следует обратить на комплексы эпохи полей погребений в Круглике.

¹⁴ Г. Б. Федоров. Указ. соч.

¹⁵ Там же, рис. 17, 2.

¹⁶ Там же, стр. 59.

¹⁷ Там же, рис. 18, 1, 5, 9.

¹⁸ Там же.

¹⁹ R. et E. Vulpe. Les fouilles de Poiana. Dacia, III—IV, 1927—1931.

²⁰ Там же.

ИВ. ХРОНИКА

Н. К. ЛИСИЦЫНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР

В 1959 г.

В 1959 г. Отделом полевых исследований Института археологии АН СССР было выдано 249 открытых листов на право производства археологических раскопок и разведок на территории 62 областей, краев, автономных областей и автономных республик РСФСР.

Результаты полевых исследований, проводившихся сотрудниками Института археологии, кратко изложены в обзоре¹, опубликованном в журнале «Советская археология», на что будут даваться соответственные ссылки.

В настоящей статье мы более подробно остановимся на работах местных организаций.

Карельская АССР. Как и в предыдущие годы, проводила работы Карельская экспедиция ИА АН СССР².

Экспедиция ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР под руководством Г. А. Панкрушева (при участии А. В. Анпилогова и Ю. А. Савватеева — нач. отрядов) проводила работы в Пряжинском, Суоярвском, Беломорском и Олонецком районах и в местечке Пески близ г. Петрозаводска. Обследованы ранее открытые Н. Н. Гуриной стоянки у дер. Рышкола и в устье р. Олонки. Отряд А. В. Анпилогова произвел разведочные раскопки на восьми стоянках (Сулгу I—IV и Лахта I—IV), открытых на берегу Сямозера в 1957—1958 гг. Отряд Ю. А. Савватеева вел небольшие раскопки на стоянке Пески III и на берегах озер Чудозеро и Юд-ярви. Продолжались раскопки стоянки Чудозеро IV (в частности, вскрывалось далее жилище № 2), разведочные раскопы были заложены на стоянках Чудозеро I, III, VI, Юд-ярви III. Полностью раскопана стоянка Чудозеро V и заложены шурфы на стоянках X—XII. В связи со строительством Выгостровской ГЭС полностью раскопаны стоянки Шойрукшин, Золотец I, Выгостров II (Лисья гора), а также часть стоянки Порог Шойрукша и велись сборы на стоянке Ерпин-Пудас. В результате разведок в районе строительства открыто семь стоянок эпохи неолита и раннего металла. В Пряжинском районе заложены раскопки на восьми стоянках и открыто 17 поселений эпохи неолита и раннего металла и одно селище I тысячелетия н. э.

Архангельская область. О. В. Овсянников (Архангельский областной краеведческий музей) обследовал памятники в Каргопольском, Вельском, Ровдинском, Шенкурском и Холмогорском районах. Осмотрено

¹ Н. К. Лисицына. Полевые археологические исследования Института археологии АН СССР в 1959 г. СА, 1960, № 2, стр. 301—312.

² Там же, стр. 302.

несколько стоянок, городищ и курганов. Наиболее интересны из обследованных неолитическая стоянка Кубенино и Ольский мыс — II—I тысячелетия до н. э. (Каргопольский район).

К а л и н и н г р а д с к а я о б л а с т ь. Ф. Д. Гуревич продолжала работы на норманском могильнике на побережье Балтийского моря.

Л е н и н г р а д с к а я о б л а с т ь. Как и в предыдущие годы, проводили исследования Н. Н. Гурина и В. И. Равдоникас³.

В о л о г о д с к а я о б л а с т ь. Продолжались работы Вологодской экспедиции⁴ и Вологодского отряда Среднерусской экспедиции⁵.

Белозерская экспедиция ГИМ во главе с Н. В. Тухтиной занималась выявлением памятников летописного племени «весь» в Череповецком, Уломском, Мяксинском, Вашкинском, Шольском и Кадуйском районах. Проверялись данные о бескурганных могильниках, имеющиеся в Череповецком музее, и вскрыты отдельные погребения в нескольких могильниках — у дер. Торово шесть погребений XIII в., у дер. Карпово — одно без вещей, у дер. Нефедово два погребения XIII—XIV вв. На Троицком могильнике (район Белозерья) раскопано два погребения X—XI в. со славянской ориентировкой, но бескурганный обряд, находка бронзовой бляхи с шумящими подвесками и лепного сосуда неславянского типа свидетельствуют о принадлежности захоронений финнам.

П с к о в с к а я о б л а с т ь. Продолжались работы экспедиции по изучению древнерусских крепостей⁶ и экспедиции по уточнению места Ледового побоища⁷.

Г. П. Гроздилов (Гос. Эрмитаж и Псковский историко-художественный музей) продолжал исследование древнего Пскова. Раскопки, как и ранее, велись в Довмонтовом городе (на двух участках) и в Старом Застенье близ Михайловского храма. На одном из участков в Довмонтовом городе установлена стратиграфия культурных наслоений около крепостной стены, выявлены остатки древних каменных зданий, жилищ и хозяйственных построек. Исследована и сама крепостная стена — ее основание (валунная кладка). Собрана коллекция замечательных печных изразцов XVI — начала XVIII в., у угла выступа крепостной стены обнаружено скопление больших каменных ядер. На втором участке в Довмонтовом городе, у Темных ворот, обнаружены остатки разновременных построек; исследовалось основание древнего трехапсидного храма, обнаруженного еще С. А. Таракановой. Выявлена древнейшая часть храма — четверик с основаниями четырех столпов. Собрано большое количество обломков фресок; из фрагментов их составлялись лики святых в нимбах; на небольшом участке прослежен каменный и плиточный пол. Установлены более поздние пристройки и придел. Под большими каменными плитами вскрыты погребения XV—XVI вв. (пять взрослых и три детских). Найдены монеты конца XVII в., поливная керамика, мелкие обломки фресок с граффити. Какой именно церкви принадлежат открытые развалины, еще окончательно не выяснено. В Старом Застенье исследовалась далее замощенная в несколько ярусов древняя улица с прилегающими к ней жилыми и хозяйственными сооружениями XI—XIV вв. и XVI—XVII вв. в верхних слоях.

Н о в г о р о д с к а я о б л а с т ь. В г. Новгороде на территории Неревского раскопа проводила 10-й сезон Новгородская экспедиция и исследовала вал экспедиция по изучению древнерусских крепостей⁸.

М. X. Алешковский (Центральные научно-реставрационные мастерские) продолжал исследования на территории Новгородского кремля. Был произ-

³ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 301—302, 308.

⁴ Там же, стр. 308, 309.

⁵ Там же, стр. 302.

⁶ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 308—309.

⁷ Там же.

⁸ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 307—309

веден разрез древнего вала между Владимирской башней и Водяными воротами; выявлены деревянные конструкции, начиная с XI в. в основании и более поздние подсыпки. Исследовались остатки Борисоглебской башни (XV в.) — выявлены ее фундаменты, остатки бойниц, кузницы XV—XVI вв. В нижних слоях вскрыт зольник второй половины X в., следы кладбища, существовавшего здесь с X по XV—XVI в. Установлено, что башня была сооружена как проезжая, а в XVI в. реконструирована и проезд заложен. Внутри и около фасадов башен Дворцовой, Княжой и Кукуй заложены шурфы для исследования фундаментов и отметок пола. Под фундаментами башен Дворцовой, Княжой и Борисоглебской обнаружены колотые сваи, вбитые в глину.

Кировская область. Как и в предыдущие годы, производились работы в г. Кирове⁹.

Калининская область. А. Х. Репман (Вышневолоцкий краеведческий музей) произвел небольшие раскопки городища дяковского времени Борки у дер. Липовицы. Обнаружен бревенчатый каркас, вероятно, предохранявший край площадки от оползания. Близ городища раскопан курган с обрядом трупосожжения на стороне (IX в.). Разведки произведены на городище дяковского времени Сокольники.

Смоленская область. Продолжались исследования Смоленского отряда Верхнеднепровской экспедиции и Смоленского отряда Среднерусской экспедиции¹⁰.

Д. А. Авдусин (МГУ и Смоленский областной музей) вел разведочные работы в западном предместье Смоленска с целью проверки наличия слоев XI—XIV вв. Между развалинами Борисоглебской и Васильевской церковью обнаружена керамика XVI—XVII вв. и вскрыты четыре погребения без вещей; у Свирской церкви — немного керамики XII—XIV вв., но никаких сооружений не обнаружено. В общем, незначительное количество древней керамики, находки черепков, относящихся к XVI—XVII вв., на материке, отсутствие древних сооружений противоречат предположению С. П. Писарева об эксцентричном ядре Смоленска на Смядыне в XII—XIV вв. Экспедицией раскопано три кургана в Гнездове. В двух из них обнаружено трупосожжение на стороне (X в.), один курган — кенотаф. Обряд погребения и находки обычны для гнездовских курганов.

Е. А. Шмидт (Смоленский научно-исследовательский краеведческий институт) провел раскопки двух городищ и поля погребений. На городище у дер. Батеки (Смоленский район) обнаружены остатки очагов и материковые ямки — вероятно, от кольев и вбитых в землю тонких бревен. Часть ям, вероятно, древние, а часть относятся к XIV—XV вв. — возможно, остатки какой-то постройки. Поселение на городище возникло в V—IV вв. до н. э. и было сначала неукрепленным. Затем был сооружен один вал, позднее второй и вырыт ров. Оставлено городище в начале нашей эры (не позднее конца II в.). Городище у дер. Акатово за два года работ вскрыто полностью. Обнаружено скопление камней, столбовые ямы. Все это дает картину большого кругового дома, состоящего из нескольких помещений с каменными очагами. Культурный слой очень тонок. По характеру застройки и керамике памятник относится к типу городищ-святилищ (V—VII вв. н. э.). Близ него на поле погребений вскрыто шесть захоронений в ямках с урнами (2) и без урн (4), одновременных городищу.

Московская область. На территории г. Москвы проводили работы две экспедиции: Кремлевская и Московская¹¹ Института археологии и другие экспедиции ряда учреждений.

⁹ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 308.

¹⁰ Там же, стр. 307, 309.

¹¹ Там же, стр. 308, 310.

Несколько экспедиций работало на территории области. Продолжались раскопки Троицкого городища¹².

Г. Ф. Никитина (Московская научно-реставрационная производственная мастерская) в связи с реставрационными работами памятника архитектуры XVII в. — церкви Николая на Таганке — провела небольшие археологические исследования. У северного фасада церкви обнаружены погребения в склепах и грунтовых ямах. Никаких следов предполагавшейся вокруг церкви галереи не обнаружено. Установлено, что лестница северного портала была сооружена в конце XVIII в. и разобрана в XIX в.

В. И. Матвеева (Московская научно-реставрационная производственная мастерская), как и ранее, проводила работы на территории бывшего Высоко-Петровского монастыря. В связи с реставрацией исследовался древний проезд под церковью Пахомия. В кладках пилястр арки ворот обнаружены надгробные плиты XVII в. Определен уровень вымостки проезда (конец XVII в.), откопаны навесы ворот, обнаружена прикладка белокаменной стены высотой 0,6 м для укрепления стен проезда, открыта дата постройки церкви Пахомия, вырубленная в белом камне кладки (1756 г.). Подтверждено существование в XVI—XVII вв. большого здания с мощными стенами, но древние слои в предматериковом грунте не найдены (только XVI—XVII вв.). Кроме этого, работы велась в подвальных помещениях под Сергиевской церковью. Открыты остатки белокаменного помещения, выяснены его конструкция и глубина залегания.

В. М. Раушенбах (ГИМ) во главе Талдомской археологической экспедиции продолжала раскопки неолитической стоянки Николо-Перевоз (Талдомский район). Установлено, что в древности поселение располагалось по берегу р. Дубны. Археологический материал северо-восточной части поселения резко отличен от материала юго-западной части. Обнаружено несколько, вероятно, дьяковских погребений, хозяйственные ямы, кострищные пятна. В восточной части поселения прослежено четырехкратное заселение его различными племенами: в конце III тысячелетия до н. э. здесь жили льяловские племена в первой половине II тысячелетия до н. э. — волосовские племена, в середине II тысячелетия до н. э. и в третьей четверти II тысячелетия до н. э. — фатьяновцы и в конце I тысячелетия до н. э. — дьяковцы. Кроме этого, найден керамический материал, который не находит аналогий ни в памятниках неолита, ни в памятниках бронзы.

Ю. А. Краснов (Звенигородский историко-краеведческий музей) обследовал третью Звенигородскую неолитическую стоянку (Кунцевский район), керамика которой находит аналогии в поздних льяловских стоянках (первая половина II тысячелетия до н. э.). На Успенском городище, ранее исследовавшемся А. В. Успенской, открыто жилище-полуземлянка, большой очаг из крупных камней, найден обломок белокаменной надгробной плиты XVI—XVII вв., исследованы оборонительные сооружения. Основной слой городища — дьяковский, позднее здесь была древнерусская деревня, а в XV—XVI вв. — кладбище. Близ д. Горышкино в двух группах раскопано четыре кургана. В одном из них обнаружены остатки трупосожжения на стороне; три остальных кургана — вятические.

А. Г. Векслер (Музей истории и реконструкции Москвы) раскопал шесть курганов в трех группах в районе г. Одинцово. В трех курганах погребений не обнаружено — очевидно, это кенотафы; в трех других вскрыты мужские и женские вятические погребения с вещами XII в. Следует отметить, что два кургана были необычной усеченноконической формы.

Н. В. Трубникова (ГИМ) продолжала (после 1956 г.) работы на городище Соколова гора (Ухтомский район). Найдены некоторые вещи, но культурный слой уже полностью уничтожен.

¹² Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 309—310.

С. Н. Астаховым (Московский областной краеведческий музей) проделан маршрут по р. Оке (левый берег) от г. Серпухова до г. Каширы, во время которого осмотрено пять памятников: три стоянки и два селища. Близ селища у с. Милошино обнаружено разрушенное погребение четырех человек — взрослого, подростка и двух детей.

Ю. Л. Шапова со студентами кафедры археологии исторического факультета МГУ раскопала еще один курган у дер. Пирогово (Мытищинский район). Вскрыто женское погребение с перстнеобразными и браслетообразными височными кольцами, загнутоконечным браслетом, пластинчатым и ложновитыми перстнями.

К. А. Смирнов (Институт археологии) обследовал бассейн р. Москвы (Можайский район) близ Троицкого городища. Обнаружено два дьяковских селища — у с. Горетова и у дер. Аксиньино.

Е. И. Диков (школа № 9 г. Электросталь) обследовал памятники в Ногинском районе. Близ с. Б. Буньково вскрыты два разрушенных кургана, в одном из них обнаружено женское погребение с большим количеством кривичских украшений. Также женское кривичское погребение обнаружено в кургане на р. Воре в районе Громково — Кармолино. Кроме этого, осмотрено два славянских поселения и остатки укреплений XVII в.

В. В. Косинским (Павшинская средняя школа) обследовано несколько городищ дьяковского и славянского времени в Красногорском районе (Андреевское, Ильинское, Мало-Истринское, Гольевское, Спас-Тушинское). Небольшие раскопки поставлены на разрушающемся Спас-Тушинском городище, которое было обитаемо в дьяковскую и славянскую эпоху. В верхних слоях обнаружены погребения XV—XIX вв.

А. Н. Воронков вел разведку по р. Оке и ее притокам от г. Алексина до г. Киширы (в пределах Московской и Калужской областей). Осмотрены памятники от эпохи мезолита до славянской, главным образом известные ранее, но некоторые открыты вновь. Наиболее интересна находка мезолитических орудий у с. Дракино.

Я р о с л а в с к а я область. Продолжались работы Верхневолжской экспедиции¹³. И. К. Цветкова, возглавлявшая Переславскую экспедицию ГИМ и Переславского историко-художественного музея, провела обследование берегов Вашутинского озера (Переславский район). На поселении в средней части дюны на северо-восточном берегу озера обнаружено жилище-полуземлянка. Прослеживаются три этапа заселения дюны — около середины II тысячелетия до н. э. здесь обитало льяловское население, в середине II тысячелетия существовало долговременное волосовское поселение, а в конце II тысячелетия до н. э. — кратковременное поселение поздняяковской культуры. Небольшие работы проведены на Ивановской стоянке (второй этап льяловской культуры — вторая-третья четверти II тысячелетия до н. э.).

В л а д и м и р с к а я область. Продолжались работы Владимирского отряда Среднерусской экспедиции¹⁴.

В. М. Раушенбах (ГИМ) проводила изучение открытой М. П. Шахматовой неолитической стоянки на берегу оз. Ростовец (Петушихинский район). В верхних слоях обнаружена керамика начала I тысячелетия н. э., в нижних — материал льяловской культуры. На юго-восточном берегу Багдарнинского озера обнаружена неолитическая стоянка с аналогичным материалом.

Л. В. Кольцов (Институт археологии АН СССР и Владимирский областной краеведческий музей) исследовал трехслойную стоянку Елин бор у дер. Елино (Ляховский район): 1-й слой ее — волосовской культуры (типа стоянки Плеханов бор); 2-й слой — типа мезолитических стоянок

¹³ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 302.

¹⁴ Там же, стр. 308.

Скнятино, Соболево; 3-й слой аналогичен верхнепалеолитической стоянке Карачарово, вернее, что начальная стадия мезолита.

Ивановская область. Е. Н. Ерофеева (Ивановский областной краеведческий музей) обследовала археологические памятники, известные по сведениям местного населения, и проверяла сохранность памятников, состоящих на учете. В 17 районах области обследовано 92 пункта. Проверена сохранность 23 памятников, известных ранее. Небольшие раскопочные работы были предприняты на Кочкинском бескурганном могильнике (Палехский район). Обнаружены четыре погребения с большим количеством вещей, несколько кострищ и погребения животных (коровы, лошади). Могилы относятся к V—VIII вв. н. э. Это разновременные захоронения в коллективных могильных ямах с типичными мужскими трупосождениями и двукратными женскими погребениями. Сожжение производилось на больших кострищах здесь же, на территории могильника. Находки — предметы вооружения, труда, быта, украшения. Аналогии обряду погребения — в Хотимльском могильнике и в раннем периоде Малышевского.

Тульская область. С. А. Изюмова (МГУ и Тульский областной краеведческий музей) раскопала пять курганов в могильнике у дер. Западной Суворовского района; в трех из них оказались трупосождения в погребальных камерах, в двух — трупосождение без камер. В одном из курганов найдена и лепная керамика и гончарный сосуд-урна (X—XI вв.). Курганы с погребальными камерами датируются VIII—IX вв.

Горьковская область. Горьковская археологическая экспедиция (Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник, Горьковский университет, ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР) под руководством А. Х. Халикова работала в составе шести отрядов. 1-й отряд под руководством А. Х. Халикова завершил начатые в 1958 г. раскопки II Васильсурского городища. Исследованы укрепления (вал и ров) и остатки наземного жилища. Поселение существовало еще в эпоху бронзы (балановское время — вторая половина II тысячелетия до н. э.), а позже, в ананьинское и городское время, оно было укреплено. 2-й отряд (рук. Е. А. Безухова) провел обследование правого берега р. Оки от устья р. Теши до г. Павлова: Мордовщиковский (теперь Навашинский), Вачский и Павловский районы; зафиксированы 53 разновременных памятника — от эпохи неолита до XVI—XVII вв. 3-й отряд (рук. В. Ф. Черников) охватил разведками правый берег р. Оки от г. Павлова до г. Горького, правый берег р. Волги от г. Горького до впадения в нее р. Кудьмы, берега этой реки до с. Хвощевка и течение речки Озерки. Обследовано 44 ранее известных памятника и 33 открыто вновь — поселения, городища и могильники от эпохи неолита до XIII—XV вв. 4-й отряд (возглавляемый Г. А. Архиповым) обследовал левый берег р. Волги от г. Городца до устья р. Ватомы в Городецком и Борском районах. 5-й отряд (рук. П. Н. Старостин) обследовал прибрежные участки р. Волги от устья р. Керженца до устья р. Ватомы в пределах Лысковского, Работкинского и Кетовского районов. Выявлены 22 памятника. 6-й отряд (рук. Г. Н. Айплатов) вел разведки по левому берегу р. Волги от устья р. Керженца до с. Михайловское в Лысковском и Воротынском районах. Осмотрено 12 памятников.

Рязанская область. Вел работы Рязанский отряд Среднерусской экспедиции¹⁵.

Н. И. Панин (Желановская школа Шацкого района) обследовал поселение близ с. Старое Чернеево. В эпоху бронзы здесь существовала стоянка, много позже жизнь на этом месте возобновилась в XV—XIX вв. За чертой поселения обнаружен могильник, на котором изучено семь поздних погребений.

¹⁵ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 30.

Калужская область. Продолжались работы Т. Н. Никольской¹⁶.

Орловская область. Л. В. Грехова (ГИМ) обследовала две пещеры в районе г. Мценска на берегу р. Зуши, но следов пребывания в них человека не обнаружено. Близ пещер, в овраге найдены расколотый кремьен и три отщепя.

Н. П. Макаров (Сосковская средняя школа Сосковского района) в 1958—1959 гг. осмотрел несколько памятников в районе — три городища, три селища и стоянку. Обнаружены также отдельные находки, относящиеся к эпохе неолита и более позднему времени.

Брянская область. Продолжал работы Деснинский отряд Верхнеднепровской экспедиции¹⁷.

Ф. М. Заверняев (Брянский областной краеведческий музей) вел разведку в долине р. Ипути и продолжал раскопки зарубинецкого поселения в урочище Валы в г. Почепе. Всего осмотрено 96 памятников: 45 стоянок, 9 городищ, 17 селищ, 25 курганных могильников. Древнейшие памятники относятся к верхнему палеолиту (стоянка в дер. Новые Бобовичи Нововыбковского района) — к эпохе мустье. Открыто несколько памятников мезолитического времени (наиболее интересна из них стоянка у дер. Млыны Гордеевского района). Обнаружено большое количество селищ эпохи неолита, бронзы. Большинство поселений времени раннего железа двухслойные — слои юхновской и зарубинецкой культуры. Обнаружены также селища роменского времени и эпохи Киевской Руси. На Почепском селище исследована землянка предскифского времени, прослежено соотношение зарубинецкого слоя с наслоениями эпохи поздней бронзы, выяснены детали планировки поселения.

В. А. Падин (Трубчевский краеведческий музей) вел раскопки курганов в урочище Панщина и на территории Радутинского могильника. Кроме того, три кургана вскрыты близ Кветунского могильника. В кургане Святой следов погребения не обнаружено, но выявлено несколько кострищ, следы плетня, найдены два лепных черепка. В урочище Панщина раскопано два кургана, причем прослежены остатки столбовой конструкции. По найденным ножам и копью эти курганы можно датировать серединой II тысячелетия до н. э. В двух группах у с. Радутино раскопано по кургану. В одном из них открыты остатки деревянного сооружения, во втором — следы шалашеобразной конструкции и большое количество кальцинированных костей. Близ Радутинского городища вскрыты два кургана, которые, судя по обряду погребения, принадлежат радимичам.

Тамбовская область. Т. Б. Попова (ГИМ) предприняла разведки памятников по р. Цне к югу и к северу от Тамбова. У с. Бокино открыты еще два поселения эпохи бронзы. Осмотрены две курганных группы у с. Воронцовки. К северу от города на участке дер. Малиновка — Тамбов обнаружено несколько поселений эпохи поздней бронзы, а у с. Горелова — несколько стоянок. Обнаружены также новые поселения эпохи бронзы, неолита и славянского времени у с. Черняное и дер. Уварово. Продолжены раскопки (после 1957 г.) стоянки Перикса близ Тамбова. Найден очаг, который можно отнести к поздней стадии срубной культуры. Стоянка существовала от второй половины II тысячелетия до н. э. до первых веков I тысячелетия до н. э.

Курская область. Продолжал исследования Курский отряд Скифской лесостепной экспедиции¹⁸.

Белгородская область. Проводил работы Оскольский отряд¹⁹.

¹⁶ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 309. Как и ранее, Т. Н. Никольская работала в Калужской и Орловской областях.

¹⁷ Там же, стр. 309.

¹⁸ Там же, стр. 306.

¹⁹ Там же, стр. 301.

Воронежская область. Как и в предыдущие годы, проводили работы несколько экспедиций Института археологии АН СССР: Палеолитическая экспедиция, Верхнедонской отряд, Воронежский отряд Лесостепной экспедиции²⁰.

А. Н. Москаленко (Воронежский университет и Воронежский областной краеведческий музей) продолжала начатые в 1954 г. раскопки городища роменского времени у дер. Титчиха (Давыдовский район). Вскрыты две полуземлянки такой же конструкции, как и ранее открытые, и 14 хозяйственных ям.

Пензенская область. Проводились работы Наровчатской экспедиции²¹.

М. Р. Полесских (Пензенский областной краеведческий музей) продолжал раскопки Селиксенского могильника. Вскрыто 84 погребения, из которых 40 «селиксенского» типа (ориентированные на северо-запад) и 44 «армиевского» типа (с южной, юго-западной и юго-восточной ориентировкой). Мужских погребений вскрыто 22, женских — 47, детских 13, неопределенных — 2. Некоторые из них датируются IV в. н. э., переходным временем от «селиксенского» типа к «армиевскому». Встречен новый для этого могильника обряд — трупосождение на стороне. Открыты два парных и одно тройное погребение, найдены новые типы вещей. Продолжены работы предыдущих лет и на Золоторевском городище XII—XIII вв. Установлено, что оно принадлежало племени, этнически и культурно близкому волжским болгарам. На Малоижморском могильнике (Земетчинский район) вскрыто пять погребений и два скопления костей животных. Могильник принадлежал мордве — мокше (VIII—IX вв.). Осмотрены несколько разновременных селищ в этом же районе (эпохи бронзы, городищной культуры, мордовских), а также Пановский могильник, Вышинская стоянка и селище № 3 у с. Селиксы (XIII—XIV вв.).

Пермская область. Как и ранее, проводились работы в зоне затопления Воткинской ГЭС²².

Свердловская область. На территории области продолжала работать Западно-Сибирская экспедиция²³.

Е. М. Берс (Уральский университет и Свердловский областной краеведческий музей) продолжала исследования в Невьянском районе. На Аятской правобережной многослойной стоянке обнаружены семь наслоений — от эпохи неолита до эпохи раннего железа включительно. В 1959 г. расчищались главным образом сооружения, относящиеся к андреевской культуре. Вскрыты две большие четырехугольные землянки и одна округлой формы, а также хозяйственные ямы, погребения VIII—X вв. IV—V вв. н. э. и неолитические. Кроме этого, открыто основание плавильной печи, вероятно, эпохи поздней бронзы. Близ дер. Шайдурихи исследовано поселение сарматского времени (верхний слой) и гамаюнской культуры (конец II — начало I тысячелетия до н. э.). Исследованы вал и ров; в слое, который датируется сарматским временем, обнаружены зольники.

Челябинская область. Продолжались работы Южно-Уральского отряда²⁴.

Экспедиция Челябинского областного краеведческого музея под руководством В. С. Стоколоса продолжила раскопки курганов эпохи бронзы у с. Степного Пластовского района. Раскопано три кургана. Исследовались близлежащее селище тоже эпохи бронзы (но не одновременное курганам)

²⁰ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 301, 305.

²¹ Там же, стр. 306.

²² Там же, стр. 303—304; см. также «Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции», вып. I, М., 1959.

²³ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 303. Экспедицией были охвачены и некоторые районы Тюменской области.

²⁴ Там же, стр. 303.

и погребение с каменной оградкой. При разведках в Варненском районе по рекам Арчаглыаят, Аят и Караталыаят выявлено 26 памятников, главным образом курганов, два городища, несколько селищ, каменные кладки, менгиры, бескурганый могильник.

Г. И. Матвеева (Троицкий краеведческий музей) провела разведки в Троицком и Октябрьском районах от г. Троицка до с. Каракуль по р. Уй. Обследовано 19 курганных могильников и одиночных курганов. Два разрушающихся кургана близ г. Троицка были раскопаны. Судя по устройству погребального сооружения и найденным сосудам, они относятся к андроновской культуре.

Ф. М. Фомин (школа № 96 г. Челябинска) при разведках в Златоустовском, Кусинском и Саткинском районах по берегам рек Уй, Б. Сатки и оз. Зюраткуль обнаружил несколько стоянок.

Курганская область. Южно-Уральская экспедиция, возглавляемая К. В. Сальниковым (Уральский университет и Курганский областной краеведческий музей), продолжала начатые в 1958 г. раскопки Царева кургана на окраине г. Кургана. Вскрыто 10 погребений, из которых пять определенно относятся к алакульскому этапу андроновской культуры, а четыре предположительно можно отнести к этому же времени. Особняком стоит одно погребение с сосудом типичной абашевской формы. Основное захоронение под настилом в 1959 г. не вскрывалось. При раскопках Малого кургана найдены отдельные человеческие кости в полном беспорядке, медная скобочка и черепки сосудов андроновского типа. В обрыве берега р. Тобола обнаружено полуразрушенное погребение с обычным для андроновской культуры инвентарем. Из всего этого можно сделать вывод, что на месте Царева кургана и вблизи его в эпоху бронзы находился курганный и, может быть, бескурганый могильник. Часть его позднее была покрыта насыпью Царева кургана.

Оренбургская область. Продолжала работы Оренбургская экспедиция²⁵.

Э. А. Федорова-Давыдова (ГИМ и Орский краеведческий музей) вела работы в Халиловском районе. В группе № 1 у с. Хабарного вскрыто 24 кольца — без насыпей, с земляными насыпями и два кургана с каменными насыпями. В группе № 2 у этого же села раскопаны две насыпи. Почти все курганы (кроме двух), вероятно, относятся к середине второй половины II тысячелетия до н. э. Аналогии обряду погребения и инвентарю нужно искать в памятниках андроновской культуры. Один курган относится к концу первой половины — середине II тысячелетия до н. э. — ко времени полтавкинской культуры. Последний курган с подбойным погребением может относиться и ко времени полтавкинской культуры и к началу железного века. Отметим, что в одном из курганов (№ 15) вскрыто большое количество погребений — 28.

Татарская АССР. Экспедиция ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР проводила работы в составе трех отрядов: 1-й отряд (рук. А. Х. Халиков) обследовал в пределах Елабужского и Шереметьевского районов 35 археологических памятников, из которых 29 открыты впервые. Хронологически они разновременны — эпоха неолита, бронзы (приказанская культура), железа (ананьинская культура, I тысячелетие н. э.) и более позднего времени. Раскопано три кургана в Луговском могильнике — эпоха бронзы, приказанская культура. В кургане № 1 основное погребение синхронно по времени II Луговской стоянке (начало I тысячелетия до н. э.), захоронения под насыпью более поздние. В кургане № 2 древнейшие погребения датируются IX—VIII вв. до н. э., основные — VIII—VII вв. Курган № 3 относится ко времени до возникновения II Луговской стоянки. 2-й отряд экспедиции (рук. В. Ф. Генинг) обследовал пра-

²⁵ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 305.

вобережье р. Камы от устья р. Иж до устья р. Тоймы, левый берег р. Тоймы до верховьев и правый берег р. Иж. Обследовано 18 памятников, из которых 13 впервые. Раскопки велись на Кумысской стоянке эпохи поздней бронзы и неолитического времени (отдельные находки). На Кумысском могильнике эпохи поздней бронзы вскрыто 12 погребений и четыре жертвенных комплекса (скопления керамики и костей животных). Интересны намогильные сооружения — срубы с двускатной кровлей. Стоянка по времени предшествует могильнику. В Тураевском могильнике вскрыты два кургана III—IV вв. н. э. 3-й отряд экспедиции (рук. А. П. Шокуров) в Бавлинском и Ютазятском районах по левому берегу р. Ик зафиксировал 23 памятника.

Г. В. Юсупов (ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР) обследовал эпиграфические памятники XIV—XVIII вв. в Арском, Тукаевском и Дубьязском районах. Осмотрены 65 надгробий в 26 пунктах, получены новые данные по истории края, языку и искусству казанских татар до присоединения к русскому государству.

Чувашская АССР. Продолжались исследования Чувашской экспедиции²⁶

Н. В. Трубникова (ГИМ, Чувашский научно-исследовательский институт ИЯЛЭ, Чувашский краеведческий музей) вновь (после работ 1956 г.) вела раскопки городища Ножа-Вар в Ядринском районе. Выявлены остатки жилых сооружений и конструкция укреплений разных периодов существования городища. Нижний слой датируется началом I тысячелетия до н. э. Культурный слой этого времени сохранился в виде отдельных пятен — вероятно, остатков наземных жилищ. В первой половине I тысячелетия н. э. были воздвигнуты укрепления. Исследование конструкции вала показало, что он сооружен из чередующихся слоев глины и дерева и поставленных вертикально и наклонно бревен (III в. н. э.). Обнаружены следы 12 небольших наземных построек, остатки очага для плавки железа, несколько человеческих костяков (возможно, ритуальные захоронения). Жизнь на городище закончилась в конце V — начале VI в. н. э. Оно принадлежало позднегородецким древнемордовским племенам. Исследовалось также расположенное рядом с городищем селище.

Башкирская АССР. Продолжались работы Башкирской экспедиции²⁷

М. С. Акимов (Музей и Институт антропологии МГУ) и В. Ф. Генинг (Казанский университет) предприняли исследование селища и могильника середины I тысячелетия н. э. в с. Кушнаренково, открытых А. П. Шокуровым. В могильнике вскрыто 30 погребений, расположенных рядами в группах. Кроме двух, все они одиночные. В двух случаях наблюдалось трупосожжение. По форме могильной ямы, размещению сосудов и костей жертвенных животных погребения делятся на четыре типа. На основании находок могильник датируется V—VI вв. н. э. На одновременном селище вскрыты две землянки, ямы и большой очаг. На городище III—VIII вв. н. э. Чертов городок зачищены стенки ям и собран подъемный материал.

М. Х. Садыкова (ИЯЛИ Башкирского филиала АН СССР) закончила раскопки кургана у дер. Старые Кишки, начатые в 1957 г., где вскрыты еще пять погребений. Исследованы еще три кургана, в одном из них было 20, в другом — 19, в третьем — 15 погребений. Они совершались в грунтовых ямах и насыпях, в некоторых найдены кости жертвенных животных. Погребальный обряд находит аналогии в памятниках ранних сарматов Нижнего Поволжья, Западного Казахстана и Южного Приуралья. В погребениях много предметов вооружения, украшения, зеркала. Раскопанные курганы — памятники сарматской культуры III—II вв. до н. э. При разведках в Федо-

²⁶ Н. К. Лисицына Указ. соч., стр. 304—305.

²⁷ Там же, стр. 303.

ровском, Кармаскалинском, Стерлитамакском, Мелеузовском и Стерлибашевском районах выявлено 37 новых курганных групп.

Н. А. Мажитов (ИЯЛИ Башкирского филиала АН СССР) обследовал 10 городищ и селищ эпохи железа в Бирском, Бураевском, Балтачевском и Калтасинском районах. На Бирском могильнике (продолжение работ 1858 г.) вскрыты 96 погребений с большим количеством различных предметов и керамики — бахмутинская культура. На Бирском городище вскрыты семь хозяйственных ям; на Кансиарском — остатки жилища, несколько очагов и хозяйственные ямы. На Каратамакском могильнике раскопано около 20 погребений, некоторые из них коллективные; на Кушманакском обнаружен скелет человека и яма (возможно, жертвенная) с керамикой.

Г. Н. Матюшин (дворец пионеров г. Уфы) провел разведку в окрестностях Уфы. Выявлено 16 новых археологических памятников, из них три селища и городище расположены на правом берегу р. Уфы близ ее устья, а остальные — на западном берегу старицы р. Белой.

Марийская АССР. Экспедиция Марийского ИЯЛИ и ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР под руководством А. Х. Халикова работала двумя отрядами. Отряд А. Х. Халикова исследовал палеолитические местонахождения в Горномарийском районе. Наиболее интересна Юнга-Кушергинская стоянка, где найдены нуклеусы, орудия из кремня и отщепы. Кроме этого, продолжались начатые в 1958 г. работы на поселении Галанкина гора (Юринский район, у с. Майдан). Вскрыты две полуземлянки и собран интересный материал эпохи бронзы, освещающий вопросы взаимосмещения балановских и поздненеолитических племен и возникновения новой культуры — чирковско-сейминской.

Отряд Г. А. Архипова вел небольшие работы на Пайгусовском городище (Горномарийский район) III—V вв. н. э., очевидно принадлежавшем черемисским племенам, известным под этим названием с VI в. н. э. Небольшие работы проделаны и на Барковском (Чертовом) городище I тысячелетия н. э.

Удмуртская АССР. М. С. Акимова (Музей и Институт антропологии МГУ) заканчивала раскопки Буринского могильника (Балезинский район). Вскрыты еще 54 погребения, из которых 30 — детские (до 7 лет). Вещей мало; в 33 погребениях (27 детских и 6 взрослых) их не было совсем. В некоторых найдены монетки XVII—XVIII вв.

Экспедиция Удмуртского республиканского музея под общим руководством В. Ф. Генинга работала двумя отрядами. Отряд В. Е. Стоянова вел раскопки городища Гыркес-шур близ с. Полом и дер. Юркино. Вскрыты остатки пяти наземных жилищ, кострища, ямы (IV—VI вв. н. э.). Кроме того, вскрыто 55 погребений на могильнике Красная горка (близ с. Полом). Вещей мало. Погребения, иногда парные, совершались в неглубоких ямах в деревянных гробовищах. Могильник относится к памятникам поломской культуры.

Отряд Г. Т. Кондратьевой проводил разведку по правому берегу р. Чепцы от дер. Нижняя Богатырка до дер. Кушман и по правым притокам р. Чепцы — Пышкец и Люм. Обследованы 18 памятников, из которых 15 открыты вновь (восемь селищ, семь могильников). Памятники относятся: к поломской культуре (III—VIII вв. н. э.), раннему этапу чепецкой культуры (IX—XII в.), чепецкой культуре (IX—XV вв.) и к более позднему времени — XVI—XIX вв.

Коми АССР. Г. М. Буров во главе Вычегодского археологического отряда Коми филиала АН СССР продолжал исследование бассейна р. Вычегды и район оз. Синдорского. Открыто семь стоянок и осмотрены ранее известные памятники каменного века, эпохи бронзы, раннего железа и X—XIV вв. Раскопки велись на стоянках Мыелдино (II — начала I тысячелетия до н. э.), Лебяжск (эпоха бронзы и начало I тысячелетия до н. э.), Донты (III — первая половина I тысячелетия до н. э.), Дон (эпоха неолита

или бронзы и раннего железа), Ульяновской (мезолит), на стоянке Озьяг I (поздняя бронза), Озьяг II (неолит и эпоха раннего металла), Озьяг III (конец I тысячелетия до н. э.— начало I тысячелетия н. э.). Большое число стоянок осмотрено в районе Синдорского озера. В основном они относятся ко времени неолита, бронзы и раннего железа.

Печорский археологический отряд, возглавляемый В. И. Канивцом (Коми филиал АН СССР и Коми республиканский краеведческий музей), изучал бассейн р. Печоры. Исследовались Уньинская и Канинская пещеры, которые посещались людьми в течение длительного времени — с эпохи бронзы и до средневековья включительно. Найдены разновременные вещи — монеты, керамика, изделия из железа, бронзы, кости, стекла и т. д. По всей вероятности, обе пещеры — памятники культовые. Кроме пещер, исследовались две стоянки — Усть-Уньинская, где обнаружена мастерская кремневых изделий эпохи бронзы, и Зареченская, часть материала которой датируется поздненеолитическим временем, а остальная часть — более поздняя.

Мордовская АССР. М. Ф. Жиганов (Мордовский НИИЯЛИЭ и Мордовский краеведческий музей) продолжал работы 1957—1958 гг. по исследованию древнемордовского могильника у пос. Заря Zubovo-Полянского района. В 1959 г. обнаружено 24 погребения (всего за три года — 85), принадлежащих мордве-мокше. По обряду и вещам могильник близок памятникам позднеармиевского и лядинского типов. Наиболее ранние погребения датируются VII—VIII вв., наиболее поздние — X в. Особенным богатством отличаются захоронения воинов, сконцентрированные в центральной части могильника. Кроме предметов вооружения, в них найдено много богатых украшений — пояса, покрытые серебряными и позолоченными пластинками, по три-четыре браслета на руках. В обычных погребениях встречены орудия труда, остатки тканей, обуви, украшения. Кроме раскопок, проведены разведки в Атяшевском районе и в Лысковском районе Горьковской области. На Волчихинском могильнике вскрыто 14 погребений VI—VIII вв., принадлежавших мордве-эрзе. Обследовано Волчихинское селище. В Каменском могильнике вскрыто погребение XIII—XIV вв., принадлежавшее мордве-мокше.

Волгоградская область. Продолжались работы Астраханской экспедиции и Сарайского отряда²⁸.

В. А. Фисенко (железнодорожная школа № 31 ст. Петров вал) завершил исследование трех разрушающихся курганов в окрестностях ст. Петров вал. За два года работ вскрыто семь погребений: 3 — датируются срубной культурой, 2 — катакомбной, 1 — савроматское, 1 — кенотаф.

Астраханская область. И. Эрдей (Гос. Эрмитаж) вел разведки от г. Енатаевки вдоль левого берега Малой ветви р. Волги на юг и по берегам р. Ахтубы с целью выяснения местоположения хазарской столицы Итиля и сбора материалов VIII—IX вв. Осмотрены поселения эпохи бронзы, железа, средневековые. На бугре у с. Баста открыто сарматское погребение, на Красном бугре вскрыты остатки пяти погребений золотоордынского времени, осмотрено городище у с. Селитренного (Сарай-Бату), на котором расчищена золотоордынская печь. Установлено, что под золотоордынскими слоями Селитренного городища нет слоев, относящихся к хазарской эпохе.

Ростовская область. Продолжались работы нескольких экспедиций Института археологии²⁹: Кобяковской, Нижне-Донской и Цимлянской.

М. Д. Гвоздовер (Музей и Институт антропологии МГУ и Ростовский областной краеведческий музей) продолжала раскопки позднелеолитических стоянок в урочище Каменная балка (Мясниковский район, близ

²⁸ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 305.

²⁹ Там же, стр. 305, 307, 308.

хутора Недвиговка). В культурном слое стоянки Каменная балка I обнаружено погребение XIII—XIV вв. На стоянке Каменная балка II вновь найдены кремневые орудия, кости животных и в верхних слоях — обломки известняковых плит и половецкие погребения. Вторая стоянка несколько древнее первой. При разведках в районе хутора Недвиговки на высоких местах обнаружены обработанные кремни (палеолитического времени); на восточном конце хутора — находки, датируемые эпохой бронзы.

Н. Д. Праслов (Таганрогский краеведческий музей) вел поиски памятников каменного века в Северном Приазовье. Обследованы нижние течения рек Миус и Самбек. У Беглицкой косы, в обвалах берега Азовского моря, найдено небольшое нижнепалеолитическое орудие — ручное рубило (обломанное), вероятнее всего относящееся к ашелю. Близ этого же места встречено мустьерское скребло; нижнепалеолитическое местонахождение обнаружено между с. Веселое (Поляковка) и Русской слободкой. Находки нижнепалеолитического времени встречены и в Соленой балке близ станицы Матвеев курган. На Левинсадовском местонахождении (на берегу Миусского лимана) обнаружены верхнепалеолитические кремневые изделия и керамика эпохи бронзы. Новые верхнепалеолитические местонахождения открыты близ сел Покровское, Б. Неклиновка, хутора Едуши на р. Миус и у хутора Югино на р. Самбек. Находки неолитического времени обнаружены на грунтовом местонахождении и в хуторе Павлово-Мануйловском. Памятники эпохи бронзы — на уже упомянутом Левинсадовском местонахождении, в с. Троицком и на хуторе Некрасовском.

Т. Д. Белановская (ЛГУ и Новочеркасский музей истории донского казачества) вела разведки по Северному Донцу (от устья до ст. Усть-Быстрианской), по р. Кундрючьей (от устья до хутора Чернышевки) и на Дону (в окрестностях ст. Раздорской). Обследовались ранее известные памятники, часть открыта вновь. В различных пунктах осмотрены памятники от эпохи неолита до средневековья (салтово-маяцкая культура). Близ ст. Раздорской раскопано два погребения эпохи бронзы, одно из них скорченное.

Краснодарский край. Как и ранее, на территории края работало несколько экспедиций Института археологии АН СССР³⁰: Кубанский отряд Северо-Кавказской экспедиции, Таманский (Кепский) отряд Причерноморской экспедиции, Фанагорийская и Подводная экспедиции.

Отряд экспедиции ГИМ и Института археологии под руководством Н. П. Сорокиной вскрыл 30 погребений грунтового некрополя городища Кепы (Темрюкский район). Основную массу составляют детские (16), для которых главным образом использовались родосские и синопские амфоры III—II вв. до н. э. и амфоры из коричневой глины, сделанные в неизвестных центрах II—I вв. до н. э. Погребений V в. до н. э. — VII—VIII вв. н. э. вскрыто 11. Дату пяти погребений из-за отсутствия инвентаря определить невозможно. Раскопаны три черепичные могилы IV—II вв. до н. э. и места двух тризн. В результате устанавливается преобладание греческого погребального обряда, но есть элементы, сходные с погребальным обрядом племен Прикубанья. При разведках на территории ст. Тамань обнаружено несколько погребений.

Экспедиция под руководством И. Д. Марченко (ГМИИ им. А. С. Пушкина) продолжила работы на Майской горе близ Фанагории. Выяснились очертания естественного углубления продолговатой формы, в котором опять обнаружены дротомы VI—III вв. до н. э., терракотовые статуэтки, обломки чернолаковых сосудов, амфоры, черепица, кости животных, изделия из бронзы и т. д. Подтвердилось высказанное ранее предположение, что это фависса — место, где был закопан культовый инвентарь, использованный в святилище.

³⁰ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 301, 306, 307.

А. К. Коровина (ГМИИ им. А. С. Пушкина) на южном берегу Азовского моря исследовала некрополь Пересыпь (городища Тирамбы). Вскрыто восемь могил; из них три, судя по находкам, относятся к IV в. до н. э., одна — к II—III вв. н. э. В одной из могил найдена пантикапейская монета третьей четверти IV в. до н. э.

Экспедиция Московского областного пединститута, руководимая Ю. С. Крушкoл, обследовала территорию совхоза Джемете и хутора Рассвет (Анапский район). На виноградниках Джемете, на месте эллинистического поселения обнаружена вымостка из камней известняка и два погребения без вещей. На территории опытной станции в Джемете найдены фрагменты средневековой поливной посуды и римских поздних амфор. При исследовании могильника на хуторе Рассвет вскрыто двойное захоронение; при одном из погребенных найдены меч (типа акинака), браслет и большой черный лощеный сосуд. Это, очевидно, местное свидское захоронение VI в. до н. э., сохранившее еще следы обряда эпохи бронзы. На восточном краю могильника вскрыты два разрушенных погребения второй половины IV в. до н. э., содержащие греческие вещи и принадлежавшие, вероятно, местному, но сильно эллинизируемому населению.

Л. Н. Соловьев продолжал исследование Воронцовской пещеры (Лаборатория гидрогеологических проблем АН СССР, Сочинский музей краеведения, Абхазский ИЯЛИ АН Грузинской ССР). На основании палеонтологических и археологических данных была сделана попытка установить абсолютные хронологические даты отдельных ходов и зал пещеры. На площадке около пятого входа установлены непрерывные культурные отложения от эпохи позднего неолита до средневековья. В слое поздней бронзы (или раннего железа) обнаружено разрозненное погребение.

Ставропольский край. Т. М. Минаева (Ставропольский пединститут) произвела небольшие раскопки аланского городища X—XI вв. близ аула Кубины (Карачаево-Черкесская автономная область). Работы на этом памятнике велись ею же в 1951 и в 1956 гг. В центре городища вскрыт курган. Кроме этого, вскрыты еще три насыпи с каменной наброской и характерным для поздних кочевников обрядом погребения. Курганы располагались на развалинах поселения, существовавшего в X—XI вв. и поэтому не могли быть насыпаны ранее конца XI в. В устье балки Кайчагой исследованы курган с четырьмя могилами из плит известковистого песчаника, еще один более древний и курган с тремя могилами.

Экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института под руководством Е. П. Алексеевой проводила работы в окрестностях г. Карачаевска — у сел. Каракент и аула Нижняя Теберда. У сел. Каракент в зоне работ кирпичного завода вскрыто 10 могил (в том числе один склеп), принадлежавших аланам X—XI вв. Погребения совершены по христианскому обряду. В самом селении осмотрены каменные гробницы, курганный могильник, грунтовые могилы и городище X—XI вв. В ауле Нижняя Теберда обнаружены следы поселения кобанского времени. У Сентинского храма (X—XI вв.) встречена керамика IX—XIII вв. На Сентинской горе вскрыто восемь могил в грунтовом могильнике. Несмотря на разрушенность могил, все же можно установить, что обряд был не христианским. В них собрано большое количество вещей. Интересны бляшки с изображением животных — крылатого коня, льва, оленя. Есть привозные вещи: стеклянные и янтарные бусы, стеклянные браслеты — очевидно, из Тмулараканской Руси. Принадлежит могильник аланам и датируется IX — началом X в.

А. П. Рунич продолжал исследование разрушающихся памятников в районе Кавказских Минеральных Вод. В могильнике № 1 у Кисловодского озера вскрыты две катакомбы и два погребения. В могильнике № 2 на мебельной фабрике г. Кисловодска обнаружено девять погребений в каменных ящиках, а в катакомбном могильнике № 2—13 катакомб. В Учкеев-

ском могильнике (Малокарачаевский район) раскопана катакомба и два саркофага. Осмотрено городище у Крымушкинной балки.

Дагестанская АССР. Дагестанская археологическая экспедиция ИЯЛИ Дагестанского филиала АН СССР, как и ранее, проводила исследования несколькими отрядами.

1-й Горный (2-й Чиркейский) отряд под руководством В. Г. Котовича производил раскопки и разведки в Левашинском и Акушинском районах. Обследовано более 40 разновременных памятников, из которых около половины выявлено впервые. У сел. Мекеги раскапывалась позднепалеолитическая стоянка, в верхних слоях ее обнаружено несколько погребений III—V вв. н. э., а на энеолитическом поселении вскрыто жилище с очагом-ямой и хозяйственной ямой. Там же выявлены остатки разрушенного прямоугольного сооружения из известняковых плит — очевидно, оборонительные сооружения XV—XVI вв. У сел. Верхний Лобко обследовано поселение III—V вв. н. э.; у сел. Хаджалмахи осмотрены главным образом средневековые памятники (VII—VIII вв. и более поздние). В Акушинском районе в 1958—1959 гг. обнаружено пять палеолитических и 14 неолитических местонахождений, два поселения эпохи бронзы.

2-й Горный отряд под руководством Д. М. Атаева работал в Цунтинском, Унцукульском и Кахибском районах. При продолжении работ на Гинчинском могильнике обнаружено круглое сооружение — погребальная камера типа «колодез», перекрытая плоскими плитами, под которыми обнаружено два яруса погребений (в верхнем — 2, в нижнем — 17). Скорченные и сидячие погребения встречены только в нижнем ярусе. Основная же масса — вытянутые. Очаг, обнаруженный около «колодца», вероятно, служил местом разжигания погребального костра. Среди инвентаря — керамика, кремневые отщепы, костяные проколки, украшения из раковин и каменные подвески. Могильник относится к эпохе бронзы. Особенности обряда, сооружения и инвентарь находят аналогии в памятниках Дагестана периода, предшествующего каякентско-хорочоевской культуре. В Ирганайской долине (Унцукульский район) продолжались работы 1958 г. на поселении № 1 середины второй половины II тысячелетия до н. э. Обнаружено прямоугольное каменное сооружение с тремя очагами внутри и тремя с внешней стороны. Открыт развал каменных стен поселения. Близ сел. Ирганай осмотрены еще два поселения эпохи бронзы, два средневековых поселения и могильник. В средневековом Бежтинском могильнике вскрыты 53 погребения. Из находок следует отметить железный меч с бабочковидным перекрестием.

1-й Чиркейский отряд под руководством Н. Д. Путинцевой продолжал работы в зоне Чиркейской ГЭС (Буйнакский район). Близ сел. Новый Чиркей на р. Сулаке раскопано три кургана с погребениями первой половины II тысячелетия до н. э. (за исключением одного, несколько более раннего). В могильнике с каменными ящиками в местности Буреган-шоб исследовано три ящика, относящихся к каякентско-хорочоевской культуре, а в местности Узун-Тала — два склепа (в 1958 г. здесь вскрыт один склеп) и одно грунтовое погребение. В одном склепе было погребено 49 человек, в другом — 7. Большинство погребений, судя по множеству стеклянных браслетов, следует отнести к X и, возможно, XI в. н. э.

Южный отряд экспедиции под руководством М. И. Пикуль вел разведки в Дербентском, Касумкентском, Табасаранском, Курахском, Хивском, Магарамкентском, Докузпаринском, Ахтынском и Буйнакском районах. Открыто и обследовано более 50 различных памятников эпохи неолита, бронзы, раннего железа, раннего и позднего средневековья. Доследованы три погребения Керимхандачского могильника (у сел. Мугергана) — XI—IX вв. до н. э. — конец эпохи бронзы. На Макинском поселении обнаружена часть жилища с несколькими помещениями. Нижний слой поселения относится к VII—VI вв. до н. э., верхний — V—IV вв. до н. э. В могильнике № 1

(Шаракунский) в пос. им. Герейханова обнаружено разрозненное детское погребение (V—IV вв. до н. э.), кострище (VII—VI вв. до н. э.), женское погребение (первые века), остатки кромлеха. В могильнике № 4 (между селами Дуранги и Апши) раскопано два склепа; в первом одно погребение конца VII в. н. э., во втором четыре погребения второй половины VII в. н. э. На Хлютском могильнике вскрыт склеп V—VII вв.

Гунибский отряд под руководством В. М. Котович продолжал раскопки Верхнегунибского поселения, начатые в 1958 г. Расчищены остатки двух помещений, в одном из которых открыты следы литейного производства. Одно из помещений существовало в течение длительного времени, — с конца эпохи энеолита — ранней бронзы до начала позднего этапа эпохи бронзы. Вскрыты также части оборонительных стен.

Северо-Осетинская АССР и Чечено-Ингушская АССР. Продолжались работы Северо-Кавказской экспедиции³¹.

Кабардино-Балкарская АССР. Работала археологическая экспедиция Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Разведочный отряд работал под руководством В. А. Кузнецова³².

Отряд под руководством П. Г. Акритаса проводил разведки в Чегемском ущелье. Было заложено несколько шурфов в гроте Кала-Тюбю и обнаружено большое количество средневекового материала, и, кроме того, отщепы и скребки из обсидиана, неолитический острообушный топорик и т. д. Осмотрено много пещер, гротов и наскальных навесов, причем в некоторых из них найдена средневековая керамика. В сел. Н. Чегем вскрыто семь погребений VII—VI вв. до н. э. Анализ найденных вещей показывает, что здесь местная позднекобанская культура подверглась сильному влиянию скифской, в результате чего образовалась смешанная культура с преобладанием местных элементов. Близ сел. В. Чегем осмотрен ряд других археологических памятников, памятники архитектуры и исторические.

В. И. Горемыкина (Кабардино-Балкарский университет) обследовала памятники в Терском, Лескенском и Зольском районах. Близ сел. Терек вскрыты курганы с захоронениями XIV—XV вв. и два кургана со скорченными погребениями. В сел. Аргудан на городище сарматского и аланского времени вскрыты остатки жилища и горн, а близ городища — курган, очевидно, кабардинский (XIV—XVI вв.). На горе Муртаза (близ сел. Аргудан) раскопано 12 погребений в долбленных деревянных колодах. Этот могильник одновременен аланскому слою городища. Ниже погребений залегал культурный слой с керамикой IX—VIII вв. до н. э. — II—III вв. н. э. В погребальном обряде — сарматские элементы, бытующие и в аланский период. В Зольском районе обследованы 10 памятников, главным образом относящихся к эпохе бронзы и раннего железа.

Кемеровская область. Экспедиция школьного краеведческого музея г. Прокопьевска под руководством М. Г. Елькина десятый год проводит раскопки курганного могильника позднего железного века в окрестностях с. Ур-Бедари (Гурьевский район). Вскрыты два больших кургана в четвертой подгруппе. В одном из них — две могилы. В первой было погребение человека, очевидно знатного тюрка-кочевника, с лошадью. Несмотря на то, что курган разграблен, найдено большое количество вещей, в том числе серебряные и позолоченные наконечники, пряжки, костяная обкладка лука. Судя по остаткам костей, во второй могиле тоже были погребены человек и лошадь. Наиболее вероятная дата кургана — X в., хотя найдено много предметов, характерных для VII—VIII вв. Во втором кургане под накатником, на настиле березовой коры была погребена лошадь. Очевидно, обе насыпи нужно рассматривать в единстве, и лошадь, вероятно, принадлежала знатному тюрку, похороненному в предыдущем кургане.

³¹ Н. К. Лясыцына. Указ. соч., стр. 301 и 311.

³² Там же, стр. 311.

А. И. Мартынов (Кемеровский областной краеведческий музей и пед. институт) продолжал исследования в лесостепной части Обь-Чулымского междуречья. Вскрыты три кургана в могильнике на р. Ягуне в Тисульском районе. В первом и втором из них по три могилы; в третьем — две. Во всех могилах накатники из сосновых и кедровых плах в два слоя. По найденным вещам (клевецам, ножам, керамике) курганы датируются V в. до н. э. — началом второй стадии тагарской культуры.

Новосибирская область. Т. Н. Троицкая (Новосибирский областной краеведческий музей и пед. институт) работала у с. Красный Яр (Кольванский район) и у с. Н. Шарап (Ордынский район). В первом пункте исследованы четыре кургана VIII в. н. э. (судя по китайским монетам). Обряд погребения — трупосожжение и труположение, обычно погребения перекрыты бревенчатым накатом. Насыпь была сооружена из культурного слоя поселения андроновского и карасукского времени. В слое поселения карасукского времени также вскрыто несколько погребений, вероятно синхронных курганам, но насыпей над ними не было, возможно, они расплылись. При разведках в урочище Березовый остров и у дер. Черный мыс обнаружены группы курганов. У с. Н. Шарап вскрыты шесть курганов III—I вв. до н. э.

Читинская область. Продолжала работы Монгольская экспедиция³³.

Красноярский край. Р. В. Николаев (Красноярский краевой краеведческий музей, Енисейский районный краеведческий музей, Красноярское отделение Всесоюзного географического общества) продолжал работы предыдущего года на севере края. Проведена разведка по р. Мельничной; в г. Енисейске обнаружена русская керамика XVII в. и керамика, принадлежавшая местному населению, жившему здесь в момент прихода русских. При разведках в с. Маковском (Енисейский район) и в его окрестностях обнаружена мореная керамика XVII в. и остатки, возможно, острожных строений. В местности «Высокий» на р. Кеть раскопаны землянки эпохи неолита или ранней бронзы; в устье р. Подкаменная Тунгуска велись небольшие раскопки на неолитической стоянке.

Г. А. Максименков (Институт археологии, Канский краеведческий музей) провел раскопки в окрестностях г. Канска. Основные работы были сосредоточены в урочище Кирпичики, на многослойном поселении. В верхнем культурном слое найдены вещи различных эпох, в том числе эпохи неолита и более поздние. Материал второго слоя скорее всего мезолитический, третий и четвертый слои — эпохи верхнего палеолита. Небольшие работы осуществлены на месте разрушенного карьером неолитического могильника на дюне у Долгого озера, но погребений не обнаружено.

Хакасская экспедиция МГУ и Хакасского НИИЯЛИ под руководством Л. Р. Кызласова работала в северных районах Хакасской автономной области — Боградском, Ширинском, Орджоникидзевском, в Аскизском и Алтайском. Открыты памятники различных типов и эпох — афанасьевские и карасукские могильники, памятники тагарской культуры, переходного тагарско-таштыкского периода (II—I вв. до н. э.), таштыкской эпохи, чаатасы, памятники IX—X вв. и более поздние крепости, сторожевые пункты («Све»). Раскопано 14 разнообразных погребальных сооружений (могил и курганов) и два кольцевых городища переходного тагарско-таштыкского периода у дер. Троицкой. Они были, очевидно, предназначены охранять оросительные каналы и пашни по левому берегу р. Тесь. Раскопаны две карасукские могилы у скалы Хара-хая, каменный курган и «блиндаж» в районе Оглахты. В кургане под «каменной юртой», оказалось древнехакасское трупосожжение IX—X вв. н. э. Обследовано «Све» на горе Хызыл-хас — IX—X вв., здесь же раскопан курган с погребением без

³³ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 304.

вещей. Вскрыты три кургана в могильнике Хара-хая (XI—XII вв.) а шесть — в могильнике Све-тах; осмотрены рисунки и тамги на плитах курганов.

Тувинская АССР. Тувинская экспедиция МГУ под руководством Л. Р. Кызласова работала в Тандинском и Улуг-Хемском районах. Исследовано 34 памятника, некоторые из них подверглись раскопкам. На дюнах на берегу р. Ангачи обнаружены 2 неолитические стоянки; находки неолитического и верхнепалеолитического времени встречены в семи пунктах. На дюнах на р. Чааты в шести пунктах собран разновременный археологический материал (от эпохи неолита до раннего железа). В могильнике № 1 на р. Чааты (могильник III Шагонарского городища) раскопано еще 17 курганов, в некоторых из них вскрыты катакомбы. На III Шагонарском городище обнаружены остатки здания (с черепичной крышей) каркасно-столбовой конструкции китайского типа. На дюнах у горы Хайыракан (близ г. Шагонара) в трех пунктах обнаружены находки уюкского времени (VII—III вв. до н. э.) и др. В урочище Кезек-хурэ раскопаны две насыпи, назначение которых не выяснено (очевидно, не погребальные памятники). Вероятнее всего, эти «курганы» относятся в XI—XII вв. — времени древнеказахского периода в истории Тувы. У горы Хайыракан обнаружены узкие оградки из вертикально стоящих плит.

Археологический отряд Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР проводил работы двумя группами на территории Сут-Хольского и Бай-Тайгинского районов. Группа под руководством А. Д. Грача на левом берегу р. Хемчица обнаружила различные погребальные памятники — херексуры и каменные курганы скифского времени, каменные курганы гунно-сарматского и тюркского времени, ритуальные памятники, изваяния, кенотафы, два городища (у пос. Боора-Тайга — уйгурское VIII—X вв. и пос. Алдын-Маадыр). В Сут-Хольском районе группой раскопан 21 объект; на территории Бай-Тайги — 10 объектов. В могильниках Тоора-Тал-арты и Сарыг-Чел-аксы (Сут-Хольский район) вскрыты шесть курганов V—III вв. до н. э. с погребениями в валунно-плитовых камерах на уровне горизонта. Кроме того, в первом из этих могильников раскопано 12 курганов с древнекыргызскими сожжениями IX—X вв. в Бай-Тайге, в долине р. Биче-Шуй расчищено древнетюркское погребение с конем.

Вторая группа экспедиции под руководством С. И. Вайнштейна раскопала 29 объектов в Сут-Хольском и Бай-Тайгинском районах и один в г. Кызыле. Исследовались памятники от эпохи бронзы до конца XIX в. В г. Кызыле вскрыто разрушенное скифское погребение в каменном ящике. В могильнике в урочище Кок-Эл вскрыт ряд курганов гунно-сарматского, древнетюркского времени, поздние курганы, древнетюркские оградки, каменная выкладка.

Я. И. Сунчугашев (средняя школа пос. Хову-аксы Тандинского района) произвел фиксацию древних горных выработок в районе пос. Хову-аксы в горах Кара-хая, Бош-Таг и по р. Элегест. Осмотрены открытые выработки, штольни, карьеры, относящиеся к позднему этапу эпохи бронзы (к XII—VIII вв. до н. э.).

Иркутская область. Продолжались работы Братской (Ангарской) экспедиции и исследования большого масштаба Байкальской (Иркутской) экспедиции³⁴.

Ангарская историко-археологическая экспедиция Иркутского университета под руководством П. П. Хороших работала на реках Ангаре и Оке. у Б. Кадинского порога (р. Ока) обследованы наскальные рисунки — антропоморфные фигуры, фигуры лосей, оленей, лошади, водоохлаждающих птиц и др., расположенных в одиночку и группами. Многие изображения

³⁴ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 302, 303.

обведены по контуру желобком. Небольшие фигурки животных и антропоморфные сделаны легким нажимом какого-то металлического орудия. Некоторые изображения, кроме того, по контуру покрыты красной краской. Более древние рисунки — большие фигуры лосей и птиц — относятся к концу неолита (следует упомянуть, что близ порога найдено несколько неолитических орудий). Некоторые слабо высеченные рисунки, возможно, датируются древнетюркским временем. Обследована неолитическая стоянка на правом берегу р. Ангары близ с. Лучиха (Братский район). На острове р. Ангары Наротай, в урочище «На камне» собран материал китойского и серовского времени, в другом месте — фрагменты керамики эпохи бронзы. На острове Московском и у Ангарского леспромхоза обнаружены находки, относящиеся к эпохе железа и неолита. На р. Оке, в местности Мutowка производилось исследование неолитической стоянки (китойское время), на песчаных выдувах между селами Больше-Окинским и Долоново найдены материалы эпохи железа и неолита.

Экспедиция под общим руководством М. М. Герасимова (Иркутский областной краеведческий музей совместно с археологическим отрядом Братской геолого-палеонтологической экспедиции Восточно-Сибирского филиала АН СССР) проводила исследования тремя группами. Группа под руководством В. В. Свинина продолжала исследование многослойной стоянки Усть-Белая (одновременно с работами отряда Братской экспедиции под руководством Л. Я. Крижевской). Подтвердилось наличие семи напластований (6-й слой в 1959 г. не прослежен). Верхний слой относится к курыканскому времени, ниже — к неолиту, затем залегает несколько напластований, датируемых мезолитом. Другая группа экспедиции под руководством Г. И. Медведева проводила исследование стоянки Верхоленская гора. В результате работ внесены коррективы в датировку стоянки Б. Э. Петри. Выяснено, что она однослойная и существовала в эпоху, предшествующую неолиту — в эпоху сибирского мезолита. Группа М. П. Аксенова вела разведочные работы в местности Черемушник (левый берег р. Белой, близ с. Бадай). По каменному инвентарю и остеологическому материалу стоянка близка культуре стоянки Верхоленская гора, но есть ряд отличий.

Магаданская область. Чукотский отряд Северной экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством М. Г. Левина и Д. А. Сергеева продолжал раскопки Уэленского могильника (Чукотский нац. округ). Вскрыто 23 погребения, из которых пять парных; последние обычно сопровождаются большим количеством вещей — поделки из моржового клыка, каменные изделия. Находки в общем аналогичны находкам из раскопок предыдущих лет.

Н. Н. Диков (Чукотский краеведческий музей) исследовал археологические памятники на побережье Тихого океана (пос. Анадырь) и на берегу Ледовитого океана на острове Айон. Закончены раскопки Усть-Бельского могильника. В 1959 г. раскапывалось семь курганов; четыре новых и три — начатых ранее. Кроме того, вскрыты три могильные ямы, не окруженные каменной наброской. Почти во всех курганах и ямах обнаружены признаки погребений — человеческие кости (иногда обожженные), охра или угольки. При разведках в низовьях р. Анадыря обнаружен культурный слой на Красненской косе и на Синовой косе, где открыто два очажных пятна и полумезлянка. На Синовой сопке обнаружены обильный отщепами культурный слой, две ямы, большое количество каменных орудий. На неолитической стоянке на Чировом озере (открытой в 1952 г. Н. А. Граве) вскрыто много очагов, хозяйственных ям, остатки печи с дымоходом; собрано большое число фрагментов керамики и других находок. Близ Мухоморненской метеостанции обнаружен неолитический материал; на мысе северного берега Анадырского лимана открыты остатки наземного жилища типа чума или яранги. На острове Айон осмотрена стоянка, открытая В. Д. Лебедевым, и обнаружены еще четыре стоянки. Открытая на острове культура

сходна с культурой нижнеленского позднего неолита и раннего бронзового века. В результате работ стало очевидным, что континентальное население Чукотки уже с эпохи неолита и бронзы входило в пределы формирования не только юкагиров, но и чукчей и эскимосов.

Хабаровский край. На территории Хабаровского и Приморского краев продолжала раскопки и разведки Дальневосточная экспедиция³⁵.

Экспедиция Хабаровского пединститута под руководством Е. И. Тимофеева работала в бассейне р. Биры (от г. Биробиджана до впадения ее в р. Амур). В результате разведок открыты три однослойных неолитических поселения и два многослойных (Надеждинское и Петровское № 1 со слоями эпохи неолита, раннего железа и чжурчженского времени). В с. Дубовом открыт могильник эпохи раннего железа и четыре поселения (два — эпохи раннего железа, одно — эпохи неолита, одно — неизвестного времени). В с. Желтый яр открыто городище эпохи раннего железа, близ этого села найдены каменные неолитические орудия (и, возможно, мезолитические). В с. Петровском открыто два поселения: 1-е — эпохи неолита и 2-е — уже указанное многослойное. На некоторых поселениях обнаружены жилища — полуземлянки.

Приморский край. Э. В. Шавкунов (Дальневосточный филиал АН СССР) продолжил раскопки бохайского памятника в долине р. Чапигоу, начатые в 1958 г. Кроме этого, обследованы окрестности с. Кроуповки (Славянский район). Обследованы остатки сельского поселения на сопке Абрикосовой. В составе Дальневосточной экспедиции Института археологии АН СССР произведены разведки средневековых памятников в долине р. Сучан, главным образом на Николаевском городище. На горе Копыто вскрыты контуры западной оконечности оградки двора храма. Близ храма обнаружено небольшое жилище — землянка, возможно принадлежавшая привратнику. На соседних с Копыто сопках вскрыто пять погребений (ограбленных), одно из них под насыпью кургана, тоже бохайского времени.

Только в приведенном выше перечне экспедиционных работ мы упомянули более чем о 1100 различных памятниках, которые исследовались в отчетном году по РСФСР, из них более 400 было открыто за то же время при разведках и обследованиях. Уже эти далеко неполные данные позволяют судить о широте и разносторонности работ советских археологов на территории Российской Федерации.

³⁵ Н. К. Лисицына. Указ. соч., стр. 302.

ОБЪЕДИНЕННАЯ СЕССИЯ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР
И ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
АН УССР

С 5 по 10 мая 1960 г. в Киеве проходила Объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР, Пленум Института археологии АН СССР, X конференция Института археологии АН УССР, а также объединенное заседание Ученых советов Института этнографии АН СССР, Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР.

В работе Сессии приняло участие 600 человек. На пленарных и секционных заседаниях заслушано около 200 докладов, посвященных важнейшим полевым исследованиям 1959 г., проведенным в различных районах нашей страны и охватившим памятники различных эпох: от палеолита до позднего средневековья. Сессию открыл вице-президент АН УССР академик *А. Н. Щербань*.

Первым на Сессии был заслушан доклад академика *Б. А. Рыбакова* «Киевская Русь и проблема феодальной раздробленности», в котором освещен малоизученный период XII—XIII вв. в жизни Руси. В противоположность установившейся в науке точке зрения о том, что XII—XIII вв.— это время распада единой Киевской Руси, исследователь считает его временем возникновения и существования самостоятельных древнерусских княжеств и расцвета производительных сил древнерусского общества накануне монгольского нашествия.

С докладом «О южных путях заселения Восточной Европы в эпоху раннего палеолита» выступил *С. Н. Бибииков*. Автор выдвинул гипотезу о том, что заселение Восточной Европы произошло с территории Кавказа в эпоху среднего палеолита. Уход древнего человека из горных районов Кавказа в позднеашельское время связывается им с наступившим здесь похолоданием и гляциальными явлениями.

О древнем русском городе Переяславской земли Воине, основанном Владимиром Святославовичем во второй половине X в. вместе с другими городами на пограничных рубежах Руси, сделали доклад *В. И. Довженок*, *В. К. Гончаров* и *Р. А. Юра*. В результате четырехлетних работ было прослежено три строительных периода в жизни города, открыта внутренняя укрепленная гавань.

В. П. Шилов посвятил доклад исследованию 9-метрового кургана из группы «Пять братьев» Елизаветовского могильника, раскопки которого были начаты *П. И. Хицуновым*. В каменном склепе обнаружено неразграбленное погребение скифского вождя с богатейшим инвентарем.

Итогам десятилетней работы в Гарни был посвящен доклад *Б. Н. Аракеяна*. Здесь открыта крепостная стена с 14 мощными башнями,

возведенная из базальтовых квадров, обнаружены остатки комплекса усадебно-дворцовых сооружений и античный некрополь. Гарнийский архитектурный комплекс и большое количество археологических предметов позволяют выяснить облик материальной культуры древней Армении и ее место в кругу эллинистических стран.

О трехлетнем систематическом исследовании Изяславского городища доложил *М. К. Каргер*.

На заседаниях Пленума Института археологии АН СССР и X конференции Института археологии АН УССР сделали доклады *А. И. Тереножкин*, *П. Н. Шульц*, *С. П. Толстов* и *Б. А. Рыбаков*.

Большую дискуссию вызвал доклад *А. И. Тереножкина* «Прародина славян и лужицкая культура». Исследователь на основании высказываний древних авторов, анализа гидронимики и топонимики Среднего Поднепровья помещает прародину славян в лесостепном междуречье Днепра — Днестра, считая ошибочной теорию происхождения славян в междуречье Одера — Вислы и идентификацию их с лужицкой культурой. Анализируя археологические культуры, автор считает, что культуры праславян можно идентифицировать с культурой земледельческо-скотоводческих племен скифского времени, представленной в лесостепи между Днестром и Днестром и ведущей свое происхождение от чернолесской и белогрудовской культур поздней бронзы и самого начала железного века.

В. Д. Блаватский сделал доклад об итогах двухлетних совместных работ Советско-Албанской экспедиции по исследованию Апполонии Иллирийской.

О раскопках Неаполя Скифского — самого яркого памятника культуры поздних скифов — сообщил *П. Н. Шульц*. Работы последних лет внесли существенные уточнения в вопросы стратиграфии, топографии и хронологии города. Теперь уже совершенно определенно можно говорить о том, что в первую половину III в. до н. э. здесь было открытое поселение; строительство укреплений начинается лишь во второй половине III в. до н. э. Во II в. н. э. это уже город-крепость с разнообразными типами общественных и жилых зданий.

Доклад члена-корр. АН СССР *С. П. Толстова* был посвящен скифам Восточного Приаралья.

Академик *Б. А. Рыбаков* в докладе «Былины, летописи и археология» показал важность использования былин как источника, освещающего историю древней Руси.

На заседаниях секций каменного века, неолита и бронзы, скифо-сарматской, античной, славяно-русской, средневековой археологии Юга и Востока СССР было заслушано 117 докладов и сообщений, в обсуждении которых приняло участие 143 человека.

На секции каменного века сделано 20 докладов и сообщений. Доклад *М. М. Герасимова* был посвящен исследованию Мальтийской палеолитической стоянки, на которой в 1959 г. были завершены многолетние полевые работы. На основании геолого-стратиграфических данных и фаунистического комплекса стоянку можно считать одной из древнейших на территории Сибири. *М. М. Герасимов* подчеркнул, что мальтийская культура не имеет общих корней с европейским палеолитом; специфика инвентаря и монголоидный расовый тип ее носителей свидетельствуют об азиатском юго-восточном происхождении.

В докладе о познепалеолитической культуре степной Украины *П. П. Ефименко* отметил характерные черты познепалеолитических памятников Амвросиевки и Аккаржи и указал на ближайшие аналогии кремневому инвентарю в материале позднепалеолитических горизонтов пещер Причерноморья Грузии и Крыма. Автор считает, что и Амвросиевка и Аккаржа возникли в результате расселения охотничьих племен Прикавказья в области Причерноморских степей. *Е. А. Векиловой* был сделан обзор достижений по

изучению каменного века Крыма, от мустье до неолита, за 80 лет. Благодаря работам *Л. Н. Соловьева* на двухслойной стоянке в гроте Хупынипшахва выяснен вопрос о характере перехода от палеолита к неолиту в Абхазии. Считалось, что неолитическое хозяйство было принесено сюда в сложившемся виде из более развитых стран Востока. Теперь стало совершенно очевидно, что неолитическая культура возникает на местной основе. *А. Н. Каландадзе* сообщила о результатах исследования Цонской многослойной высокогорной пещерной (карстовой) стоянки. О работах в Армении и Осетии доложил *В. П. Любин*. В исследованных им районах Армянской ССР открыто свыше 10 верхнепалеолитических и мустьерских мастерских каменных орудий. В Северной Осетии обнаружена мезолитическая пещерная стоянка Шар-легет (пещера Черная), в Южной Осетии — высокогорное ашельское местонахождение открытого типа Учелет.

В. А. Месяцем открыта первая древнейшая стоянка ашельского времени на территории УССР — Житомирская. *Н. Д. Праслов* сообщил о девяти новых палеолитических местонахождениях в Северном Приазовье с прекрасным материалом мустьерского и домустьерского времени.

Интересные результаты дали раскопки верхнепалеолитических стоянок в Ростовской области — Каменная балка I и Каменная балка II, относимых исследователем *М. Д. Гвоздовер* ко второй половине верхнего палеолита. С большим вниманием было заслушано сообщение *А. В. Бодянского* о стоянках мустьерского времени на берегах Каховского моря.

Ю. Г. Колосов доложил об открытых им новых памятниках мезолитического и неолитического времени на территории степного Крыма (грот Водопадный, навес Шапка, стоянки Ай-Димитровская, Большая Поляна, Кобаларская). *Д. С. Цвейбель* рассказала о работах на раннепалеолитической стоянке у с. Александровка Донецкой области. О работе на мустьерской стоянке в гроте Старые Друиторы (Молд. ССР) сообщил *Н. А. Кетрару*. *А. Н. Рогачев* сделал доклад о продолжении исследований Тельманской стоянки (Костёнки VIII), *Д. Н. Лев* — о возобновлении работ на Самаркандской палеолитической стоянке. *В. Д. Будько* высказал в своем докладе ряд положений, уточняющих возраст свидерской культуры в Белоруссии. О работах у с. Маковского на р. Кети доложил *Р. В. Николаев*.

На секции неолита и бронзы заслушано 26 докладов и сообщений.

Большой интерес и обсуждение вызвал доклад *В. Н. Даниленко* о хронологии неолита Украины в связи с исследованиями на Южном Буге. Автор установил пять фаз в развитии южнобугского неолита, он подчеркнул, что значение бугской неолитической культуры заключается не только в том, что она была местной основой для сложения трипольской культуры, но также и в том, что эта культура оказалась своеобразным промежуточным звеном, связывающим неолит Восточной и Западной Европы. Ценные материалы получены *Д. Я. Телегиным* и *А. В. Бодянским* при раскопках Никольского некрополя в Надпорожье и Лысогорского могильника на Днепре.

По мнению *Т. С. Пассек* и *С. В. Киселева*, материалы Никольского и Лысогорского могильников дают возможность создать относительную периодизацию, сопоставив Триполье с левобережным неолитом, энеолитом и древнеямной культурой. *Е. М. Берс* рассказала о раскопках позднепалеолитического погребения близ Свердловска. В результате разведок в Ростовской области *Т. Д. Белановской* был получен археологический материал, который позволяет выделить новую культуру и указывает на связь Украины с Кавказом в неолитическое время.

Доклад *Т. С. Пассек* был посвящен работам Молдавской экспедиции, продолжавшей раскопки на многослойном поселении у с. Флорешты, где

сделаны новые интересные наблюдения над стратиграфией двух основных неолитических слоев. В нижнем обнаружены жилища культуры линейно-ленточной керамики, в верхнем — жилища культуры типа Боян. Экспедицией были продолжены раскопки на позднетрипольском могильнике у с. Выхватинцы. Наряду с интереснейшими археологическими находками был изучен и антропологический материал (сообщение *М. С. Великановой*). О раскопках на трипольском поселении Солончены II сделала доклад *Т. Г. Мовша*. Строительные горизонты, открытые на поселении, включают два различных по времени комплекса находок, позволяющих датировать Солончены II средним и поздним этапами развития трипольской культуры.

Об обследовании новых памятников линейно-ленточной керамики во Флорештском районе МССР (Флорешты — Межколхозстрой, Маркулешты, Цыра) и у с. Торское УССР сообщила *Е. К. Черныш*. Доклад *Ю. Н. Захарука* был посвящен выяснению хронологической последовательности ряда энеолитических культур Прикарпатья и Волыни. Об исследовании ямной культуры на Украине сообщила *О. Г. Шапошникова*. Исследователь наметила четыре предварительных варианта древнейшей культуры, положив в основу своеобразие погребальных сооружений, особенности погребального обряда, инвентарь и керамику. Доклад *Б. А. Латынина* «Молоточковидные булавки» (вопросы культурной атрибуции и хронологии) вызвал оживленные прения. *И. В. Синецын*, *В. Н. Даниленко* и *В. И. Марковин* указали, что молоточковидные булавки связаны не только с ямной, но и с катакомбной культурой. *И. К. Свешников* подвел итог многолетним работам по изучению комаровской культуры на территории Поднестровья. Автор предположительно наметил три хронологических этапа в ее развитии и указал на связи с рядом синхронных культур (тщинецкой, лужицкой, Монтеору, Ноа и куштановицкой). В качестве рабочей гипотезы им высказано предположение о возникновении комаровской культуры на основе культуры шнуровой керамики при одновременном интенсивном воздействии культур Карпато-Дунайского района. Доклад *И. Р. Селимханова* был посвящен исследованию металлического инвентаря III—II тысячелетий до н. э. из некоторых памятников Ростовской области, Украины и нижней Волги. *И. И. Артеменко* в докладе о среднеднепровской культуре уточнил территорию ее распространения и датировку.

С докладом «О связях населения Среднего Поволжья в эпоху неолита и бронзы с южными районами Европейской части СССР» выступил *А. Х. Халиков*. *В. И. Марковин* рассказал об исследовании могильника Гатын-Кала в горной Чечне, относящегося к середине II тысячелетия до н. э., *Т. Н. Чубинишвили* — о результатах раскопок на Амиранис-Гора в южной Грузии.

Э. А. Балагури доложил о раскопках могильника позднебронзового времени у с. Островец Станиславской области. Большой интерес вызвал доклад *А. А. Шепинского* о раскопках курганов эпохи бронзы в степном и предгорном Крыму. О новых стоянках неолита и бронзы, открытых разведками на р. Трубеж, сообщил *А. П. Савчук*. Исследованию поселения ранней бронзы у хутора Репина в излучине Дона был посвящен доклад *И. В. Синецына*.

О раскопках могильника эпохи бронзы в Оренбургской степи сделала доклад *Э. А. Федорова-Давыдова*. Об исследовании на территории Коми АССР доложили *В. И. Канивец* и *Г. М. Буров*. *Г. М. Буров* дал периодизацию стоянок каменного века и эпохи бронзы в бассейне р. Вычегды.

На секции скифо-сарматской археологии заслушаны 21 доклад и сообщение. Особое внимание было уделено вопросам раннего железа.

Доклад *Г. И. Смирновой* посвящался работам на поселении у с. Магала

в 7 км от г. Черновцы. Систематическими раскопками в течение четырех лет вскрыта часть поселения с зольниками и остатками жилых и хозяйственных сооружений, синхронных зольникам. Обнаруженные на поселении признаки культуры Монтеору подтверждают генезис культуры Ноа. *И. С. Винокур* и *Б. А. Тимошук* проводили исследование у с. Круглик Черновицкой области гето-фракийского поселения и могильника с обрядом сожжения, которые датируются черняховским временем.

Большой интерес вызвал доклад *Е. Ф. Покровской* и *Е. А. Петровской* об исследовании поселения эпохи поздней бронзы у с. Б. Андрусовка. Собранный материал свидетельствует о том, что еще до появления в VIII—VII вв. до н. э. черноморских городищ территория южной части лесостепного Приднепровья была населена земледельческими племенами, культура которых послужила основой культуры чернолесского, а затем и раннескифского времени.

О. Д. Ганина сделала сообщение о раскопках на поселении VI—III вв. до н. э. у с. Иване-Пусте. Выявлены остатки наземного каркасного жилища с двухскатной крышей. В жилище открыты остатки каркасной печи со сводом. Большой керамический материал и металлические изделия свидетельствуют о связях племен западной Подолии с племенами Поднепровья, Побужья и античным миром. В докладе о раскопках на городище Кузина гора *А. Е. Алихова* подвела итоги исследованию на одном из интересных памятников скифского времени в бассейне р. Сейма.

Памятникам милоградского типа в Южной Белоруссии посвятила свой доклад *О. Н. Мельниковская*. Раскопки последних лет позволили автору уточнить дату культуры и включить ее в хронологические рамки с V—IV вв. до н. э. по I—II вв. н. э.

Интересные доклады были посвящены вопросам скифо-сарматской археологии. Необходимо отметить доклад *В. А. Ильинской* «Скифская узда VI в. до н. э. по материалам Посулья». *Г. Т. Ковпаненко* сделала доклад о памятниках скифского времени бассейна р. Ворсклы, которые хронологически автор подразделяет на три группы. С докладом о результатах совместных раскопок на Бельском городище выступили *Б. Н. Граков* и *Б. А. Шрамко*. Кроме того, *Б. Н. Граков* сделал сообщение о железном мече скифского типа (из-под Мурома), на котором он показал эволюцию формы скифских мечей в удаленных от Скифии северо-восточных областях. О раннескифском погребении близ Симферополя сообщил *А. А. Щепинский*. О работах на поселении позднескифского времени у с. Золотая балка сделала доклад *М. И. Вязмитина*, о пятилетних раскопках скифо-сарматского могильника первых веков нашей эры у с. Заветное Крымской области — *Н. А. Богданова*. *Е. В. Максимов* рассказал об открытых им новых памятниках позднескифского времени и зарубинецкой культуры на территории Среднего Поднепровья. В докладе «Характер хозяйства ранних nomadов» *К. Ф. Смирнов* по-новому осветил систему хозяйства сарматских племен. Представляя сарматов чистыми кочевниками, исследователи допускали лишь процесс частичного оседания среди оседлого меотского населения Кубани и Дона. Автор доказывает, что сарматы вели полуоседлый образ жизни; у них были постоянные зимовки и постоянные летние пастбища; некоторые занимались земледелием. Кроме того, были хорошо развиты домашние ремесла.

О работах в восточных районах Оренбургской области доложила *М. Г. Мошкова*. Погребальный обряд и находки Алануского кургана дали возможность отнести к савроматам курган, находящийся около Челябинска (раскопки Минко). Благодаря этому граница распространения савроматских племен продвигается дальше на север.

О раскопках 1954—1959 гг. на городище Алма-Кермен у с. Заветное (Крым) сообщила *Т. Н. Высотская*. *И. Б. Брагинский* сделал сообщение «Амфоры Елизаветинского кургана».

Культуре городищ второй половины I тысячелетия до н. э. в верховьях Днепра был посвящен доклад *Е. А. Шмидта*. Городища эти — укрепленные поселения патриархально-семейных коллективов, основным занятием которых было земледелие и скотоводство. Автор на основании материалов с городищ, а также в результате изучения топонимики приходит к выводу, что поселения верховьев Днепра принадлежали к группе восточнобалтийских племен, которые в первых веках нашей эры входят в соприкосновение с зарубинецкими племенами и воспринимают элементы их культуры. *Г. Н. Троицкая* доложила о раскопках могильников железного века в среднем Приобье.

На секции античной археологии заслушано 18 докладов и сообщений.

Большой интерес вызвал доклад *А. И. Болтуновой* о раскопках Танаиса, исследования которого ведутся с 1955 г. Раскрыт значительный участок города с достаточно хорошо сохранившимися жилыми и хозяйственными постройками и частью оборонительной стены, защищавшей город с севера-востока. Все эти сооружения датируются III—I вв. до н. э.

О работах в Тире доложила *А. И. Фурманская*. Наибольший интерес вызывает обломок мраморной плиты с надписью III—II вв. до н. э. Это первый эпиграфический памятник, свидетельствующий о широких международных связях Тиря в эллинистическое время. Археологические данные позволяют частично восстановить историю Тиря, начиная с IV в. до н. э. по III в. н. э. *М. С. Синуцын* рассказал о работах на городище в с. Роксаланы, одного из поселений Тирской хоры, а *И. Т. Кругликова* — о работах на поселении у дер. Семеновка. Здесь вскрыта оборонительная стена I в. н. э. и жилые комплексы III в. н. э. Общий облик поселения и характер быта его обитателей близки другим боспорским поселениям III в. н. э. Об открытии новых античных памятников сообщила *Ю. С. Крушкоч*. В 1959 г. в Анапском районе обнаружены синдские захоронения в могильнике у хутора Рассвет и слой эллинистического времени на территории совхоза Джемете.

Г. Д. Белов и *В. В. Борисова* доложили о работах в Херсонесе, где вскрыты интересные сооружения эллинистического и римского времени. О консервации замечательного памятника боспорского искусства — склепа Деметры в Керчи — сообщил *Ф. Т. Гусаров*. Доклад «Новые данные о скульптуре Херсонеса» сделала *А. П. Иванова*. Ольвии была посвящена серия докладов. О продолжающемся изучении западной стороны Ольвийской агоры сообщил *Л. М. Славин*. В результате раскопок 1956, 1957, 1959 гг. установлена планировка и характер застройки агоры. Открыты торговые ряды.

В 1959 г. были возобновлены работы на восточной части агоры (*Е. И. Леви*). Открыто здание IV—II вв. до н. э. При расчистке глинобитного пола подвального помещения найдено 127 монет ольвийской чеканки. *А. Н. Карасев* посвятил свой доклад исследованию ольвийского темениса и большой стои, которая раскрыта целиком работами 1959 г. Сооружение ее относится к концу IV — началу III в. до н. э. *В. М. Скудновой* в докладе «К вопросу о датировке архаической Ольвии», поставлен вопрос о более позднем времени возникновения Ольвии, чем считается сейчас в науке. *И. Б. Брашинский* сделал попытку выделить группы кровельной черепицы ольвийского производства.

В. Д. Блаватский выступил с докладом о подводных работах в Фанагории.

Проведенные *А. Н. Карасевым* в 1959 г. охранные раскопки близ Евпатории у санатория «Чайка» положили начало исследованию одного из опорных береговых пунктов позднескифского государства в Крыму. Он создан в II в. до н. э. на месте полностью разрушенного древнегреческого поселе-

ния. В специальном сообщении *Ф. М. Штительман* доложила о двух бес- паспортных сосудах (бронзовой ойнохой и краснофигурном аттическом кра- тере), хранящихся в Киевском государственном музее восточного и запад- ного искусства. Установлено, что эти сосуды происходят из кургана скиф- ского времени с Каневщины, который был раскопан в 1845 г. Первый сосуд датируется второй половиной V в. до н. э., второй — концом V — началом IV в. до н. э.

П. О. Карышковский сообщил о результатах изучения кладов серебря- ных истрийских монет конца V в. до н. э., найденных на Херсонщине.

На секции славяно-русской археологии с докладами и сообщениями выступило 18 человек.

В. В. Кропоткин выступил с докладом «Экономические связи Восточ- ной Европы с Римской империей и Византией в I тысячелетии н. э.» Док- лад *М. А. Тихановой* был посвящен исследованию поселения III—IV вв. н. э. у с. Лепесовки, где открыто двухкамерное жилище, одна из камер кото- рого жилая.

Е. В. Махно сообщила об открытии 21 нового поселения черняховского времени в зоне затопления при Кременчугской ГЭС. *Э. А. Сымонович* — о новых черняховских поселениях возле Ромашковского и Черняховского мо- гильников, вдоль старого русла Днепра под Черкассами, а также о начале работ на черняховском поселении и могильнике у с. Журавка. О результа- тах раскопок черняховских селищ в Молдавии в 1959 г. сделал доклад *Э. А. Рикман*.

В. П. Петров доложил о многолетних раскопках на поселении у с. Сте- цовка. Памятник послечерняховского времени VII—VIII вв. принадлежит к выделенной автором Тясминско-Поросской локально-типологической группе.

О группе памятников VIII—IX вв. у с. Пеньково в устье р. Тясмина сделал сообщение *Д. Т. Березовец*.

П. И. Хавлюк на основании археологического материала из Южного Побужья пытался проследить преемственность в культурном развитии сла- вян с V—VI вв. до Киевской Руси. О раскопках на Княжей горе доложила *Г. Г. Мезенцева*.

О славянах в балтах верхнего Поднепровья говорилось в докладе *В. В. Седова*. В середине I тысячелетия балтийские племена раздели- лись на две большие группы, одну из которых составляли древнелитов- ские племена, вторую — предки латышей и родственные им племена. В середине I тысячелетия в Повислинье и Псковщину продвигается группа славян. С этого времени начинается процесс славянизации балтийского населения.

Д. И. Блифельд рассказал об интереснейшем могильнике в Шестовицах. По характеру обряда и инвентарю четко выделяются погребения господ- ствующего слоя древнерусского общества. В Шестовицком могильнике встречено больше, чем где бы то ни было в среднем Поднепровье, вещей несомненно скандинавского происхождения. Однако автор не считает воз- можным согласиться с мнением Арне, который рассматривает Шестовицкое поселение X—XI вв. как варяжскую колонию. По характеру обряда и основной массе материала автор увязывает Шестовицкий могильник с местным славянским населением.

О раскопках древнерусского храма XII в. в с. Василев Черновицкой области доложил *Б. А. Тимошук*. Им раскопан трехнефный, трехабсидный, четырехстолпный храм. Особого внимания заслуживает каменная плита (крышка от саркофага), найденная с внешней стороны храма у его север- ной стены. На плите помещены геометрические знаки: «вавилон», «знаки юриковичей» и др.

В. А. Богусевич сообщил о раскопках дворцового храма XII в. в Путив- ле. *Г. М. Власовой* при раскопках древнерусского могильника в с. Эбуж

Волынской области обнаружены погребения так называемого волынского типа, датируемые XI в. О раскопках древнего Новогрудка доложила *Ф. Д. Гуревич*. Ею раскопаны две своеобразные жилые постройки XII в., возведенные одна над другой. С интересом заслушан доклад *Л. В. Алексеева* о раскопках древнерусских городов Браслава, Друцка, Мстислава.

Необходимо отметить доклад *О. Н. Чистяковой* «О консервации влажной древесины из раскопок».

На секции средневековой археологии Юга и Востока СССР с докладом «К вопросу о происхождении меотов» выступил *Н. В. Анфимов*. Исследователь считает, что на основании материалов Николаевского могильника VIII первой половины VII в. до н. э. можно проследить генетическое развитие меотской культуры. По его мнению, корни меотской культуры местные. О раскопках Сухумской крепости доложил *М. М. Трапш*.

В районе крепости выявлены пять основных разновременных строительных этапов II—V вв.—X—XI вв. н. э. Заслуживает внимания исследование оборонительных стен V—VI вв. н. э. Обнаружена большая гончарная печь для обжига черепицы и кирпича IV в. н. э.

Итогом исследования аланского городища Верхний Джулат, находящегося близ станицы Змейской Северо-Осетинской АССР, был посвящен доклад *Е. И. Крупнова*. В аланском слое вскрыты руины небольшого христианского храма XII в. и 69 грунтовых христианских могил. Автор находит возможным считать храм производным не от грузинского, а от византийско-русского церковного зодчества. Этот памятник — новый, важный источник, освещающий древние связи Кавказа с Русью.

Интересную информацию о работе в Дагестане сделал *К. А. Бредэ*. Им открыты новые памятники на р. Сулак. О Верхне-Чирюртских гончарных мастерских сделал сообщение *И. П. Костюченко*.

М. А. Фронджуло сообщил о результатах пятилетних работ на средневековом поселении в с. Планерском. Раскопками прослежено здесь два слоя: раннесредневековый X в. и позднесредневековый XIV—XV вв. Выявлены жилые дома, хозяйственные кладовые, фундаменты церкви и плиты погребения.

По мнению автора, археологический материал позволяет выдвинуть предположение об отнесении поселения к особой культуре, существовавшей в VII—IX вв. в юго-восточном Крыму, на Тамани и в других местах северо-восточного Причерноморья. *Е. В. Веймарн* доложил о раскопках могильника у с. Скалистое, а *Ю. Ф. Буряков* — об исследовании Тункета, столицы Илака, в долине р. Ангрэн.

Интересен нумизматический доклад *Е. А. Давидович* «Об изучении средневековой метрологии Средней Азии». Автор считает временем установления среднеазиатской метрологии позднее средневековье. О раскопках на городище X—XII вв. Карабулак сделала доклад *Г. А. Брыкина*. *Х. М. Мухамедов* рассказал об оборонительных сооружениях, окружающих оазисы Узбекистана. *П. Н. Кожемяко* познакомил слушателей со средневековыми поселениями центрального Тянь-Шаня в долине рек Алабуги, Джумгала, Сусамыра, а *И. Кожембердиев* — с катакомбными памятниками долины Кетмень-Тюбе.

Благодаря трехлетним работам в долине среднего течения р. Мокши *М. Ф. Жигановым* исследовано около 10 селищ и два городища, что позволило выявить границы древней территории расселения мордовских племен и особенности их развития.

В заключении Сессия и Пленум приняли резолюцию, в которой нашли отражение достижения и недостатки советской археологии за 1959 г.

В заключительной части резолюции перечислены основные задачи, стоящие перед археологами:

1) созывать региональные конференции, посвященные отдельным проблемам археологии и этнографии;

2) считать необходимым организацию комиссии Институты археологии АН СССР и АН УССР для изучения царских скифских и сарматских курганов;

3) отмечая известные успехи в области изучения этнической истории славянских народов, считать необходимым усиление разработки этой тематики и созыв специальных археолого-этнографических совещаний по этим проблемам.

Е. Н. Симонова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ДАИ — Дополнение к актам историческим
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗРГО — Записки Русского географического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЯЛЭ — Институт языка, литературы и этнографии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЭТШ — Наукові записки товариства ім. Шевченко
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа